

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

Абдулвагапова А.А. РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕГИОНЕ	3
Абрамян Г.А. ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА РЕГИОНАЛЬНУЮ ЭКОНОМИКУ	11
Акимова О.Е., Волков С.К., Кузлаева И.М. АНАЛИЗ ПОТЕНЦИАЛА РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ	19
Барковская В.Е., Абрашкин М.С. ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ НАУКОЁМКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ	28
Бурденко Е.В., Кадиева А.Т. ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ИНДУСТРИЮ ПИТАНИЯ	36
Веселовский М.Я., Сидоров М.А. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВНЕДРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ НА МАКРОУРОВНЕ	44
Ганченко Д.Н., Нестеренко Е.С. МОДЕРНИЗАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ МЕХАНИЗМОВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНОВ	53
Горбова О.Ю. ОБОСНОВАНИЕ МЕХАНИЗМА РАЗВИТИЯ СФЕРЫ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ НА ОСНОВЕ ПРИНЦИПА ИЕРАРХИИ	59
Джамалдинова М.Д. ИНСТРУМЕНТЫ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ	70
Докукина Е.В., Парфенова Е.В. ОЦЕНКА РИСКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ФИНАНСОВЫХ ЗАТРАТ НА ПРИМЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ РАКЕТНО-КОСМИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ	77
Дроботова О.О. ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ ИНВЕСТИЦИОННОГО РАЗВИТИЯ И ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ	85
Забазнова Т.А., Секачева Т.В., Карпушова С.Е. СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТЬЮ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ: ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАКТИКА	94
Кочина С.К. СИСТЕМНАЯ ДИАГНОСТИКА СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ	105
Кравченко Л.А., Троян И.А. АНТИКРИЗИСНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ И ОГРАНИЧЕНИЙ	111
Пименова Д.А., Суглобов А.Е., Демина Т.Ю. АНАЛИЗ И ОБОБЩЕНИЕ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРЕДМЕТА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	120
Рожков Е.В. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЦЕЛЕВОГО СОСТОЯНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ПЕРМИ)	128
Федотов А.В., Околелых А.А. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	141

Журнал зарегистрирован Федераль-
ной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-63460
от 22 октября 2015 г.

Учредитель – Государственное
бюджетное образовательное уч-
реждение высшего образования
Московской области «Технологи-
ческий университет имени дважд-
ы Героя Советского Союза, лет-
чика-космонавта А.А. Леонова»
(141074, Московская область,
г. Королев, ул. Гагарина, д. 42)
Издается с декабря 2009 г.
Выходит 4 раза в год

ISSN 2078-4023

Журнал «Вопросы региональной эко-
номики» включён в Перечень ведущих
периодических изданий ВАК

Группы научных специальностей и научные специ-
альности в рамках групп научных специальностей,
по которым издание входит в Перечень: 08.00.00
Экономические науки [08.00.05 Экономика и управ-
ление народным хозяйством, 08.00.10 Финансы,
денежное обращение и кредит, 08.00.12 Бухгалтер-
ский учёт, статистика, 08.00.13 Математические и
инструментальные методы экономики, 08.00.14
Мировая экономика].

Подписной индекс в каталоге
НТИ-Роспечать 62190

Главный редактор
Банк Сергей Валерьевич,
д.э.н., профессор

Над выпуском работали
Паршина Ю.С.
Пирогова Е.В.
Харитонов А.А.
Багдасарян А.А.
Макаревич Е.В.

Адрес редакции:
141070, Королев,
Ул. Октябрьская, 10а
Тел. (495)543-34-31 (доб.138),
E-mail: rio-kimes@mail.ru,
Site:www.unitech-mo.ru

Перепечатка материалов, опублико-
ванных в журнале «Вопросы регио-
нальной экономики», допускается толь-
ко с письменного разрешения редакции.

Редакция не несет ответственности
за достоверность информации в мате-
риалах, в том числе рекламных, предос-
тавленных авторами для публикации

Материалы приводятся в авторской
редакции.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

1. **Бурак П.И.**, д.э.н., профессор
2. **Веселовский М.Я.**, д.э.н., профессор
3. **Меньшикова М.А.**, д.э.н., профессор
4. **Христофорова И.В.**, д.э.н., профессор
5. **Шикирш М.**, Ph.D

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

1. **Арженовский С.В.**, д.э.н., профессор
2. **Атаров Н.З.**, д.э.н., профессор
3. **Вилисов В.Я.**, д.э.н., профессор
4. **Городилов М.А.**, д.э.н., профессор
5. **Зенкина Е.В.**, д.э.н., доцент
6. **Измайлова М.А.**, д.э.н., профессор
7. **Овсийчук В.Я.**, д.э.н., профессор
8. **Салманов О.Н.**, д.э.н., профессор
9. **Самаров К.Л.**, д.ф.-м.н., профессор
10. **Сапир Е.В.**, д.э.н., профессор
11. **Секерин В.Д.**, д.э.н., профессор
12. **Ткаченко М.Ф.**, д.э.н., профессор
13. **Черникова Л.И.**, д.э.н., доцент

Подписано в печать
18.06.2021

Формат В5

Печать офсетная. Усл.печ.л. 13,9

Тираж 500 экз.

Заказ № 90-02

Отпечатано

в типографии

ООО «Научный консультант»

г. Москва

Хорошевское шоссе, 35,
корп. 2

Хабилов Р.Р., Серебрякова Т.Ю., Хмелев С.А.
**МОЛОЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО В ИНФРАСТРУКТУРЕ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....148**

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

Абакарова Р.Ш.
**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
МЕХАНИЗМА ИСЧИСЛЕНИЯ И ВЗИМАНИЯ НАЛОГА
НА ИМУЩЕСТВО ОРГАНИЗАЦИЙ.....158**

Аббасова Т.С., Аббасов Т.Э.
**ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ВАЛЮТНОГО КОНТРОЛЯ
В РОССИИ.....163**

Мандрон В.В., Сутормя К.А.
**АНАЛИЗ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
БАНКА ВТБ (ПАО).....170**

БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЁТ, СТАТИСТИКА

Мизиковский И.Е.
**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕССА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ
КОСВЕННЫХ ЗАТРАТ НА СЕБЕСТОИМОСТЬ ПРОДУКЦИИ
(РАБОТ, УСЛУГ) ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ.....179**

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ЭКОНОМИКИ

Пиньковецкая Ю.С.
**ПРЕДПРИЯТИЯ С ВЫСОКИМИ ТЕМПАМИ РОСТА
ЧИСЛЕННОСТИ РАБОТНИКОВ ПО ДАННЫМ ЗА 2020 ГОД.....185**

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Бударина Н.А., Ибрагимов И.Р.
**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ТУРЦИИ.....193**

Красавина Л.Н.
**АНАЛИЗ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА
И ПАКТОВ СТАБИЛЬНОСТИ И РОСТА ЕВРОПА 2020
И ЕВРОПА 2025 НА ОСНОВЕ СИСТЕМНОЙ МЕТОДОЛОГИИ
В КОНТЕКСТЕ ВОСПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ТЕОРИИ.....199**

Сопилко Н.Ю., Мясникова О.Ю.
**ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
ЭКОНОМИКИ ГОСУДАРСТВ ЕАЭС.....207**

Хомякова Л.И.
**МЕХАНИЗМЫ ОФИЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ РАЗВИТИЮ
ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПЕРИОД
ПАНДЕМИИ COVID-19.....214**

УДК 332.055

Развитие системы государственной поддержки малого инновационного предпринимательства в регионе

А.А. Абдулвагапова, аспирантка третьего курса кафедры Управления,
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза,
летчика-космонавта А.А. Леонова», г. Королев, Московская область

В статье представлены результаты оценки внешних и внутренних факторов, оказывающих влияние на реальный объем инновационных товаров, работ и услуг посредством построения модели по панельным данным за 2011-2018 годы по семидесяти двум регионам Российской Федерации. Было выявлено приблизительно тождественное влияние численности научно-исследовательского персонала и вводимых в действие общих площадей жилых домов на зависимую переменную. Также представлены результаты проведенного опроса собственников малого бизнеса на предмет выявления факторов-ограничителей, препятствующих инновационной деятельности.

Малый бизнес; панельные данные; объем инновационных товаров, работ, услуг; государственная поддержка.

Assessment of indicators of innovation activity and implementation of the policy of state support for small innovative business in the Russian Federation

A.A. Abdulvagapova, graduate third-year of the Department of Management,
State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow Region
«Technological University named after twice Hero of the Soviet Union,
pilot-cosmonaut A.A. Leonov», Korolev, Moscow region

The article presents the results of assessing external and internal factors that influence the real volume of innovative goods, works and services by building a model based on panel data for 2011-2018 for seventy-two regions of the Russian Federation. It was found that the influence of the number of research personnel and the total area of residential buildings put into operation on the dependent variable was approximately identical. Also presented are the results of a survey of small business owners in order to identify factors-constraints that impede innovation.

Small business; panel data; volume of innovative goods, works, services; government support.

Оценивая шансы на выживание малых предприятий в конкурентной среде с 1973-го по 1985-е годы, Уильямс [1] обнаружил, что вероятность у недавно открывшихся малых предприятий выжить в течение первых шести месяцев составляет восемьдесят два процента, шансы удержаться на рынке в течение следующих двух лет падают до пятидесяти двух процентов, а вероятность остаться на рынке более трех лет равна всего лишь тридцати девяти процентам. В соответствие с результатами статистического бюро за 2007 год [5], исследовавшие причины банкротств малых предприятий в Австралии, первые три

места заняли: 33% указали плохие экономические условия, 13% личные причины, связанные со здоровьем и 12% обанкротились в связи с отсутствием деловых возможностей. Конечно же, существует большое количество внешних и внутренних факторов, которые могут привести к банкротству малого бизнеса. Далее будут представлены наиболее распространенные причины, по мнению Маззарола [2, 3]: недооценка времени, необходимого для запуска бизнеса, недостаточная капитализация, завышение размеров рынка, недостаток опыта у собственников бизнеса, отсутствие оборотных средств, непонимание разницы меж-

ду денежным потоком и прибылью, неправильное расположение малого бизнеса, слабый персонал, неспособность контролировать эффективность бизнеса и сохранять прибыль для финансирования дальнейшего роста. К основным факторам успеха малого бизнеса можно отнести компетентность собственников и их навыки в производственной, маркетинговой, финансовой и кадровой областях. Качество предоставляемых услуг/продукции имеет решающее значение для обеспечения бизнесу ниши на рынке и получения прибыли выше среднего. Наличие огромного количества разнообразных товаров заменителей требует от менеджеров-собственников разработки определенной доли инновационной составляющей в предлагаемых продуктах и услугах.

С учетом представленных классических внешних и внутренних факторов банкротства и роста малого бизнеса, автором статьи была предпринята попытка выяснить основные стимулирующие факторы роста крупного, среднего и малого инновационного бизнеса в Российской Федерации, а также определение факторов-ограничителей малого бизнеса в современных российских реалиях. В этой связи был выбран «объем инновационных товаров, работ и услуг» в качестве зависимой переменной, отвечающий за ключевой фактор инновационной деятельности российской экономики.

Использование панельных данных в эмпирических исследованиях в сравнении с временными рядами и перекрестными данными имеет ряд преимуществ. В качестве общей отличительной характеристики мы можем сказать: чистые данные временных рядов не содержат информации об индивидуальных различиях, а чистые перекрестные данные не содержат информации о специфических для периодов различиях. Поэтому мы не можем на основе данных временных рядов исследовать эффекты индивидуальных переменных, а на осно-

ве перекрестных данных – исследовать эффекты переменных, зависящих от времени.

Nerlove и др. [4, с. 4-5] делают следующие замечания о необходимости также уделять должное внимание способу генерации фактического типа данных: «во многих приложениях в социальных науках, особенно в экономике, механизм, с помощью которого генерируются данные, непрозрачен... Понимание процесса, с помощью которого генерируются текущие наблюдения, не менее важно. В случае временных рядов данные почти всегда получены путем агрегирования, интерполяции или экстраполяции, или всеми тремя способами. Характер основы выборки или способ, с помощью которого подготавливаются данные, должны быть частью спецификации модели, на которой основан параметрический вывод или проверка гипотез». Регрессионный анализ панельных данных может решить проблемы, которые невозможно решить, если у нас имеются только стандартные одномерные данные. Поэтому в данном исследовании мы рассматриваем модель линейной регрессии, в которой константа и до некоторой степени коэффициенты различаются для разных регионов и между периодами. Эти различия, обозначаемые как индивидуальная и зависящая от времени неоднородность, будут представлены фиксированными параметрами (фиксированными эффектами).

Введение фиксированных эффектов необходимо для учета пропущенных качественных и количественных факторов, которые различаются между регионами и также могут изменяться во времени. Игнорирование таких переменных при построении модели, которые могут быть коррелированы с нашей зависимой переменной, приведет к смещению получаемых оценок коэффициентов, то есть полученные значения коэффициентов при переменных будут ложные, даже если программа выдаст хорошую

статистическую значимость этих коэффициентов.

Проведенное авторское исследование заключалось в поиске количественных факторов, оказывающих влияние на объем российских инновационных товаров, работ и услуг. После выбора, по мнению автора, существенных факторов, были выдвинуты следующие гипотезы:

Первая гипотеза:

H_0 (нулевая гипотеза): рост численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками, не оказывает значимого влияние на объем российских инновационных товаров, работ и услуг;

H_A (альтернативная гипотеза): рост численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками, положительно скажется на объеме российских инновационных товаров, работ и услуг.

Вторая гипотеза:

H_0 : рост используемых передовых производственных технологий не оказывает значимого влияние на объем российских инновационных товаров, работ и услуг;

H_A : рост используемых передовых производственных технологий положительно скажется на объеме российских инновационных товаров, работ и услуг.

Третья гипотеза:

H_0 : рост ввода в действие общей площади квадратных метров жилой недвижимости на 1000 человек населения не оказывает значимого влияние на

объем российских инновационных товаров, работ и услуг;

H_A : рост ввода в действие общей площади квадратных метров жилой недвижимости на 1000 человек населения положительно скажется на объеме российских инновационных товаров, работ и услуг.

Четвертая гипотеза:

H_0 : рост реального валового регионального продукта на душу населения не оказывает значимого влияние на объем российских инновационных товаров, работ и услуг;

H_A : рост реального валового регионального продукта на душу населения положительно скажется на объеме российских инновационных товаров, работ и услуг.

Пятая гипотеза:

H_0 : рост уровня цифровизации местной телефонной сети в городской местности не оказывает значимого влияние на объем российских инновационных товаров, работ и услуг;

H_A : рост уровня цифровизации местной телефонной сети в городской местности положительно скажется на объеме российских инновационных товаров, работ и услуг.

На первом этапе проверялась значимость присутствия в модели фиксированных индивидуальных и временных эффектов с помощью F-статистики Фишера. Далее было построено следующее логарифмическое уравнение по панельным данным:

$$\ln \hat{y}_i(t) = \beta_0 + \beta_1 \cdot \ln[x1]_i(t) + \beta_2 \cdot \ln[x2]_i(t) + \beta_3 \cdot \ln[x3]_i(t) + \beta_4 \cdot \ln[x4]_i(t) + \beta_5 \cdot \ln[x5]_i(t) + \varepsilon_i(t)$$

где $\hat{y}_i(t)$ – объем инновационных товаров, работ и услуг, производимых в регионе i в t -ом временном периоде, β_i – оценки коэффициентов при переменных, $\varepsilon_i(t)$ – случайная ошибка модели регрессии, $x1, \dots, x5$ – факторы, представленные в пяти гипотезах. Полу-

ченные результаты представлены в модели (1).

Проблема поиска, оценки и анализа количественных и качественных факторов, оказывающих положительное влияние на объем инновационной продукции, производимой в Российской Фе-

дерации крупным, средним и малым бизнесом, а также выявление имеющихся факторов-ограничителей, препятствующих малому бизнесу, как основному ресурсу, создающему новые рабочие места и генерирующий в определенной степени инновационные идеи и разработки, объясняет актуальность выбранной темы исследования. Количественный и качественный анализ факторов, препятствующих и стимулирующий инновационную деятельность российских предприятий проводился в два этапа. На первом этапе автором ставилась задача определить переменные, которые в наибольшей степени положительно влияют на рост российских инновационных товаров/услуг.

В этой связи были собраны все имеющиеся статистические данные с сайта Федеральной службы государственной статистики, которые, по мнению автора, могли бы в той или иной степени оказать положительное влияние на рост инновационных товаров/услуг. В итоге было собрано двадцать семь переменных, значимыми из которых оказались всего лишь пять. Оценка факторов, оказывающих влияние на объем российских инновационных товаров, работ и услуг, была проведена в статистическом пакете Eviews 8.0. База данных состоит из представленных в уравнении регрессии переменных за период с 2011 по 2018 годы по семидесяти двум регионам:

$$\begin{aligned} \ln \hat{y}_{i,t} = & -12,45^* + 0,31^* \cdot \ln x1_{i,t} + 1,16^* \cdot \ln x2_{i,t} + 0,30^* \cdot \ln x3_{i,t} + 0,23^{**} \\ & \cdot \ln x4_{i,t} + 1,25^{***} \cdot \ln x5_{i,t} \end{aligned} \quad (1)$$

где $x1$ – численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками,

$x2$ – используемые передовые производственные технологии,

$x3$ – введение в действие общей площади жилых домов на 1000 человек населения,

$x4$ – реальный валовой региональный продукт на душу населения,

$x5$ – уровень цифровизации местной телефонной сети в городской местности,

$i = 1, \dots, 72$ региона, $t = 2011, \dots, 2018$ годы.

Данное уравнение регрессии построено с учетом фиксированных индивидуальных и временных эффектов. Предварительно были проделаны тесты на наличие гетероскедастичности и на избыточные переменные, проверено наличие мультиколлинеарности между объясняющими переменными.

В данной статье представлена наиболее адекватная модель в сравнении с четырьмя полученными. Все номинальные переменные были представлены

в ценах 2011 года, из данных были удалены сезонные и трендовые составляющие и затем все переменные были прологарифмированы. Как и предполагалось, из представленных оценок коэффициентов, при прочих равных условиях, наибольший эффект на реальный объем инновационных товаров, работ и услуг дает переменная «используемые передовые производственные технологии». Неожиданным результатом явилась высокая значимость оценки коэффициента при переменной «введение в действие общей площади жилых домов на 1000 человек населения». Такой уровень значимости этого коэффициента был зафиксирован во всех четырех построенных моделях по панельным данным. Таким образом, наряду с численностью научно-исследовательского персонала в регионе, схожее влияние на реальный объем инновационных товаров, работ и услуг оказывает введение в действие общей площади жилых домов. Однопроцентный рост любой из переменных $x1$ и $x3$, при прочих равных условиях, приведет к увеличению реального объема инновационных товаров, работ и услуг пример-

но на 0,3%. Вдобавок автором выдвигалась гипотеза о влиянии доли организаций, использующих широкополосный доступ к сети интернет на реальный объем инновационных товаров, работ и ус-

луг, которая не была подтверждена даже на десятипроцентном уровне значимости. Далее мы приводим рассчитанные 95%-е доверительные интервалы для коэффициентов модели (1).

Таблица 1 – Нижние и верхние границы 95% доверительного интервала для коэффициентов модели (1)

Переменная	Коэффициент	95% доверительный интервал	
		Нижняя граница	Верхняя граница
Константа	-12,45*	-18,616	-6,293
X_1	0,31*	0,212	0,417
X_2	1,16*	0,998	1,319
X_3	0,30*	0,074	0,527
X_4	0,23**	0,001	0,465
X_5	1,25***	-0,069	2,562

Источник: рассчитано автором в статистическом пакете Eviews 8.0

Девяносто пятипроцентный доверительный интервал включает нулевое значение для переменной «уровень цифровизации местной телефонной сети в городской местности», поэтому при негласном пятипроцентном уровне значимости мы могли бы принять нулевую гипотезу о незначимости оценки коэффициента при переменной X_5 . С девяносто пятипроцентной вероятностью мы можем утверждать, что истинные значения коэффициентов находятся в пределах указанных границ таблицы 1.

На втором этапе автором был проведен опрос собственников малого бизнеса в целом по Российской Федерации и, в частности, в Чеченской Республике для выявления проблемных мест в части государственной поддержки и стимулирования инновационной деятельности. В Чеченской Республике среди предпринимателей было опрошено примерно сорок два процента мужчин и пятьдесят восемь процентов женщин. В целом по Российской Федерации среди предпринимателей удалось провести опрос у 78% мужчин и 22% женщин. Тех, кто не оформил свой бизнес и работают в теневой экономике, оказалось от шестнадцати до двадцати восьми процентов. Большинство опрошенных собственни-

ков в Чеченской Республике учредили общества с ограниченной ответственностью (ООО). Таких оказалось около 33%. Менее двадцати пяти процентов респондентов зарегистрировали свой бизнес в виде индивидуальных предпринимателей. По Российской Федерации опрошенных индивидуальных предпринимателей было больше всего на четыре процента от процентного количества оформивших ООО.

Далее в убывающем процентном порядке представлены федеральные округа Российской Федерации, в которых автору удалось опросить представителей малого бизнеса: Приволжский (20,51%), Северо-Кавказский (18,80%), Центральный (16,24%), Северо-Западный (14,53%), Южный (11,97%), Сибирский (8,55%), Уральский (4,27%), Крымский (3,42%) и Дальневосточный (1,71%). Большинство респондентов находились в возрасте от тридцати одного до сорока лет. Это как раз тот возраст, когда у собственников бизнеса уже имеется приличный трудовой стаж работы по найму и скопился опыт, знания и навыки для открытия бизнеса и воплощения своих идей.

Ключевой задачей исследования являлся опрос собственников малого

бизнеса, занимающиеся инновационной деятельностью. В итоге автору удалось опросить 41,16% из всех респондентов Российской Федерации, вовлеченных в реализацию своих инновационных идей и разработок. При этом оказалось, что малый бизнес осуществляет свою инновационную деятельность преимущественно в сфере маркетинговых инноваций. Под маркетинговыми инновациями в нашем случае понимается создание новых маркетинговых приемов и дизайн. В то же самое время маркетинговую сферу опрошенные респонденты (38,47%) отметили в качестве основной сферы, в которой собственникам необходима поддержка со стороны государства и фондов развития. На втором месте стоит необходимая финансовая поддержка (35,12%), а затем уже информационная (14,93%). Наряду с таким распределением ответов, на следующий вопрос о рассмотрении в дальнейшем возможности получать финансовую поддержку со стороны государства или различных институтов развития большинство опрошенных собственников ответили, что не заинтересованы в такой возможности (55,80%) и для развития инновационной деятельности рассчитывают только на собственные средства (33,48%). Желание получать средства из венчурных фондов или в виде кредитов банков второго уровня имеется лишь у 4,85% и 5,73% респондентов соответственно. В Чеченской Республике на собственные средства для развития инновационной деятельности рассчитывают 22,73% опрошенных. Никто из респондентов Чеченской Республики не захотел обращаться в венчурные фонды для развития собственных инновационных идей и разработок, а в банки второго уровня обратились бы 4,55%. Только 5,30% опрошенных собственников малого бизнеса в Российской Федерации пользовались государственной поддержкой или поддержкой институтов развития. Также у большинства собственников (41,48%) не оказалось

желания сотрудничать с какими-либо структурами в рамках научно-исследовательской деятельности, в Чеченской Республике таковых оказалось 25%. С университетами, научно-исследовательскими институтами и лабораториями хотели бы сотрудничать лишь 11,85% опрошенных. В качестве трех ключевых факторов-ограничителей инновационной деятельности собственниками-менеджерами малого бизнеса были указаны: недостаток собственных денежных средств (19,53%), идей (13,67%) и риск не окупить инновационные инвестиции (11,72%). Респонденты Чеченской Республики на второе место поставили два фактора – это риск не окупить инновационные инвестиции (16,67%) и отсутствие квалифицированных кадров (16,67%), недостаток идей стоит на третьем месте (11,09%). При этом за недостаток собственных денежных средств, в качестве основного фактора, препятствующего инновационной деятельности, высказались 33,3% опрошенных респондентов Чеченской Республики.

Представленные результаты исследования российского малого инновационного бизнеса явно свидетельствуют о слабой информированности собственников-менеджеров о существующих механизмах поддержки со стороны государства и фондов развития, а также о неэффективной работе министерств и ведомств отвечающие за стимулирование предпринимательской активности. При этом такие выводы можно сделать не только по Чеченской Республике, но и в целом по Российской Федерации. По этой причине автором статьи предлагается создать социально-инновационную площадку (комплекс), в котором бы раз в квартал собирались предпринимательские структуры, администрация муниципальных органов власти и некоммерческие организации для выработки решений о насущных проблемах, ограничивающих реализацию стратегических ин-

новационных идей и разработок региона. Привлечение строительно-монтажных организаций как еще одного субъекта взаимодействия для реализации стратегических инновационных идей и разработок региона необходимо при изготовлении рабочих чертежей технических сооружений, косметических и строительных работ.

Для повышения эффективности принимаемых решений целесообразно сократить бюрократические процедуры, а выработанные рекомендации на соци-

ально-инновационной площадке напрямую отправлять в министерство экономического развития Российской Федерации с целью включения полученных рекомендаций в меры поддержки регионального бизнеса и НКО. Также предлагается расширить программы льготного кредитования, уменьшив процентные ставки с 8,5% [6] до 4,5% в связи со сложной экономической ситуацией в стране. Наглядная схема взаимодействия субъектов на социально-инновационной площадке представлена на рисунке 1.

Рисунок 1 – Субъекты социально-инновационной площадки

Источник: разработано автором

Также предлагается всесторонне информировать о имеющихся возможностях у Агентства стратегических инициатив [7] муниципальными властями предпринимателей малого и среднего бизнеса. Данная площадка проводит на регулярной основе программы повышения квалификации, всевозможные конференции, а также бесплатную диагностику компетенций собственников малого и среднего бизнеса с дальнейшими рекомендациями по профессиональному развитию. Агентство собрало в своих рядах

региональные экспертные группы, у которых можно запросить на бесплатной основе наставничество и консультационно-методологическую поддержку своих инновационных идей и разработок.

Таким образом, проведенная оценка показателей инновационной деятельности позволила выделить пять ключевых макро-индикаторов, оказывающих влияние на объем производимых инновационных товаров в Российской Федерации.

Литература

1. 1307.8 – Australian Capital Territory in Focus, 2007 [Electronic resource]. Режим доступа: <https://www.abs.gov.au/AUSSTATS/abs@.nsf/DetailsPage/1307.82007?OpenDocument> (дата обращения: 25.04.2021) [1].

2. Mazzarol T.W., Reboud S. Entrepreneurship and Innovation: theory, practice and context. Сингапур: Springer Singapore. 2020. 509 с. [3].
3. Mazzarol T., Choo S. A study of the factors influencing the operating location decisions of small firms // Property Management. Т. 2. № 21. 2003. С. 190-208 [4].
4. Nerlove N., Sevestre P., Balestra P. Introduction. 3-е изд. // В кн.: The Econometrics of Panel Data. Fundamentals and Recent Developments in Theory and Practice / ред. Matyas L., Sevestre P. Berlin-Heidelberg: Springer. 2008. С. 3-22 [7].
5. Williams A.J. The characteristics and performance of small business in Australia – 1973 to 1985 // Ньюкасл: Ньюкаслский университет. 1987. 710 с. [2].
6. О поддержки малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации. 2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/file/9b1c66345f1044d7620f2483492fbb3b/msp_covid_19.pdf (дата обращения: 28.04.2021) [5].
7. Сервисы АСИ, 2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://asi.ru/leaders/services/> (дата обращения: 27.04.2021) [6].

УДК 332.1

Влияние демографических процессов на региональную экономику

Г.А. Абрамян, преподаватель,

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Южный федеральный университет» (ФГАОУ ВО «ЮФУ»),
г. Ростов-на-Дону, Ростовская область

В статье проведена работа по описанию теоретико-методологической базы прогнозирования демографических процессов в контексте их влияния на социально-экономическое развитие территории, в частности, на промышленный сектор экономики. В проведенном исследовании были спрогнозированы значения объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами; среднегодовой численности занятых в экономике и производительности труда в Ростовской области к 2020 г. и 2030 г., а также представлен комплекс правительственных инициатив, направленных на улучшение демографической ситуации мерами социально-экономической политики. Актуальность статьи обусловлена тем, что в современных условиях одним из ключевых индикаторов качества управления регионом со стороны органов исполнительной власти является демографическая ситуация, формирующая человеческий капитал как основу экономического роста региона, и, как следствие, его конкурентоспособности. Рассматриваемая в данной статье тема будет интересна, в первую очередь, специалистам, занимающимся демографической политикой в региональных органах исполнительной власти, а также широкому кругу экономистов, изучающих вопросы социально-экономического развития.

Региональная экономика, конкурентоспособность, демографический прогноз.

Impact of demographic processes on the regional economy

G.A. Abramyan, Lecturer,

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Southern Federal University» (FGAOU VO «SFedU»), Rostov-on-Don, Rostov Region

The article describes the theoretical and methodological basis for forecasting demographic processes in the context of their impact on the socio-economic development of the territory, in particular, on the industrial sector of the economy. In the study, the values of the volume of shipped goods of own production, works and services performed on their own were predicted; the average annual number of people employed in the economy and labor productivity in the Rostov region by 2020 and 2030, as well as a set of government initiatives aimed at improving the demographic situation by means of socio-economic policy. The relevance of the article is due to the fact that in modern conditions one of the key indicators of the quality of regional management on the part of the executive authorities is the demographic situation, which forms human capital as the basis of economic growth of the region, and, as a consequence, its competitiveness. The topic considered in this article will be useful for specialists involved in demographic policy in regional executive bodies, as well as to a wide range of economists studying issues of socio-economic development.

Regional economy, competitiveness, demographic forecast.

В условиях значительного повышения важности технологического фактора, а также вопросов, связанных с капиталоемкостью, демографический аспект продолжает сохранять свою значимость и характеризуется более сложными зависимостями относительно факторов экономического характера (таких как объём валового продукта, выпуска по конкретным отраслям, производительности труда, потребительского спроса и т.д.) [1, с 85]. Особую роль в качестве связующего звена между демографиче-

ской сферой и экономикой играет баланс трудовых ресурсов. В значительной степени это относится к такому ключевому параметру, как численность занятых в экономике (и в отдельных её отраслях), а также среднесписочная численность работников.

На сегодняшний день демографические аспекты социально-экономических факторов общественного развития получают все больше внимания в контексте развития региональной социально-экономической системы [2, с. 31].

Современные подходы к демографической науке характеризуются сильным влиянием процессов глобализации, а международное сотрудничество в области демографии и статистики в целом позволяет систематизировать и унифицировать основы проведения демографических исследований [3, с. 183]. В качестве одного из ключевых и наиболее актуальных направлений демографической науки на сегодняшний день является демографическое прогнозирование [6, с. 384].

Научно-литературный обзор данной сферы стоит начать с указания первых попыток составления демографического прогноза, которые были предприняты еще в XVII веке – в частности, английскими учеными Дж. Граунтом и У. Петти – они занимались прогнозированием темпов воспроизводства населения в Англии в долгосрочной перспективе. Демографическими исследованиями занимался и великий русский ученый Д.И. Менделеев, еще в начале XX века сделавший долгосрочный прогнозный расчет численности населения Российской империи на основе метода геометрической прогрессии. В целом же значительными прогнозистами широкого профиля в России были такие ученые, как Н.Ф. Федоров, В.В. Докучаев, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, Л.А. Чижевский. В рамках советской прогностической школы необходимо выделить таких ученых, как А.Н. Ефимов, В.А. Котельников, А.И. Анчишкин. Данные ученые внесли значительный вклад в развитие советской эконометрической и экономико-статистической школ, тем самым поспособствовав развитию и демографической науки.

В качестве крупнейших российских научных центров прогнозирования (в том числе демографического) на сегодняшний день можно назвать Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук (ИНП РАН) и Институт Демографии НИУ Высшая

школа экономики (ИДЕМ). Данные центры являются одними из опорных точек современного российского прогнозирования.

Что касается зарубежных школ в области демографического прогнозирования, то в настоящее время в мире существует широкий спектр таких научных школ и центров. В частности, стоит отметить Национальный институт демографических исследований (Франция), Демографическое отделение Социологического факультета Университета Стокгольма (Швеция) и др.

Демографическая ситуация оказывает значительное влияние на развитие экономики региона, на состояние его конкурентоспособности. Субъекты Российской Федерации характеризуются значительной дифференциацией по показателям естественного и миграционного прироста, что связано с диспаритетом уровня социально-экономического развития регионов России.

В Ростовской области на сегодняшний день данная ситуация характеризуется стабильным и достаточно быстрым сокращением населения Ростовская область относится к числу аутсайдеров по естественной убыли и реципиентов по миграционному приросту. При этом естественная убыль превышает миграционный прирост, что приводит к отрицательному демографическому сальдо. Основные причины кроются в недостаточной силе конкурентной позиции региона в социальной сфере, а также в дефиците новых драйверов экономического роста. Соответственно, анализ взаимосвязи демографических и экономических параметров имеет особенную актуальность в контексте понимания перспектив конкурентоспособности региональной экономики ввиду особой значимости человеческого капитала как одного из важнейших факторов конкурентоспособности территории [5, с. 42].

Следует также подчеркнуть, что в более широком контексте демографи-

ческий фактор также традиционно является важнейшим при обеспечении экономической безопасности [4, с. 50]. Это подтверждается традиционно тщательным рассмотрением демографических показателей в рамках основного документа стратегического планирования территории. В частности, в подобном документе Ростовской области демографическому фактору уделено весьма значительное внимание. Так, динамика численности населения трактуется как один из основных показателей социально-экономического развития региона. Кроме того, демографии посвящен отдельный параграф Стратегии, где подробно анализируются половозрастные тенденции, рассматриваются основные демографические коэффициенты, миграционный прирост, а также осуществляется прогноз суммарного коэффициента рождаемости на 2024 и 2030 годы. Кроме того, актуальность демографического анализа для комплексного развития социально-экономической системы Ростовской области, в том числе в пространственном контексте рассмотрен и в параграфе Система расселения.

Демографическая ситуация оказывает значительное влияние на развитие экономики региона. В Ростовской области, данная ситуация характеризуется стабильным и достаточно быстрым сокращением населения, поэтому анализ взаимосвязи демографических и экономических параметров имеет особую актуальность.

Основные демографические параметры в рамках внутреннего развития Ростовской области характеризуются значительным креном в направлении негативных тенденций. Из 55 муниципальных образований 42 демонстрируют естественную убыль и миграционный отток населения, в то время как лишь в 4 наблюдается естественный прирост и миграционный приток. Рост населения за 2010-2017 годы. Происходит в 7 муниципальных образованиях, в основном

относящихся к Ростовскому и Волгодонскому полюсам роста. Причины указанной тенденции связаны с высокой степенью межмуниципальной дифференциации социально-экономического развития. Большую часть территории региона занимают относящиеся к сложным с точки зрения социального развития и хозяйственной динамики муниципальные образования.

В результате осуществленного демографического прогноза численности населения Ростовской области, согласно авторским расчетам, в 2022 году численность населения Ростовской области при отсутствии управленческого воздействия на проблему (т.н. нулевая гипотеза или гипотеза 0), прогнозируется на уровне 4 172 026 жителей, а в 2030 году – 3 955 587 жителей. При применении гипотезы 1 (целевой гипотезы), в рамках которой предполагается управленческое воздействие, направленное на достижение целевых установок национальных проектов, население также будет сокращаться, однако темп депопуляции будет ощутимо меньше (рисунок 1).

Далее рассмотрим влияние прогнозируемых значений численности населения на производственный сектор экономики, в значительной степени отражающий конкурентоспособность экономики региона.

Макроэкономические показатели, спрогнозированные на 2022 и 2030 годы в рамках прогноза социально-экономического развития Ростовской области на среднесрочную [10] и долгосрочную перспективу [11], соответственно, можно использовать для определения производительности труда (таблица 1). Производительность труда, в соответствии с методологией МОТ представляет собой количество продукции, произведенное за определенный промежуток времени в расчете на одного работника. Также для определения производительности труда на макроуровне с учетом разнообразия видов деятельности, осо-

бенностей трудового процесса в разных отраслях и сферах экономики и различной специфики готовой продукции (которая может быть далеко не только в виде физического объема товаров), часто применяется расчет на основе отношения

валовой добавленной стоимости (объема отгруженной продукции для конкретной отрасли) и численности занятых в экономике.

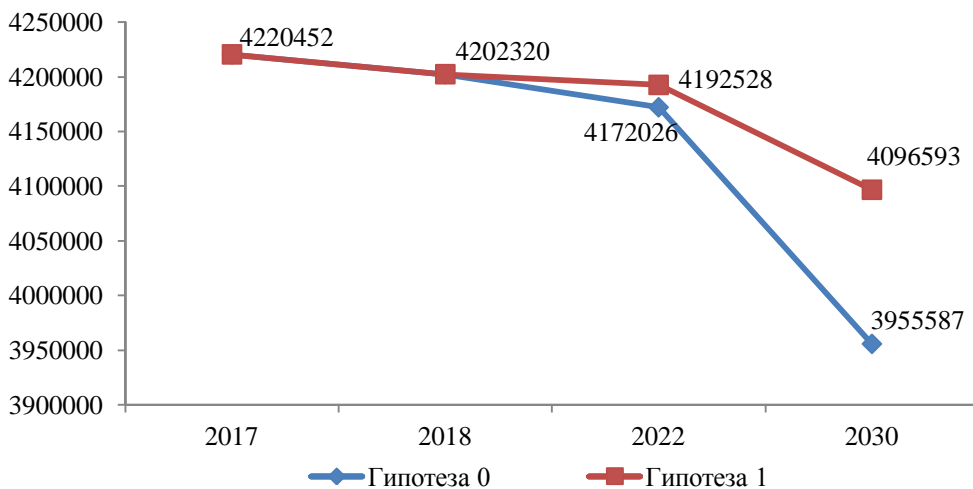

Рисунок 1 – Текущее состояние и прогноз численности населения Ростовской области на 2022 г. и на 2030 г.

В рамках определения производительности труда был рассмотрен коэффициент корреляции между ВРП и численностью занятых в экономике. Он равен -0,95, что говорит о том, что между показателями имеет место очень тесная

отрицательная корреляция, то есть в исследуемый период снижение численности занятых в экономике способствует росту ВРП.

Таблица 1 – Показатель производительности труда на одного работника в основных ценах соответствующих лет [9]

Показатель	Единица измерения	2017	2018	2022	2030
Валовой региональный продукт	тыс. рублей	1 347 142 800	1 424 458 884	1 883 824 500	3 828 627 800
Численность занятых в экономике*	человек	1 958 089	1 935 709	1 938 181	1 893 831
Производительность труда	тыс. рублей	687,99	735,88	971,95	2021,63

*Прогноз численности занятых в экономике получен экспертным путем в рамках данного исследования.

Показатели уровня производительности труда в Ростовской области имеют тенденцию к стремительному росту и составят в 2022 и 2030 годах 971,95 тыс. руб./чел. и

2021,63 тыс. руб./чел., соответственно, при условии роста ВРП и снижении численности занятых в экономике в исследуемые периоды времени. При этом к 2030 году прирост уровня производи-

тельности труда составит 175% относительно показателя 2018 года.

Рассмотрим уровень жизни (благополучия) населения и внутреннюю

динамику экономического роста в прогнозируемые 2022 и 2030 года с помощью показателя ВРП на душу населения (таблица 2).

Таблица 2 – Валовой региональный продукт на душу населения в основных ценах соответствующих лет [9]

Показатель	Единица измерения	2017	2018	2022	2030
Валовой региональный продукт	тыс. рублей	1 347 142 800	1 424 458 884	1 883 824 500	3 828 627 800
Численность постоянного населения (среднегодовая)*	человек	4 220 452	4 202 320	4 192 528	4 096 93
Валовой региональный продукт на душу населения	тыс. рублей	319,19	338,97	449,33	934,59

*Прогноз численности постоянного населения получен экспертным путем в рамках данного исследования.

В рамках анализа ВРП на душу населения был рассмотрен коэффициент корреляции ВРП и численности постоянного населения Ростовской области за 2017 и 2018 годы и показал результат -1. Это означает, что между данными показателями имеет место обратная очень высокая связь, то есть снижение численности постоянного населения Ростовской области влечет за собой рост объемов ВРП.

Непосредственно сам показатель ВРП на душу населения показывает положительную динамику и рост, несмотря на существенный спад численности постоянного населения Ростовской области

к 2030 году, прирост ВРП на душу населения в 2030 году относительно 2018 года составит 176%.

Изучая вопросы числа занятых в экономике Ростовской области и производительность труда, необходимо рассмотреть данный показатель в разрезе крупнейшей отрасли, а именно – обрабатывающие производства, являющиеся флагманом промышленного производства и экономики Ростовской области (в 2017 году доля обрабатывающего производства в промышленности составила 80,4 %, в 2018 году – 80,0%) и занимающие весомую долю в структуре ВРП (таблица 3).

Таблица 3 – Показатель производительности труда обрабатывающего производства в 2017-2018 годах на одного работника в основных ценах соответствующих лет [7]

Показатель	Единица измерения	2017	2018	Среднее значение
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами	млн рублей	772905	906803	839854
Среднегодовая численность занятых в экономике	человек	261023	262068	261546
Производительность труда	млн рублей/чел.	2,96	3,46	3,21

В рамках анализа производительности труда обрабатывающего производства был рассмотрен коэффициент

корреляции между переменными объемом отгрузки и среднегодовой численностью занятых в экономике. Коэффициент

корреляции за исследуемый период равен 1 и определяет очень тесную прямую связь, то есть с ростом численности занятых в экономике объемы отгруженных товаров также будут расти. Необходимо отметить, что, несмотря на общий спад численности населения и, соответствен-

но, численности занятых во всей экономике, численность занятых в обрабатывающем производстве растет. В связи с этим необходимо рассмотреть динамику численности занятых в экономике за более ранний промежуток времени (таблица 4).

Таблица 4 – Среднегодовая численность занятых в экономике (обрабатывающие производства) за 2012-2018 годы, человек [8]

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Среднегодовая численность занятых в экономике	244372	244498	244582	243626	257340	261023	262068

Показатель среднегодовой численности занятых в экономике (обрабатывающие производства) имеет положительную динамику, и на протяжении исследуемого промежутка времени постепенно растет, несмотря на спад численности занятых в экономике в целом за аналогичный промежуток времени. В связи с этим, для определения корректного прогноза на 2022 и 2030 годы необходимо определить коэффициент роста данного показателя. Для этого сравним среднее значение среднегодовой численности занятых в экономике (обрабатывающие производства) за 2017 и 2018 годы с началом исследуемого периода – 2012 годом. Коэффициент роста среднегодовой численности занятых в экономике составил 1,07.

Для вычисления значения среднегодовой численности занятых в экономике (обрабатывающие производства) на 2022 и 2030 годы применено усредненное значение за 2017 и 2018 годы численности занятых в обрабатывающем производстве и численности занятых в экономике в целом и определено их пропорциональное соотношение. Предполагая, что текущие тенденции сохранятся, то применение текущих пропорций и их перенос на значения искомым показателей в 2022 и 2030 годах с учетом коэффициента роста весьма обосновано. Далее была спрогнозирована среднегодовая численность занятых в экономике в обрабатывающем производстве и рассчитаны показатели производительности труда в данной отрасли на 2022 и 2030 годы (таблица 5).

Таблица 5 – Показатель производительности труда обрабатывающего производства в 2022 и 2030 годах на одного работника в основных ценах соответствующих лет [9]

Показатель	Единица измерения	2022	2030
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами	млн. рублей	1 206 357	2 632 266
Среднегодовая численность занятых в экономике	человек	2 786 01	2 722 25
Производительность труда	млн. рублей/чел.	4,33	9,67

Соответственно, по итогам проведенного прогноза в обрабатывающем производстве мы имеем следующую тенденцию: к 2022 году будет наблюдаться

рост численности занятых в этой отрасли и абсолютный прирост к 2018 году составит 16 533 человек, но в долгосрочной перспективе к 2030 году абсолютный

прирост относительно 2018 года составит 10 157 человек. То есть можно предположить, что тенденция снижения всей численности населения и численности занятых в экономике в целом охватит и эту стратегическую отрасль, и за пределами спрогнозированного периода среднегодовая численность занятых в экономике в обрабатывающем производстве будет продолжать снижаться.

Что касается производительности труда в целом по отрасли, то в прогнозируемые периоды она растёт и составит 4,33 млн руб./чел. и 9,67 млн руб./чел. в 2022 и 2030 годах, соответственно. При этом относительный прирост производительности труда в отрасли составит 179% относительно показателей 2018 года.

В качестве целевого сценария развития инструментов повышения демографического потенциала Ростовской области необходимо рассматривать одновременное последовательное развитие всех четырёх факторов накопления человеческого капитала: формирование, развитие, сохранение и его реализация. В результате все предлагаемые инструменты должны быть дифференцированы на те, что позволяют формировать человеческий капитал, развивать его, способствовать его сохранению и на те, что создают условия для его реализации в регионе.

В первую категорию (формирование человеческого капитала) должны входить инициативы по стимулированию рождаемости, развитию жилищного строительства и облегчению получения жилья для молодежи, развитию комфортной городской среды.

Во вторую категорию (сохранение человеческого капитала) необходимо отнести инициативы по снижению смертности и, соответственно, развитию здравоохранения, спорта, обеспечению безопасности на дорогах.

В третью категорию (развитие человеческого капитала) должны вхо-

дить мероприятия по поддержке современного образования, стимулированию научно-инновационной активности развитию культуры.

В четвёртую категорию (реализация человеческого капитала) следует включить инструменты, связанные с реализацией человеческого капитала, должны входить мероприятия по осуществлению умной миграции, широкий спектр инструментов по содействию занятости, повышению производительности труда и увеличению числа высокопроизводительных рабочих мест, повышению инвестиционной привлекательности, инвестиционного бренда региона, снижения диспаритетов во внутрирегиональном социально-экономическом развитии, повышению инфраструктурной оснащённости региона

Комплекс правительственных инициатив, направленных на улучшение демографической ситуации мерами социально-экономической политики, реализован на основе системы федеральных и региональных проектов, разработанных в рамках достижения национальных целей и решения стратегических задач развития Российской Федерации до 2014 года по Указу Президента РФ №204 от 07.05.2018. Основные принципы группировки проектов ориентированы на реализацию эффективного ответа на демографические вызовы и восстановление полного цикла воспроизводства человеческого капитала в регионе:

- инициативы разработаны в соответствии со SMART-критериями и установления четких полномочий, ресурсов и ответственности для проектных команд;
- инициативы обеспечены адресным финансированием, увязанным с проектными целями и задачами по срокам и локализации мероприятий;
- инициативы скоординированы по этапам и иерархии реализации проектов на федеральном,

региональном и муниципальном уровнях управления.

Финальным шагом является создание организационного механизма мониторинга и контроля реализации комплекса мер в сфере демографии.

Таким образом, в исследовании на основе данных демографического прогноза был произведен комплекс расчетов и выявлены взаимосвязи между параметрами демографического и экономического характера и построены прогнозы ряда хозяйственных параметров. Используя спрогнозированные в работе данные численности населения, были приведены альтернативные прогнозные расчеты основных макропоказателей (включая ВРП и отгрузку по промышленности). Кроме того, были выявлены закономерности между трудовыми, демографическими и общеэкономическими параметрами в рамках промышленной сферы экономики региона. Проведенное исследование позволяет уже на сегодняшний день понимать перспективы будущей конкурентоспособности экономики Ростовской области. Несмотря на тенденцию снижения численности насе-

ления в целом и численности занятых в отраслях обрабатывающей промышленности в частности, производительность труда в производственном секторе будет расти. Вместе с тем органам исполнительной власти региона необходимо уже на сегодняшний день формировать программы по привлечению и сохранению качественного человеческого капитала, способного обеспечить подобный рост производительности труда.

Также в исследовании представлен комплекс мер по улучшению демографической ситуации, что должно минимизировать текущие негативные тенденции для конкурентоспособности региональной экономики.

В качестве возможного направления дальнейших исследований можно отметить анализ успешного опыта прогнозирования в развивающихся странах и их регионах, схожих по своей демографической и экономической структуре с Ростовской областью. Это позволит дополнить и усилить методологию прогнозирования демографических и, как следствие, экономических процессов на мезоуровне.

Литература

1. Бельский В.З., Кетова К.В. Полное аналитическое решение макромоделей развития региона при экзогенном демографическом прогнозе // Экономика и математические методы. 2006. Т. 42. № 4. С. 85-95.
2. Борнукова К., Львовский Л. Демография как вызов для экономического роста // Банковский вестник. 2020. № 3 (680). С. 31-35.
3. Картунова А.А. Анализ динамики показателей качественной компоненты состояния человеческого капитала Ростовской области // Теория и практика современной науки. 2019. № 12 (54). С. 182-185.
4. Мамонтов В.Д., Харитонов А.В. От экономики к демографии: региональный аспект проблемы // Социально-экономические явления и процессы. 2020. Т. 15. № 1 (108). С. 40-51.
5. Мухаметова А.Д. Система управления социально-экономическим развитием региона на основе вклада человеческого капитала // Экономика и менеджмент систем управления. 2020. № 1 (35). С. 36-42.
6. Орешников В.В., Низамутдинов М.М. Прогноз демографического развития муниципального образования с применением методов экономико-математического моделирования // Региональная экономика: теория и практика. 2019. Т. 17. № 2 (461). С. 383-398.
7. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rostov.gks.ru/> (дата обращения: 15.12.2020).
8. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 07.12.2020).
9. ЕМИСС. Государственная статистика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fedstat.ru/> (дата обращения: 15.12.2020).
10. Распоряжение Правительства Ростовской области от 31 авг. 2020 № 695 О прогнозе социально-экономического развития Ростовской области на 2021-2023 годы.
11. Распоряжение Правительства Ростовской области от 26 сен. 2019 № 635 О долгосрочном прогнозе социально-экономического развития Ростовской области на период до 2036 года.

УДК 332.1

Анализ потенциала развития креативных индустрий в Волгоградской области

О.Е. Акимова, кандидат экономических наук, доцент,

С.К. Волков, кандидат экономических наук, доцент,

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования

«Волгоградский государственный технический университет», г. Волгоград,

И.М. Кузлаева, консультант,

Государственное казенное учреждение Волгоградской области «Аналитический Центр», г. Волгоград

В статье проведен анализ потенциала развития креативных индустрий в сельских поселениях Волгоградской области, в ходе которого была выявлена неравномерность географического распределения креативных предприятий, а также их сосредоточенность в крупных городах. Определены экономические виды деятельности предприятий, являющиеся наиболее перспективными в условиях креативизации хозяйственной деятельности. Опровергнут тезис об отсутствии монополии на творческую деятельность и развитие креативной экономики у крупных городов в рамках Волгоградской области. Предложены меры по устранению структурных проблем, имеющих в сельских территориях и препятствующих креативному развитию региона.

Сельские территории, креативные индустрии, региональное развитие, городские агломерации.

Analysis of the Development Potential of Creative Industries in Volgograd Region

O.E. Akimova, Candidate of Economic Science,

S.K. Volkov, Candidate of Economic Science,

Federal State Institution of Higher Education «Volgograd State Technical University», Volgograd,

I.M. Kuzlaeva, consultant,

Volgograd region state public institution «Analytical Center», Volgograd

The article analyzes the potential for the development of creative industries in rural settlements of the Volgograd region, which revealed the uneven geographical distribution of creative enterprises, and their concentration in large cities. The economic activities of enterprises that are the most promising in the conditions of creativization of economic activity are identified. The thesis about the absence of a monopoly on creative activity and the development of the creative economy in large cities within the Volgograd region is refuted. Measures are proposed to eliminate the structural problems that exist in rural areas and hinder the creative development of the region.

Rural areas, creative industries, creative industries, regional development, urban agglomerations.

Введение

В условиях деградации инженерно-социальной инфраструктуры, массовой депопуляции и снижения качества жизни сельского населения, перед руководством страны и академическим сообществом остро встает вопрос о поиске адекватных механизмов и инструментов формирования устойчивого развития сельских территорий. По состоянию на 1 января 2020 г. в деревнях и сельских поселениях проживало 25% населения страны (37,2 млн. человек) [5, с. 75]. Несмотря на то, что основная сфера занятости сельского населения является аграр-

но-промышленный комплекс (АПК), численность занятых в сельском и лесном хозяйстве с 2010 по 2020 гг. снизилось с 6 до 4,7 млн. чел [5, с. 89]. Уменьшение числа занятых в АПК объясняется не только сокращением сельского населения, но и переориентацией рынка труда сельских экономик, в первую очередь за счет развития третичного сектора. Все чаще, исследователями, отмечается перспективность развития сельских территорий за счет альтернативного несельскохозяйственного производства [4, 6, 8].

Мало изученным как с методологической, так и с практической точек зрения, является вопрос развития креативных отраслей экономики в сельских территориях. Целью настоящей работы является выявление потенциальных точек экономического роста сельских территорий на основе анализа развития креативных индустрий в муниципалитетах Волгоградской области.

Проблемы нормативно-правового регулирования в Российской Федерации

В России до сих пор не сформулировано определение и перечень креативных индустрий на законодательном уровне, что затрудняет оценку вклада данных отраслей в структуру национальной экономики. В целях настоящего исследования, мы будем пользоваться авторской трактовкой понятия креативные индустрии, которое используются нами как синоним понятия креативные отрасли экономики и понимаются как совокупность предприятий и индивидуальных предпринимателей, производящих эксклюзивный (не массовый) продукт, отличающийся высоким уровнем человеческого творчества в процессе создания конечного товара и его добавленной стоимости. Кроме того, продукция предприятий креативных отраслей экономики может обладать следующими характеристиками: неочевидность экономической ценности конечного продукта (эффект Сноба); неустойчивый (непостоянный) спрос на креативные продукты; короткий жизненный цикл продукта (по сравнению с товарами массового потребления).

В последнее время наблюдается интерес к данной проблематике на уровне федеральных властей. Так, Министерством культуры Российской Федерации подготовлен проект «Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года», который находится на стадии общественного обсуждения [1]. Агентство стратегических инициатив (АСИ) за-

пустило онлайн-марафон «Rurban Creative Lab» по формированию региональных продюсерских центров для развития креативных индустрий в регионах страны. Итогом деятельности данного марафона должно стать создание 30 креативных кластеров в 10 регионах России [10].

Одним из первых регионов, который стал позиционировать креативные отрасли экономики как перспективное направление социально-экономического развития является Ульяновская область. В июле 2012 года Правительством Ульяновской области был создан Фонд «Ульяновск – культурная столица» как институт развития в сфере культуры и креативных (творческих) индустрий. Фонд занимается различными проектами в сфере культуры, ведет активную политику по поддержке творческих инициатив области и активации креативного потенциала ее жителей, проводит проектные и образовательные семинары, дискуссионные площадки для обсуждения актуальных вопросов развития культуры региона [7].

Одним из важнейших итогов деятельности Фонда «Ульяновск – культурная столица» стало формирование в историческом центре города кластера творческих индустрий, который объединяет не только представителей креативного предпринимательства, но и областные и муниципальные учреждения культуры, профессиональные творческие сообщества, а также учреждения профессионального и бизнес образования. Согласно отчету о деятельности Фонда за 2019 год – на 1 рубль бюджетной субсидии было привлечено 3,26 рубля внебюджетных средств, что свидетельствует об экономической эффективности деятельности Фонда и потенциале креативной экономики для региона.

В зарубежной теории и практике существует огромное количество подходов к выделению креативных индустрий [2]. Согласно методологии АСИ, которая опирается при выделении креативных отраслей на основе общероссийского

классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД), можно выделить 35 укрупненных креативных отраслей экономики в России (рис. 1).

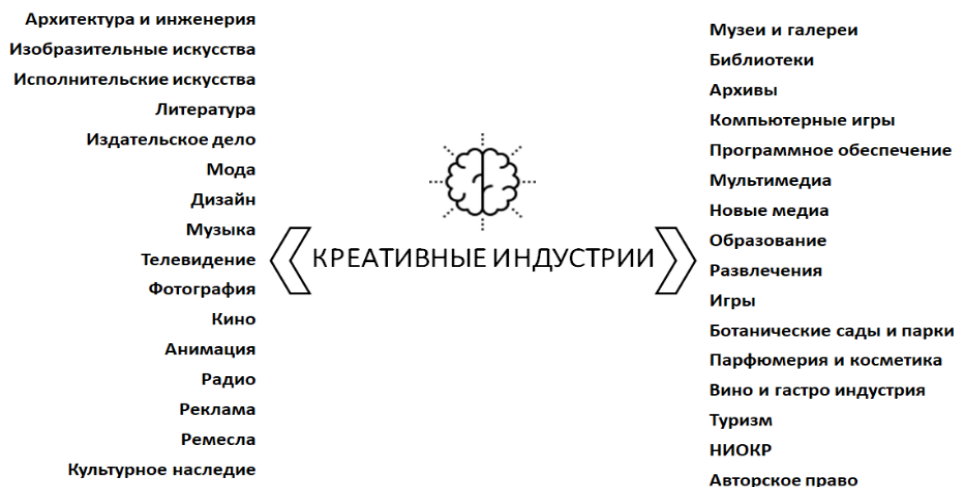

Рисунок 1 – Креативные отрасли экономики России

Зарубежными исследователями установлено, что высокий экономический потенциал креативных индустрий способствует созданию рабочих мест, распространению знаний и содействует развитию сельских территорий [9].

Анализ данных

Для анализа потенциала развития креативных индустрий в сельских поселениях Волгоградской области были

использованы данные ОКВЭД по отраслям экономики, которые определяются нами как креативные. Всего на территории Волгоградской области зарегистрировано 4360 индивидуальных предпринимателей (ИП) и 4611 предприятий малого и среднего бизнеса (юр. лица), которые можно отнести к категории креативные (рис. 2).

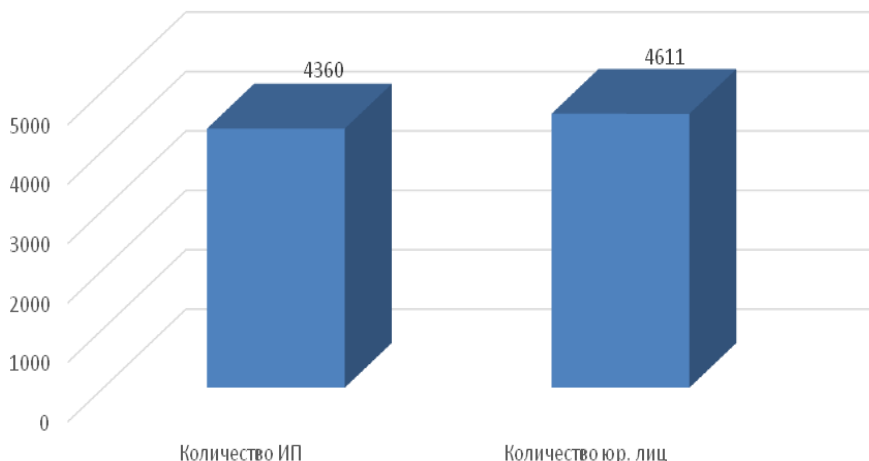

Рисунок 2 – Количество креативных индивидуальных предпринимателей и предприятий малого и среднего бизнеса Волгоградской области

Как видно из рисунка 3, географическое распределение предприятий, относящихся к креативным, весьма неравномерное. Основное количество сосредоточено в столичном центре (г. Волгоград) и основных городах Волгоградской области – г. Волжский, г. Камышин,

г. Урюпинск и г. Фролово. Выделяющиеся по количеству креативных предпринимателей Среднеахтубинский и Городищенский районы, находятся в непосредственной территориальной близости к областному центру, что создает эффект агломерации.

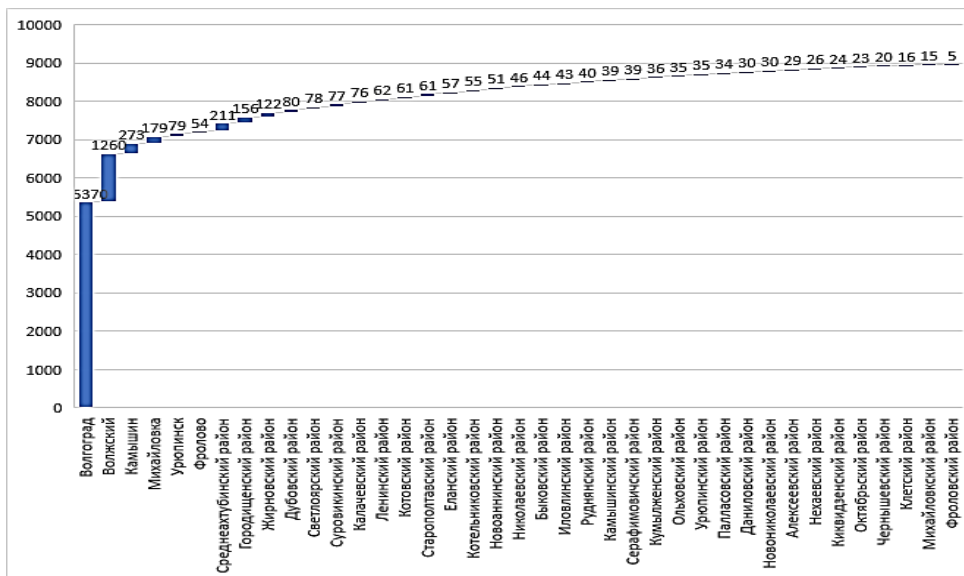

Рисунок 3 – Численность креативных предприятий в муниципальных образованиях Волгоградской области

Распределение числа креативных предприятий по видам экономической

деятельности в Волгоградской области отражено в таблице 1.

Таблица 1 – Число креативных предприятий в Волгоградской области по видам деятельности

№	Вид деятельности	Количество ИП	Количество юр. лиц	Всего организаций	Доля организаций
1	Деятельность в области архитектуры	364	831	1195	13,3%
2	Разработка ПО, консультационные услуги в данной области	810	324	1134	12,6%
3	Деятельность рекламная	598	250	848	9,5%
4	Образование дополнительное	439	387	826	9,2%
5	Производство мебели	352	97	449	5,0%
6	Деятельность в области отдыха и развлечений	311	123	434	4,8%
7	Деятельность в области информационных технологий	247	128	375	4,2%
8	Деятельность творческая и в области орга-	152	155	307	3,4%

	низации развлечений				
9	Научные исследования и разработки	32	245	277	3,1%
10	Деятельность библиотек и архивов	13	249	262	2,9%
11	Производство одежды	203	53	256	2,9%
12	Деятельность в области фотографии	223	21	244	2,7%
13	Деятельность полиграфическая	130	95	225	2,5%
14	Деятельность издательская	31	160	191	2,1%
15	Производство текстильных изделий	63	67	130	1,4%
16	Производство кинофильмов, издание звукозаписей и нот	89	37	126	1,4%
17	Деятельность, специализированная в области дизайна	115	4	119	1,3%
	Другие виды деятельности	188	1385	1573	17,5%
Общий итог		4360	4611	8971	100,0%

Из таблицы 1 видно, что четверть креативных предприятий в Волгоградской области занята в области архитектуры и разработки программного обеспечения (ПО). К последнему виду деятельности также близка деятельность в области информационных технологий (4,2%), что позволяет утверждать о большом количестве организаций сферы ИТ в Волгоградской области. Также большое количество организаций зани-

маются рекламной деятельностью, дополнительным образованием, производством мебели и деятельностью, связанной с организацией отдыха и развлечений (шестая и восьмая строка списка).

Наиболее прибыльными отраслями креативной экономики в Волгоградской области являются – деятельность в области архитектуры, производство текстильных изделий и разработка ПО (табл. 2).

Таблица 2 – Выручка креативных предприятий Волгоградской области по видам деятельности

	Виды деятельности	Выручка юр. лиц, млн. руб.	Доля от общей выручки	Количество юр. лиц
1	Деятельность в области архитектуры, исследований и анализа	9785,058	32,8%	831
2	Производство текстильных изделий	5943,878	19,9%	67
3	Разработка ПО, консультационные услуги в данной области	2906,734	9,7%	324
4	Деятельность полиграфическая	1994,183	6,7%	95
5	Научные исследования и разработки	1711,422	5,7%	245

6	Деятельность рекламная	1576,181	5,3%	250
7	Деятельность в области информационных технологий	1005,721	3,4%	128
8	Образование дополнительное	780,879	2,6%	387
9	Деятельность издательская	699,877	2,3%	160
10	Деятельность в области отдыха и развлечений	682,651	2,3%	123
11	Производство мебели	586,067	2,0%	97
12	Производство одежды	353,038	1,2%	53
13	Деятельность в области телевизионного и радиовещания	263,487	0,9%	39
14	Деятельность по организации конференций и выставок	192,017	0,6%	12
15	Производство игр и игрушек	183,819	0,6%	2
16	Деятельность творческая и в области организации развлечений	177,212	0,6%	155
17	Производство кинофильмов, издание звукозаписей и нот	170,985	0,6%	37
18	Производство кожи и изделий из кожи	129,2	0,4%	9
19	Производство изделий народных художественных промыслов	46,885	0,2%	3
20	Образование высшее	33,72	0,1%	45
21	Деятельность музеев	27,508	0,1%	46
22	Деятельность по письменному и устному переводу	26,479	0,1%	11
23	Деятельность в области фотографии	19,489	0,1%	21
24	Деятельность, специализированная в области дизайна	3,86	0,0%	4
25	Деятельность библиотек и архивов	2,579	0,0%	249
26	Деятельность профессиональных членских организаций	2,551	0,0%	46
27	Производство ювелирных изделий, бижутерии и подобных товаров	2,435	0,0%	3

28	Производство фото- и кино-оборудования	1,542	0,0%	2
	Деятельность организаций, не включенных в другие группировки	511,873	1,7%	1167
	Общий итог	29821,33	100,0%	4611

Поляризация уровня выручки в креативных отраслях экономики Волгоградской области коррелирует с географическим расположением. Так, около 2/3 выручки приходится на город Волгоград (см. рис. 4), еще 18% – на город-спутник Волжский. В городе Камышин, в котором сосредоточено 3% креативных предприятий, выручка составляет 10% от их

общей выручки по региону. С другой стороны, 35 муниципальных образований (без учета крупных городов), в которых сосредоточено 19,6% креативных предприятий обеспечивают всего около 3% общей выручки по региону, что значительно ниже показателей в любом из трех крупнейших городов.

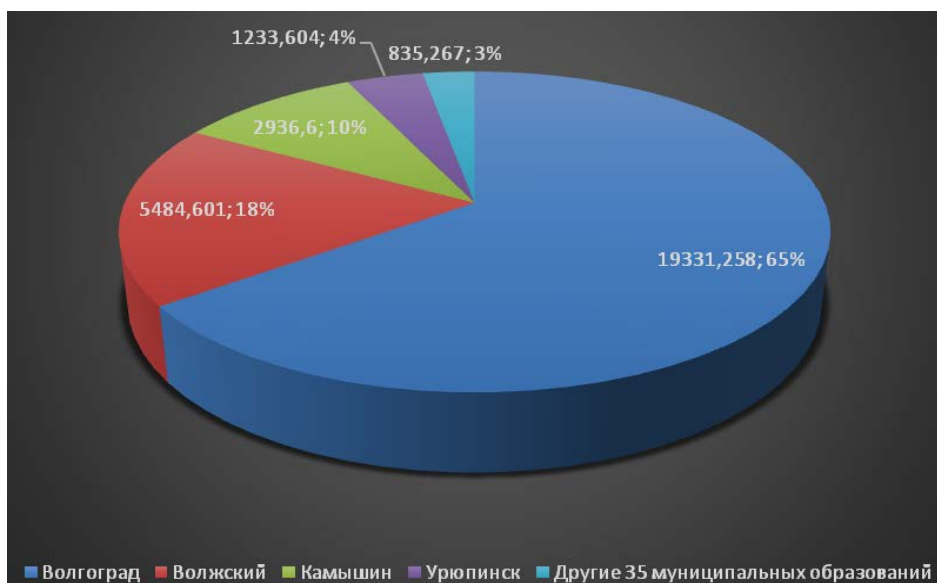

Рисунок 4 – Выручка креативных предприятий в крупных городах Волгоградской области, млн. руб.

В целом, показатели выручки креативных предприятий, с одной стороны, имеют гораздо большую поляризацию значений, чем количество организаций. С другой стороны, для показателей выручки характерна гораздо большая специализация регионов Волгоградской области, как минимум, в ее крупных городах.

Обсуждение

На основании проведенного анализа можно сказать, что большая часть деятельности креативных предприятий в Волгоградской области сосредоточена в крупных городах, особенно в областном центре. В г.Волгоград находится 60% креативных предприятий, которые обеспечивают 65% выручки. Виды деятельности, характерные для города Волго-

град (архитектура, разработка ПО), в целом, играют большую роль и для Волгоградской области, даже если не распространены в остальных муниципальных районах. Исключением является, в первую очередь, производство текстильных изделий, характерное для небольшого числа креативных предприятий в городах Волжский и Камышин, но эти организации обладают большой выручкой. В целом, креативные предприятия муниципальных районов Волгоградской области обладают определенной специализацией, что позволяет достичь рядом видов деятельности высоких показателей – так, в Урюпинске в креативных предприятиях развито полиграфическое производство, во многих муниципальных районах, не являющихся городами, есть значительный процент организаций, осуществляющих деятельность библиотек и архивов, музейную деятельность, издательскую деятельность, деятельность в области фотографии, создании ювелирных товаров и бижутерии, при этом последний вид деятельности дает достаточно большую выручку организациям. Однако основные тенденции в деятельности креативных предприятий Волгоградской области определяются именно организациями областного центра.

Тезис о том, что «крупные города не имеют монополии на творческую деятельность и развитие креативной экономики» [11] не подтверждается эмпирическими данными развития креативных отраслей экономики Волгоградской области.

Выводы и рекомендации

Основным выводом проведенного исследования является то, что обладая ресурсами, в первую очередь природными и человеческими, сельские территории, на данный момент, не могут рассматриваться как центры развития креативных отраслей экономики. Эффективное развитие креативных отраслей в сельских территориях сдерживает наличие ряда структурных проблем, решение

которых, позволит изменить траекторию пространственного развития российских регионов.

1. Одной из основных структурных проблем, с которой сталкивается подавляющее большинство сельских территорий в России – это отток местного населения, в первую очередь молодежи [3]. Решение данной проблемы требует системных мер как со стороны федеральных, так и со стороны региональных (муниципальных) властей. Формирование привлекательного жизненного пространства на территории сельских поселений является явным социальным запросом, как со стороны местного населения, так и со стороны предпринимательского сообщества. Развитие креативной сельской экономики предполагает наличие творческих специалистов, которые едут в места с развитой социально-инженерной инфраструктурой.

2. Необходимым условием не только для развития креативных отраслей экономики в сельской местности, но и для обеспечения высокого уровня и качества жизни сельского населения является развитие инфраструктуры (прежде всего транспортной и инженерной). Без качественной транспортной инфраструктуры, способной соединить городские агломерации и сельские территории, говорить о развитии креативных отраслей экономики бессмысленно. То же самое относится к инженерной инфраструктуре сельских территорий, которая является основой для развития креативного предпринимательства и удержания местного населения.

3. Сдерживающим фактором развития креативных отраслей экономики в сельских территориях является ограниченный рынок сбыта продукции и низкая покупательская способность сельских жителей. Для преодоления данной тенденции необходимо развивать интернет-коммерцию (создание сайтов креативных предпринимателей, микроблогов, использование социальных сетей

для продвижения и пр.). Для всего этого необходим высокоскоростной доступ в Интернет, что предполагает развитие цифровой инфраструктуры сельских территорий.

4. Близость к крупным городам является весомым фактором локализации творческих специалистов и небольших креативных фирм, которые предпочитают находиться в сельских муниципалитетах, расположенных в географической близости к районам, где присутствуют более крупные рынки сбыта. Для этого,

необходимо формировать креативные кластеры в сельских территориях [12] для повышения синергетического эффекта и снижения издержек креативных предпринимателей.

Ключевую роль в процессе развития креативных отраслей экономики в сельских территориях должна принадлежать государству, которое должно взять на себя обязательства по развитию инфраструктуры и комфортной институциональной среды для развития креативного предпринимательства.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-010-00072 «Формирование креативных центров пространственного развития как механизм повышения качества жизни населения сельских территорий».

Литература

1. В Минкультуры России обсудили концепцию развития творческих индустрий [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://culture.gov.ru/press/news/v_minkultury_rossii_obsudili_kontseptsiyu_razvitiya_tvorcheskikh_industriy_/ (дата обращения: 01.03.2021).
2. Волков С. Креативная экономика и креативное предпринимательство: академическое измерение // Общество и экономика. 2020. № 11. с. 21-30.
3. Волков С.К., Кетько Н.В. Сельские территории современной России: тренды развития и механизмы трансформации (на примере Волгоградской области) // Регион: Экономика и Социология. 2020. № 4 (108). С. 100-122.
4. Оборин М.С. Системное развитие сельского туризма как фактор социально-экономического развития сельских территорий России // Сервис в России и за рубежом. 2020. № 1 (88). С. 117-126.
5. Россия в цифрах. 2020: Крат. стат. сб. / Росстат-М., 2020. 550 с.
6. Третьякова Л.А. Стратегические направления обеспечения альтернативной сферы занятости на сельских территориях // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 14 (107). С. 35-41.
7. Фонд «Ульяновск – культурная столица» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ulkul.ru/news/ulkul/> (дата обращения: 01.03.2021).
8. Bell D., Jayne M. The creative countryside: Policy and practice in the UK rural cultural economy // Journal of Rural Studies. 2010. № 26. pp. 209-218.
9. Boix R., Hervás-Oliver J.L. and De Miguel-Molins B. Micro-geographies of creative industries in Europe: from hot spots to assemblages // Papers in Regional Science. 2014. Vol. 94(4). doi.org/10.1111/pirs.12094.
10. Rurban Creative Lab [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rurban.space/lab> (дата обращения: 01.03.2021).
11. The Geography of Creativity / De Propris L., Chapain C., Cooke P., Macneil S. and Mateos M. Nesta: London. 2009.
12. The location of creative clusters in non-metropolitan areas: a methodological proposition / A.I. Escalona-Orcao, S. Escolano-Utrilla, L.A. Sáez-Pérez and B. Sánchez Valverde-García // Journal of Rural Studies. 2016. № 45. pp. 112-122.

УДК 338.45

Организационно-экономическая сущность управления развитием наукоёмких предприятий

В.Е. Барковская, преподаватель кафедры управления,
М.С. Абрашкин, кандидат экономических наук, доцент кафедры управления,
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза,
летчика-космонавта А.А. Леонова», г. Королев, Московская область

В статье исследованы подсистемы управления наукоёмким предприятием с позиций методологии и процесса управления. Отражены результаты исследования, включающие обоснование введения в научный оборот понятия «управление развитием наукоёмкого предприятия», под которым следует понимать управленческие воздействия на наукоёмкое предприятие как организационную систему, направленные на развитие отдельных подсистем и элементов, их взаимосвязей для качественного роста организационных характеристик и коммерциализацию производственных результатов НИОКР. Концептуализирована организационно-экономическая сущность наукоёмких предприятий, предполагающая формирование научно-производственных отношений, обуславливающая их идентификацию как экономических субъектов с высокими инновационными свойствами и высокой восприимчивостью к состояниям внешней среды.

Наукоёмкие предприятия, наукоёмкое производство, наукоёмкая продукция, развитие, управление развитием наукоёмких предприятий.

Organizational and economic essence of management of the development of high-tech enterprises

V.E. Barkovskaya, the teacher of the department of management,
M.S. Abrashkin, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Management,
State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow Region
«Technological University named after twice Hero of the Soviet Union,
pilot-cosmonaut A.A. Leonov», Korolev, Moscow region

The article examines the subsystems of management of a knowledge-intensive enterprise from the standpoint of the methodology and management process. The results of the study are reflected, including the rationale for the introduction into scientific circulation of the concept of «management of the development of a knowledge-intensive enterprise», which should be understood as managerial influences on a knowledge-intensive enterprise as an organizational system aimed at the development of individual subsystems and elements, their interconnections for the qualitative growth of organizational characteristics and commercialization of production development R&D results. The organizational and economic essence of science-intensive enterprises is conceptualized, which implies the formation of scientific and industrial relations, which determines their identification as economic entities with high innovative properties and high susceptibility to conditions of the external environment.

High-tech enterprises, high-tech production, high-tech products, development, development management of high-tech enterprises.

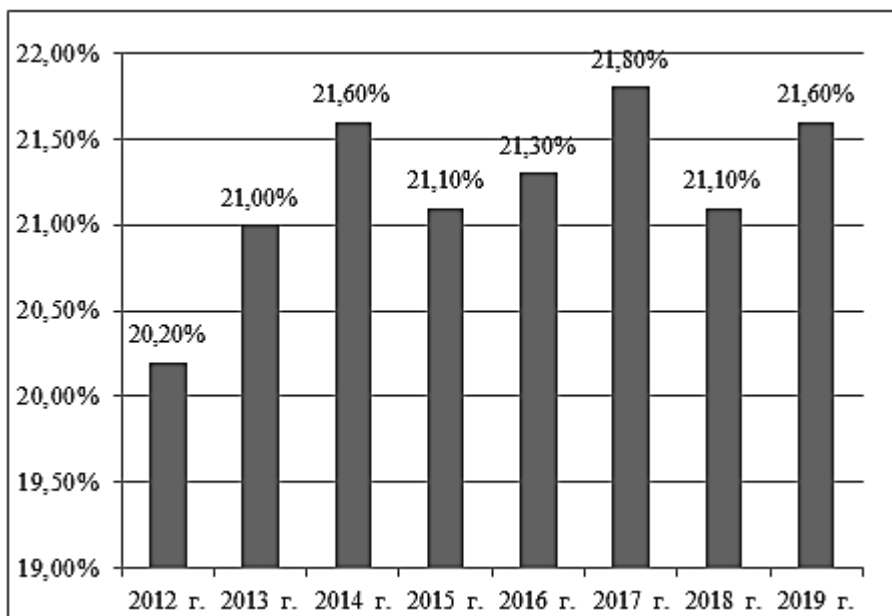
В условиях формирования новых экономических знаний, развития информационных технологий и усиливающихся ресурсных ограничений, создание конкурентных преимуществ наукоёмких предприятий, проявляемых в новых подходах к управленческой деятельности, нацеленных на инновационное развитие, выступает в качестве доминанты вовлечения результатов научно-технического

прогресса в отечественное промышленное производство.

Механизмы управления наукоёмкими предприятиями, как и инновационной сферой в целом, в сложившихся условиях неустойчивого роста экономики в полной мере не сформированы, находятся в перманентном состоянии. Несмотря на тот факт, что государство обладает высоким научно-техническим

потенциалом, результативность выпуска высокотехнологичной, наукоёмкой продукции не высока. Доля производимой

высокотехнологичной продукции наукоёмкими отраслями экономики представлена на рисунке 1.

Источник: [6]

Рисунок 1 – Доля высокотехнологичной продукции наукоёмких отраслей в ВВП России, %

Доля высокотехнологичной продукции, производимой наукоёмкими отраслями экономики, находится на уровне около 21% от ВВП, что свидетельствует о недовлечении результатов НИОКР в производство. Отмечается дефицит инструментария управленческой деятельности, обеспечивающего динамичное развитие данных отраслей на основе трансфера технологий. В этой связи, требуется переориентация подходов и форм к управлению наукоёмкими предприятиями, способными наиболее эффективно аккумулировать и воспроизводить инновации за счет производственного освоения результатов НИОКР.

Об актуальности совершенствования управления наукоёмкими предприятиями также свидетельствуют недостаточная устойчивость и конкурентоспособность наукоёмкой продукции, обусловленные влиянием факторов на

макро- и микроуровне и др. [8, С. 63]. Ответом на запросы экономической реальности становится совершенствование подходов к управлению и внедрение передовой управленческой мысли в наиболее активно развивающиеся отрасли производства, которые могут переориентировать отечественную экономику с экспортно-сырьевых сценариев развития на инновационные. В связи с чем, именно наукоёмкие предприятия и трансформация системы управления их развитием могут являться инструментом повышения эффективности экономики страны [3, С. 34]. Для этого представляется необходимым уточнить организационно-экономическую сущность управления развитием наукоёмких предприятий, что позволит выявить его роль, значение и взаимодействие с другими инструментами в управленческой структуре.

Целью исследования было обоснование введения в научный оборот понятия «управление развитием наукоёмкого предприятия» и концептуализация организационно-экономической сущности наукоёмких предприятий.

Достижению обозначенной цели предполагало решение комплекса взаимообуславливающих задач:

- уточнить сущность понятия наукоёмкого производства и определить его основные элементы с учётом исторических ретроспектив;

- с целью развития теоретических положений наукоёмкого производства представить основные подходы отнесения предприятия к категории наукоёмкого;

- выявить специфические особенности процесса создания продукции наукоёмкими предприятиями;

- уточнить подсистемы управления наукоёмким предприятием, как совокупности элементов управленческой деятельности;

- раскрыть особенности категории «управление развитием наукоёмкого предприятия»;

- разработать предложения по совершенствованию системы управления развитием наукоёмкого предприятия.

Исследование проводилось с использованием методов научного анализа, логического анализа, сравнительного анализа, системного и программно-целевого подходов, научной абстракции и др. Основу исследования составили труды отечественных ученых и исследователей: М.А. Батьковский [1], С.А. Герасимова [2], Ю.Н. Макаров [3], В.А. Скворцова [4], О.Е. Хрусталёв [5] и др. Накопленный зарубежный опыт исследуемой области отражен в научных трудах М. Зедвица [10], С. Корси [7], Дж. Лернера [8], Г. Тасси [9] и др.

Несмотря на многочисленные исследования, посвященные управлению развитием наукоёмких предприятий, основная терминология и сущность исследуемой

области в недостаточной степени конкретизирована и изучена. Научные категории «наукоёмкое предприятие», «наукоёмкое производство», «наукоёмкая продукция» в настоящее время достаточно размыты и условны [1, С. 35]. В ряде научных работ отмечается терминологическая путаница. На этом основании следует утверждать, что понятийный аппарат нуждается в теоретическом и методологическом уточнении. Кроме того, требуется решение проблемы формирования инструментов организационного развития, как отдельной компоненты управления наукоёмкими предприятиями.

Понятия наукоёмкости и наукоёмкого производства начало идентифицироваться во второй половине XX века как промышленная деятельность, на основании которой процесс разработки и выпуска продукции связан со значительной потребностью проведения испытаний, экспериментов, технических расчётов, а результат интеллектуальной деятельности в конечном итоге обладает высоким научно-техническим уровнем [9, С. 600]. Предполагается, что наукоёмкие предприятия могут быть структурированы по отраслевому признаку, тем не менее, например, в традиционных отраслях промышленности функционируют предприятия, выпускающие товары, разработка которых основана на уникальных достижениях науки и техники. Зачастую наукоёмкие предприятия отождествляются с высокотехнологичными или инновационными. Однако, данный факт методологически некорректен. Сущность наукоёмких предприятий заключается в осуществлении деятельности по выпуску большого объема наукоёмкой продукции, сопровождающейся высокими затратами на проведение НИОКР. В то время как природа высокотехнологичных предприятий зависит от уровня технической сложности выпускаемой продукции, а инновационных – исходя из параметров новизны продукции. Ошибочно науко-

ёмкие предприятия связывают с инновационной деятельностью – инновации не всегда тождественны результатам производственного освоения НИОКР.

Развитие подходов к обоснованию категории «научоёмкость» осуществлялось постепенно. В период модернизации хозяйственной системы шёл процесс развития производств и их перехода к индустриализации. К элементам производства можно отнести производительные силы, научно-производственные отношения и совокупность их взаимодействий [10, С. 469]. В контексте материализации производительных сил в производства с прогрессивными резуль-

татами НИОКР можно говорить о научноёмких производствах.

Таким образом, основными элементами научноёмкого производства являются высокие затраты на НИОКР и выпуск большого количества научноёмкой продукции. По результатам НИОКР осуществляется создание научноёмкой продукции, которая производится в коммерческих организациях, которые, по нашему мнению, следует идентифицировать как научноёмкие предприятия.

С целью развития теоретических положений научноёмкого производства, следует представить основные подходы отнесения предприятия к категории научноёмкого (табл. 1).

Таблица 1 – Подходы отнесения предприятия к категории научноёмкого

Подход	Содержание подхода
Стоимостной	Определяется удельным весом расходов на осуществление НИОКР к общим расходам предприятия.
Кадровый	Определяется удельным весом кадровых ресурсов, обладающих ученой степенью/ученым званием, по отношению к средней численности работников предприятия.
Структурный	Оценивается наличием подразделений НИОКР в общей структуре предприятия.
Отраслевой	Устанавливается отнесение научноёмкого предприятия к научноёмкой отрасли.
Циклический	Устанавливается степень вовлеченности стадий НИОКР в общем цикле производства.
Материально-технический	Определяется степень вовлеченности современного, наиболее прогрессивного оборудования в общем цикле производства.
Продуктовый	Рассчитывается удельный вес научноёмкой продукции в общем объеме выпускаемой продукции.
Системный	Определяется уровень развития элементов организации как системы, включающих трудовые ресурсы, структуры, задачи и технологии в условиях турбулентности внешней среды.
Маркетинговый	Определяется степень изменения характеристик научноёмкой продукции исходя из изменения предпочтений потребителей.
Ситуационный	Оценивается принятие управленческих решений, с учётом внешних и внутренних факторов.

Источник: составлено авторами на основе [2, 7, 9]

Анализ сложившихся подходов отнесения предприятия к категории научноёмкого позволил установить, что под научноёмкими предприятиями следует понимать экономические системы, осуществляющие НИОКР, с целью внедрения их в производственную деятельность, отличающиеся преимущественной прибылью от коммерциализации научноёмких продуктов и услуг. Таким обра-

зом, научноёмким предприятиям отводится роль одного из субъектов развития инновационной экономики. Необходимость их системного развития следует рассматривать в разрезе переориентации подходов к их управлению и управлению процессами создания научноёмкой продукции.

С целью определения сущности научноёмких предприятий, авторам уда-

лось выявить следующие специфические особенности процесса создания наукоёмкой продукции:

- Создание, разработка и реализация наукоёмкой продукции требует испытаний и тестирований значительного числа комплектующих деталей и единиц, а для того, чтобы их изготовить, применяется широкий перечень инструментов и материалов. Данные требования усложняют процесс производства, что вызывает необходимость эффективной его организации и регулирования, с помощью которых можно обеспечить достижение выпуска готовой наукоёмкой продукции соответствующего качества и в установленные сроки.

- Процесс разработки наукоёмкой продукции определяется комплексностью и взаимосвязями всех процессов изготовления деталей, укомплектованием и сборкой изделий, поставками деталей другими предприятиями и пр.

- Для изготовления наукоёмкой продукции характерно рассредоточение производственного процесса на отдельные сборочные подпроцессы, что сокращает продолжительность производственного цикла и приводит к поточному типу выполнения производственных операций.

- Наиболее отличительная черта процесса создания наукоёмкой продукции заключается в большой трудоёмкости стадий производства, например, зачастую используются множественные межцеховые маршруты изготавливаемых деталей.

- Разнообразии прохождения технологических стадий при изготовлении наукоёмкой продукции, требует наличия современного оборудования и степени его освоения.

- Объем выпуска наукоёмкой продукции и его повторяемость

может оказывать влияние на организацию производства. Например, если объем выпуска одного продукта невелик, в связи с этим, накладывается выпуск нового продукта, что влечет за собой усложнение организации производства.

Наукоёмкое предприятие, как организационная система, является объектом управленческих воздействий. За счёт формирования системы управления наукоёмким предприятием происходит приращение управленческих процессов к системе предприятия, оказывающих воздействие на него. В контексте проводимого исследования необходимо представить и уточнить подсистемы управления предприятием (рис. 2).

В системе управления наукоёмким предприятием выделяют следующие подсистемы: методология управления, отражающая характеристики управленческой деятельности; управленческий процесс, состоящий из системы разработки управленческих решений и информационного обеспечения управления; структура и технология управления. Элементы управленческой деятельности конкретизированы как процесс и как явление, что в совокупности образуют систему управления наукоёмким предприятием.

Раскрыв сущность и особенности анализируемых категорий, важным направлением в исследуемом вопросе остается развитие наукоёмких предприятий, которое должно быть основано на эффективной системе управления. В связи с чем, авторами предлагается сосредоточить усилия на совершенствовании системы управления развитием исследуемой области на основе подходов, затрагивающих основные аспекты управленческой деятельности (табл. 2).

Источник: составлено авторами на основе [1, С. 75]

Рисунок 2 – Подсистемы управления наукоёмким предприятием

Реализация предлагаемых направлений в указанных аспектах должна быть нацелена, с одной стороны, на выявление имеющихся возможностей роста наукоёмкого производства и экономических показателей в целом, с другой стороны – на ориентацию новых методов и форм управления развитием предприятия, что в конечном итоге сможет максимизировать коммерческие результаты,

сохраняя устойчивые позиции в рыночных условиях.

Таким образом, можно сделать заключение, что наукоёмкие предприятия по своему назначению и структуре являются сложными производственными системами. Для них характерны гибкость, мобильность, развитие, иерархичность. Подсистемы таких предприятий, осуществляющие научно-

исследовательскую деятельность, являясь локомотивом их развития и направлены на формирование эффективной системы разработки и реализации наукоёмкой продукции на рынок. Наукоёмкие предприятия обладают не только общими признаками открытости, целенаправленности, результативности, динамичности и ускоренной трансформации, но и более специфическими – проведение НИОКР, длительность технологических стадий изготовления наукоёмкой продукции и пр. Система управления науко-

ёмкими предприятиями как объекта исследования отличается быстрой адаптацией к внутренним и внешним воздействиям. Однако для того, чтобы не утратить имеющиеся преимущества, возникает потребность в регламентации деятельности наукоёмких предприятий, в целях достижения самостоятельности и устойчивости, следуя установленной миссии и стратегии как субъекта экономической деятельности.

Таблица 2 – Подходы к совершенствованию системы управления развитием наукоёмких предприятий

Подход	Содержание подхода
Организационный	Построение организационной структуры и структуры управления предприятием.
	Трансформация управленческих бизнес-процессов.
	Рейнжиниринг модели управления.
	Совершенствование организационно-корпоративной культуры, в т.ч. концепции организации труда, формировании организационного банка знаний, поддержание благоприятного социально-психологического климата и др.
Экономический	Привлечение новых источников финансирования деятельности наукоёмких предприятий.
	Эффективное распределение капитальных вложений предприятия.
	Создание системы экономического стимулирования работников.
Технологический	Развитие инфраструктурного обеспечения, в т.ч. обновление материально-технической базы, основных средств и др.
	Рост инновационной активности предприятий, в т.ч. создание инновационных управленческих технологий, трансфер технологий.
	Модернизация автоматизированной системы управления предприятием.
	Внедрение в деятельность наукоёмкого предприятия роботизации производственных процессов.

Источник: составлено авторами

Анализ развития наукоёмких производств, подходов отнесения предприятия к категории наукоёмкого, выявление особенностей процесса создания продукции наукоёмкими предприятиями, позволил авторам исследования раскрыть сущность и ввести в научный оборот категорию «управление развитием наукоёмкого предприятия», под которой следует понимать управленческие воздействия на наукоёмкое предприятие как организационную систему, направленные на развитие отдельных подсистем и элементов, их взаимосвязей для качественного роста его организационных ха-

рактеристик и коммерциализацию производственного освоения результатов НИОКР.

Подводя итог, следует отметить возможность использования положений и выводов настоящего исследования органами всех уровней власти РФ при совершенствовании процессов разработки и реализации стратегий и программ по развитию наукоёмких предприятий; образовательными организациями при формировании учебных курсов и учебно-методических материалов к ним: «Менеджмент наукоёмких производств», «Управление развитием наукоёмких

предприятий», разработке основной профессиональной образовательной программы «Организация и управление наукоёмкими производствами» и др.

Применение результатов исследования может пользоваться актуальностью для выстраивания эффективной

политики в области управления развитием наукоёмких предприятий, модернизации их стратегического планирования; в управленческой науке с целью развития теоретико-методологических положений исследуемой отрасли.

Результаты исследования опубликованы в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских учёных – кандидатов наук на тему «Новые подходы к управлению развитием наукоёмких предприятий ракетно-космического машиностроения РФ» (№ МК-1147.2021.2).

Литература

1. Батьковский А.М., Авдонин Б.Н., Батьковский М.А., Божко В.П., Булава И.В., Мерзлякова А.П. Теоретические основы и инструментарий управления долгосрочным развитием высокотехнологичных предприятий: монография. М.: МЭСИ, 2011. 282 с.
2. Герасимова С.А. Наукоёмкий сектор: потенциал развития кадровой составляющей // Вестник Димитровградского инженерно-технологического института. 2016. № 3 (11). С. 120-123.
3. Макаров Ю.Н., Хрусталёв Е.Ю. Механизмы реструктуризации наукоёмких производств (на примере ракетно-космической промышленности) // Экономика и математические методы. 2010. Т. 46. № 3. С. 31-42.
4. Скворцова В.А. Становление сектора наукоёмких отраслей промышленности // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. № 1 (25). С. 163-169.
5. Хрусталёв О.Е. Механизмы и методы интеграции наукоёмких производств // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2012. № 25 (115). С. 24-30.
6. Официальный сайт РБК [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/> (дата обращения: 12.05.2021).
7. Corsi S., Zedtwitz M. Reverse Innovation: a new world order for Global Innovation? // The European Business Review. 2016. № 10. pp. 73-77.
8. Lerner J. The Boulevard of Broken Dreams: Innovation Policy and Entrepreneurship // Innovation Policy and the Economy. 2013. Vol. 13. p. 61-82.
9. Tassej G. The technology element model, path-dependent growth, and innovation policy // Economics of Innovation and New Technology. 2016. Vol. 25. №6. pp. 594-612.
10. Zedtwitz M. Managing Industrial Knowledge // Innovation: Management, Policy & Practice. 2004. Vol. 6 (3). pp. 468-476.

УДК 338.46

Влияние пандемии COVID-19 на индустрию питания

Е.В. Бурденко, кандидат экономических наук, почетный работник высшего профессионального образования, доцент кафедры политической экономики и истории экономической науки,

А.Т. Кадиева, магистр,

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», г. Москва

Проводится анализ и изучение степени влияния введенных карантинных мер из-за начала и вспышки коронавирусной инфекции на отрасль общественного питания в России и других странах. В статье приведены статистические данные о текущей ситуации в данной отрасли, а также описаны варианты антикризисных мероприятий для предотвращения дальнейшего ухудшения положения предприятий ресторанного бизнеса.

Пандемия COVID-19, экономика индустрии питания, ресторанный бизнес, франчайзинг.

Impact of the COVID-19 pandemic on the food industry

E.V. Burdenko, Candidate of Economic Sciences, Honorary Worker of Higher Professional Education, Associate Professor of the Department of Political Economy and History of Economic Science,

A.T. Kadieva, Master,

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Economic University named after G.V. Plekhanov», Moscow

The analysis and study of the impact of the introduced quarantine measures due to the onset and outbreak of coronavirus infection on the catering industry in Russia and other countries is being carried out. The article provides statistical data on the current situation in this industry, as well as describes options for anti-crisis measures to prevent further deterioration of the restaurant business.

COVID-19 pandemic, food industry economics, restaurant business, franchising.

Система питания в России была развита во все исторические периоды. Начало организации питания для широких масс населения было положено в СССР, когда в 1923 году создается паевое товарищество «Нарпит» (народное питание). Впоследствии оно преобразовывается во Всесоюзное общество народного питания и называется «Всенарпит». Отделения «Всенарпита» до 1930 года были открыты по всей стране. Переход к плановой экономике и развитие индустриализации, которое сопровождалось строительством крупных промышленных предприятий, заставили задуматься об организации питания на предприятиях и в крупных городах. С начала 1930-х годов проектируются и строятся большие фабрики-кухни в крупнейших городах и цеха общественного питания в средних и мелких городах. Основная продукция новых предприятий общест-

венного питания – это готовые блюда для доставки в заводские столовые и полуфабрикаты для магазинов кулинарии. Поэтому с 1930-х годов в оборот входит понятие «общественное питание».

Современная система общественного питания начала развиваться с 1992 года в новых экономических условиях. В 2013 году Приказом Росстандарта №191-ст утвержден «ГОСТ 31985-2013. Межгосударственный стандарт. Услуги общественного питания. Термины и определения», согласно которому понятие «общественное питание» и «индустрия питания» являются тождественными. Согласно п.2 ГОСТ 31985-2013 дается следующее определение *общественного питания (индустрии питания)*:

«общественное питание (индустрия питания): Самостоятельная отрасль экономики, состоящая из предприятий различных форм собственности и

организационно-управленческой структуры, организующая питание населения, а также производство и реализацию готовой продукции и полуфабрикатов, как на предприятиях общественного питания, так и вне его, с возможностью оказания широкого перечня услуг по организации досуга и других дополнительных услуг» [4].

С 1999 года идет ежегодный

прирост предприятий общественного питания. Индустрия общественного питания и торговля играют важную роль в российской экономике и составляют 20% в структуре ВВП [1]. На рисунке 1 показан оборот индустрии общественного питания с 2000 года по 2019 год в миллионах долларов.

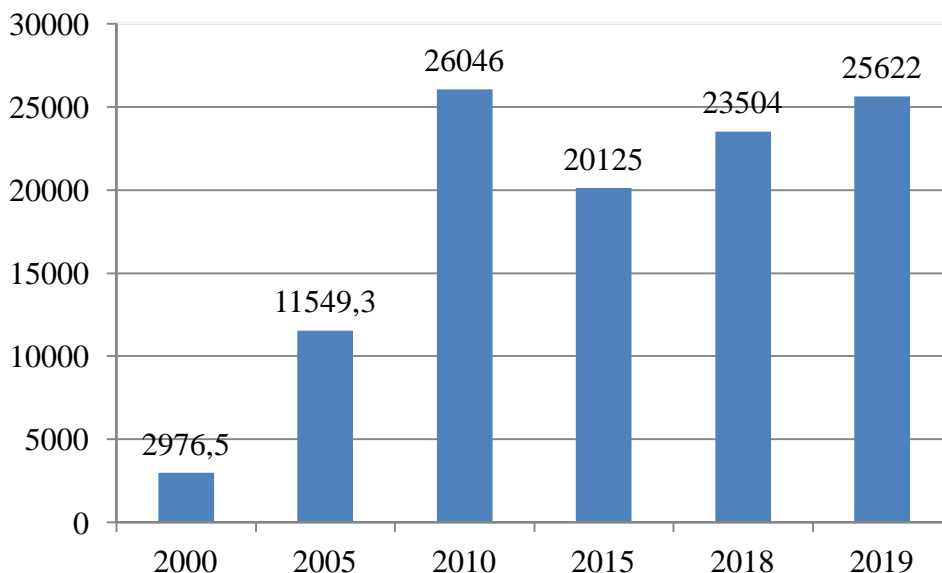

Рисунок 1 – Оборот индустрии общественного питания с 2000 по 2019 гг., в млн. долл.

Источник: составлено авторами по данным Росстата [10]

В настоящее время индустрия общественного питания является одной из активно развивающихся отраслей российской экономики. На 2021 год 87% предприятий общественного питания являются частной собственностью. Рост оборота индустрии общественного питания с 2015 года по 2019 год составил 27%. Предприятия общественного питания работают во всех субъектах Российской Федерации (рис. 2).

Центральный Федеральный округ занял 1 место в стране и имеет наи-

больший оборот общественного питания, который в 2019 году составил 29% от общего оборота индустрии общественного питания. Предприятия Приволжского Федерального округа находятся на втором месте по обороту общественного питания с долей 15% от общего оборота индустрии питания в 2019 году [2, 3]. В остальных российских регионах доля общественного питания приблизительно одинаковая и находится в интервале от 11% до 7%.

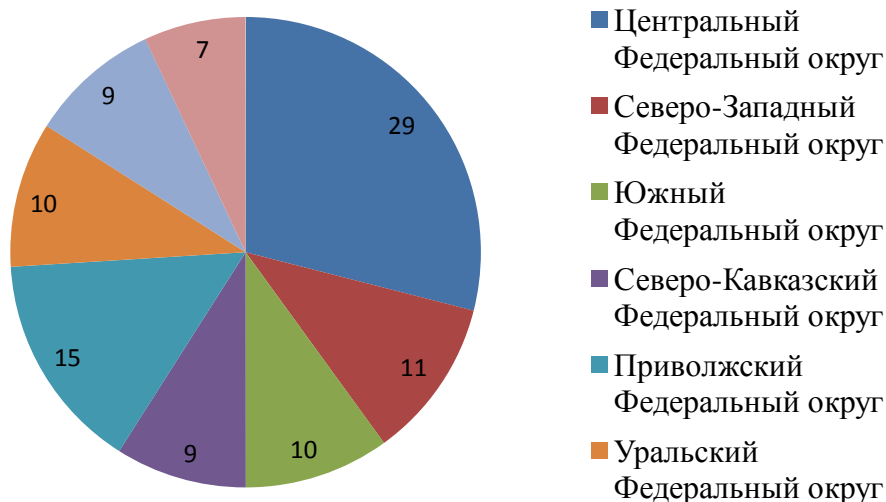

Рисунок 2 – Доля оборота общественного питания по субъектам РФ в 2019 году, %
 Источник: составлено авторами

Услуги в сфере общественного питания предоставляют рестораны, кафе, пиццерии, столовые, бары, закусочные, фаст-фуд. На 1 января 2021 года в России работает 175 448 предприятий общест-

венного питания. Наибольшее количество предприятий общественного питания располагаются в крупных городах-миллионерах (таблица 1).

Таблица 1 – Топ-10 российских городов с наибольшим количеством предприятий общественного питания, 2019 г.

	Название города	Количество жителей, чел.	Количество предприятий общественного питания	Количество предприятий общественного питания на 1000 жителей
1.	Краснодар	932 000	3191	3,42
2.	Санкт-Петербург	5 398 000	16526	3,06
3.	Казань	1 257 000	2952	2,35
4.	Ростов-на-Дону	1 137 000	2578	2,27
5.	Самара	1 156 000	2591	2,24
6.	Екатеринбург	1 493 000	3351	2,24
7.	Москва	12 678 000	27832	2,19
8.	Пермь	1 055 000	2277	2,16
9.	Новосибирск	1 625 000	3175	1,95
10.	Нижний Новгород	1 252 000	2416	1,93

Источник: составлено авторами

В России насчитывается 15 городов-миллионеров. Мы выделили 10 городов-миллионеров, в которых ресторанный бизнес получил наибольшее раз-

витие. Но количество жителей города хоть и оказывает влияние на развитие предприятий общественного питания, но не является определяющим [5, 6]. Для

сравнения городов-миллионеров мы рассчитали плотность предприятий общественного питания на 1000 жителей города. По этому показателю 1 место занимает Краснодар, 2 место Санкт-Петербург, 3 место Казань. Москва, имеющая наибольшую численность населения, занимает 7 место.

До пандемии ресторанный бизнес показывал положительную динамику +6% каждый год. В 2019 году оборот ресторанного бизнеса составил 22,6 млн. долл. Основной рост предприятий общественного питания происходил за счет сетевых розничных предприятий. В 2018 году открылись 2979 сетевых заведений, в 2019 – 2642 сетевых заведения. Доля сетевых заведений на российском рынке составляла 26% в 2019 году [10].

На рисунке 3 приведена классификация предприятий общественного питания в соответствии с российским стандартом ГОСТ Р 50762-2007. Предприятия общественного питания различаются по широте ассортимента предлагаемых блюд, дизайну помещений, организации культурного отдыха и развлечений.

Коронавирусная инфекция внесла непоправимые изменения, потери и убытки практически во всех отраслях экономики регионов и стран. В первую очередь, это коснулось тех сфер, где предусмотрено одновременное присутствие большого количества людей в замкнутом пространстве. Одной из таких стала сфера общественного питания [7, 8].

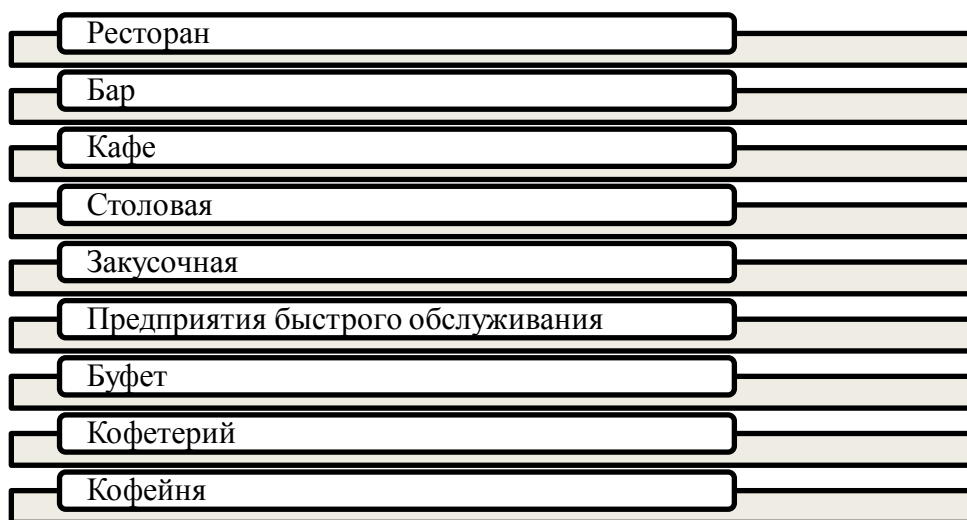

Рисунок 3 – Классификация предприятий общественного питания согласно российскому стандарту ГОСТ Р 50762-2007

Источник: составлено авторами

Для представления общей картины сложившейся ситуации, был проведен анализ и опрос среди владельцев предприятий общественного питания. 55% рестораторов отметили, что среднее падение оборота за время полной изоля-

ции населения с 30 марта по 23 июня 2020 года составило 40%. При этом 41% опрошенных отметили, что в данной обстановке при условии соблюдения всех требований и правил, выдвинутых государством РФ, их предприятия смогли бы

проработать еще лишь в течение 1 месяца, далее им пришлось бы приостановить работу или закрыться (рис. 4).

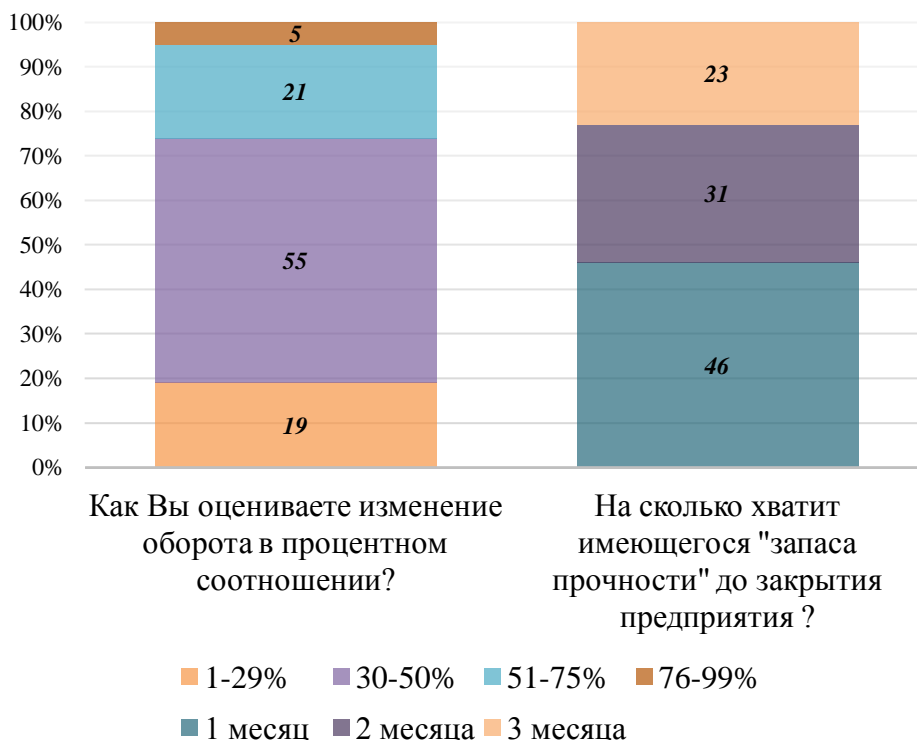

Рисунок 4 – Готовность индустрии питания к работе в условиях пандемии COVID-19
 Источник: составлено авторами

На сегодняшний день многие предприятия индустрии питания понесли большие убытки, но особенно это коснулось той доли ресторанного бизнеса, которая приходится на франчайзинговые предприятия. Открытие кофейни или ресторана на основе франшизы очень удобная модель для ведения бизнеса. Начинаящий предприниматель получает отработанную технологию приготовления блюд, разработанный дизайн интерьера, определенный стандарт обслуживания. За установленную ежемесячную плату имеет возможность консультироваться по возникшим проблемам ведения бизнеса. Начавшаяся пандемия Covid-19 повлияла на сокращение интереса потенциальных франчайзи к франшизам, а

сделки, которые должны были состояться в данный период, срывались одна за одной. Связано это было с тем, что потенциальные партнеры находились в состоянии неопределенности сроков возобновления функционирования предприятий общественного питания в штатном режиме.

С марта 2020 г. рестораны и кафе сосредоточились на использовании единственного разрешенного канала сбыта продукции – доставке готовой продукции потребителю. Такой вариант работы оказался наиболее эффективным, поскольку на него не распространялись ограничительные меры. Его осуществление подразумевает два способа:

1. доставка собственными сила-

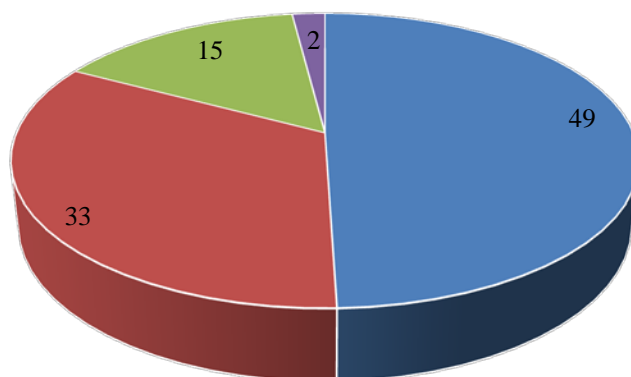
ми возможна, если в штате предприятия общественного питания есть собственные курьеры и менеджеры по приему и отправке заказа;

2. сотрудничество со специализированными сервисами доставки еды, такими как Яндекс.Еда, Delivery Club и другие.

Второй вариант предусматривает больший охват потенциальных потребителей, поскольку политика данных сервисов позволяет потребителю выбрать

продукцию из разных ресторанов на базе одного приложения.

Согласно проведенному опросу по подключению предприятий индустрии питания к какой-либо службе доставки в апреле 2020 года показала, что 64% ресторанов по всей России использует собственную службу доставки, при этом 49% доставляют только сами. 48% используют доставку в сотрудничестве с другими службами (рис. 5).

- Только собственная доставка
- Только службы доставки
- Собственная и службы доставки
- Такси и прочее

Рисунок 5 – Использование службы доставки в индустрии питания в апреле 2020 г.

Источник: составлено авторами

Реализация продукции в режиме доставки включает себя, в первую очередь, адаптацию меню для данного вида сбыта готовой продукции. При таких условиях подача блюда и сервировка уходят на второй план, поскольку основной упор делается на другие составляющие. Сохранность блюда – ключевой момент в адаптации меню. Шеф-поварам необходимо продумать и усовершенствовать позиции в меню, чтобы блюда не теряли свои вкусовые свойства в течение 30-50 минут, пока будет производиться

их доставка. Для этого важно также изучить способы упаковки блюда не только с точки зрения сохранности блюда, но и удобства принятия пищи из предложенной посуды.

Для стабилизации ситуации и уменьшению сокращения оборота предприниматели и владельцы ресторанов начали использовать локальные меры, учитывающие особенности спроса каждой точки продаж. Одним из распространённых способов увеличения спроса к продукции является введение скидок и

акций. Наиболее популярными являются выгодные предложения на блюда, которые являются визитной карточкой ресторана. Помимо этого, акции по типу «2+1», купоны на следующие заказы и новые комбо-наборы или сет-меню также пользуются большой популярностью среди потребителей.

COVID-19 нанес ущерб и потери в отрасли ресторанного бизнеса не только в России, но и в других странах. Так, в Абхазии владельцы предприятий общественного питания отметили резкий спад оборота, в большинстве случаев до 80%. Рестораторы в данный период поставили перед собой главную задачу – выстоять и продержаться на данном этапе, получить большую прибыль никто не мог. Одним из предложенных решений во время карантинных мер стало введение услуги самовывоза клиентами готовых заказов бесконтактным способом. Суть состояла в следующем: официанты в масках и перчатках встречали гостей на допустимом расстоянии 1,5 метров друг от друга, выносили герметично упакованный заказ на специальную стойку и лишь после того, как официант отходил от данной стойки не менее чем на 1,2 метра – клиент мог забрать свой заказ.

Власти США объявили в марте 2020 года о введении налоговых каникул для малого и среднего бизнеса сроком до 3-х месяцев. Данная новость стала спасением для всех предпринимателей не только в отрасли ресторанного бизнеса, но и индустрии туризма и гостеприимства. В Италии заявили о готовности предоставления налогового кредита для любой компании, чья выручка сократилась более чем на 25% из-за пандемии коронавирусной инфекции [9].

В России, если компания по состоянию на 01 марта 2020 года была зарегистрирована в едином государственном реестре юридических лиц и имеет код ОКВЭД из списка пострадавших отраслей, то она имеет право воспользоваться мерами, предложенными Прави-

тельством в условиях пандемии.

Меры поддержки для организаций и индивидуальный предпринимателей:

- ✓ Освобождение от уплаты налогов, сборов, страховых взносов за 2ой квартал 2020 года;
- ✓ Приостановление налоговых проверок;
- ✓ Продление сроков сдачи отчетности;
- ✓ Продлены сроки предоставления документов по требованию;
- ✓ Приостановлены меры взыскания;
- ✓ Не принимаются решения о банкротстве.

Если провести анализ финансовых показателей рынка общественного питания, то нужно остановиться на следующих моментах:

1. по итогам 1 квартала 2020 г. рынок показал рост оборота +3,1% по сравнению с 1 кварталом 2019 г.;
2. по итогам 2 квартала 2020 г. произошло обвальное снижение оборота – 49,7% из-за введенного полного локдауна;
3. по итогам 3 квартала 2020 г. падение оборота замедлилось и составило – 20%, этому способствовало снижение роста заболеваемости, открытие торговых центров, оживление потребительского спроса;
4. в 4 квартале 2020 г. падение оборота продолжилось и составило – 17,4%. Если бы не было «второй волны» осенью 2020 года, то падение было бы меньше – 4%. Уменьшить падение оборота мог бы повышенный спрос, связанный с Новогодними праздниками и рождественскими каникулами.

Количество предприятий общественного питания с мая 2019 года по сентябрь 2020 года незначительно уменьшилось, было закрыто 313 сетевых заведений. В этот же период времени рост показал сегмент кофеен, было открыто 614 заведений. Происходит пере-

распределение рынка. На рынок выходят торговые сети, имеющие собственные цеха для приготовления готовой еды и собственные кафе. Предприятия пищевой промышленности планируют запустить собственные магазины готовой еды. Чтобы выжить в условиях пандемии рестораны и кафе собственную фабрику-кухню модернизировали и превращали в пищевое производство, открывали недостающие цеха по комплектации, упа-

ковки. Это позволило увеличить объем выпускаемой продукции, реализация которой идет как через агрегаторы, так и через розничные сети.

Положительным является взаимодействие государства и малого бизнеса в каждом регионе. Без мер государственной поддержки выжить предприятиям общественного питания было бы еще сложнее.

Литература

1. Vaporikar N. Handbook of Research on Sustaining SMEs and Entrepreneurial Innovation in the Post-COVID-19 Era. – PA, USA: IGI Global. 2021. DOI: 10.4018/978-1-7998-6632-9.
2. Burdenko E. V., Bykasova E. V., Mudrova S. V. (State Support of Russian Small and Medium-Sized Business in the Covid-19 Pandemic and Development Prospects // Handbook of Research on Sustaining SMEs and Entrepreneurial Innovation in the Post-COVID-19 Era. – PA, USA.: IGI Global. 2021 p. 438-464. DOI: 10.4018/978-1-7998-6632-9.
3. Батракова Л.Г. Развитие малого и среднего предпринимательства в регионах России // Социально-экономические исследования. 2020. № 2(7). С. 48-65. DOI: 10.20323/2658-428X-2020-2-7-48-65.
4. ГОСТ 31985-2013. Межгосударственный стандарт. Услуги общественного питания. Термины и определения [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165477/775543c6890ee726de62d785f968aa24e2639e8c/ (дата обращения: 14.05.2021).
5. Дробот Е.В., Макаров И.Н., Назаренко В.С., Манасян С.М. Влияние пандемии COVID-19 на реальный сектор экономики // Экономика, предпринимательство и право. 2020. 10(8). С. 2135-2150. DOI: 10.18334/EPP.10.8.110790.
6. Зимовец А.В., Сорокина Ю.В., Ханина А.В. Анализ влияния пандемии COVID-19 на развитие предприятий в Российской Федерации // Экономика, предпринимательство и право. 2020. 10(5). С. 1337-1350. DOI: 10.18334/EPP.10.5.110126.
7. Меры поддержки бизнеса [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nalog.ru/rn77/business-support-2020/> (дата обращения: 20.01.2021).
8. Меры поддержки бизнеса [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://xn--80aesfpebagmfb1c0a.xn--p1ai/what-to-do/business/> (дата обращения: 20.01.2021).
9. Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России. М.: 2020. 744 с.
10. Розничная торговля, услуги населению, туризм [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/23457?print=1> (дата обращения: 20.01.2021).

УДК 330.46

Хронологические аспекты внедрения информационных систем управления промышленностью на макроуровне

М.Я. Веселовский, доктор экономических наук, профессор кафедры управления,
М.А. Сидоров, аспирант первого года обучения кафедры управления,
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза,
летчика-космонавта А.А. Леонова», г. Королев, Московская область

Исторический анализ цифровизации в сфере государственного управления показывает, что использование в осуществляющемся на макроуровне регулировании экономических процессов возможно широкое применение информационных систем. Данная статья посвящена изучению информационных систем управления промышленностью на макроуровне как в историческом отношении, так и существующих. В ходе исследования выполнен анализ советских информационных систем, концепции их внедрения и развития, а также системы, функционирующей в рамках рыночной экономики. Выдвигаются ряд прогнозных предположений о перспективах развития данных систем.

Информационные технологии; промышленность; цифровизация.

Chronological aspects of the implementation of industrial management information systems at the macro level

M.Ya. Veselovsky, Doctor of Economic Sciences,
Professor of the chair management,
M.A. Sidorov, Postgraduate,
State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow Region
«Technological University named after twice Hero of the Soviet Union,
pilot-cosmonaut A.A. Leonov», Korolev, Moscow region

The historical analysis of digitalization in the field of public administration shows that the use of information systems in the regulation of economic processes carried out at the macrolevel is possible. This article is devoted to the study of information systems for industrial management at the macro level. In the course of the study, the analysis of Soviet information systems, the concept of their implementation and development, as well as the system functioning within the framework of the market economy was carried out. A number of predictive assumptions have been made about the prospects for the development of these systems.

Information technology, industry, digitalization.

На данный момент, всё большее и большее значение приобретает процесс цифровой трансформации общества. Значительные перемены наблюдаются во всех сферах жизнедеятельности общества. Не является исключением и экономическая сфера, переживающая процесс масштабной цифровизации, сопряжённый с широким применением автоматизации. Помимо автоматизации непосредственно производственных процессов всё большее значение приобретает и автоматизация управления, обеспечиваемая развитием информационных технологий поддержки принятия управленческих

решений, планирования и прогнозирования.

Очевидными примерами новых экономических тенденций являются потребительский цифровой рынок, цифровизированные системы доставки товаров, появление единых информационных пространств предприятий с использованием мобильных устройств и многое другое. Широкое развитие нейросетевых технологий, и, потенциально, искусственного интеллекта, способно обеспечить ещё более системные изменения производственной сферы, результаты которых на макроуровне являются, на

текущий момент сложнопредсказуемы.

Наибольший эффект данного аспекта цифровизации способен проявиться в сфере промышленного производства, являющегося базой для обеспечения комплексного обеспечения населения материальными благами, и аккумулирующей в себе последние достижения научной мысли. Обеспечение мониторинга и совершенствование условий для развития промышленных предприятий, с учётом тенденции к укреплению горизонтальных и вертикальных хозяйственных связей, является одним из потенциальных направлений развития государственного управления, направленного на обеспечение экономического развития на макроуровне. В связи с данными факторами, приобретает актуальность изучение хронологических аспектов внедрения информационных систем управления промышленностью на макроуровне, результаты которого могут быть широко применены при создании инновационных систем данного типа.

В рамках написания данной статьи широко использовались материалы, связанные с освещением перспектив использования информационных технологий в управлении промышленностью и народным хозяйством, опубликованные в тот период, когда происходил процесс внедрения или концептуальной проработки таких систем.

В связи со спецификой рассматриваемого вопроса, основной массив использованных источников относится к советским публикациям 70-80 гг. XX в., что обусловлено, прежде всего бурным развитием идей внедрения достижений кибернетики в процессы экономического управления, причём именно в СССР специфика экономической модели, высокий уровень научного развития и возможность выделения ресурсов для реализации масштабных проектов обеспечили условия для фактической реализации ряда информационных систем управления экономическими процессами на мак-

роуровне, причём основным объектом управления являлись промышленные предприятия. При этом стоит учитывать, что, несмотря на то, что ряд использованных источников написан в рамках господства марксистской идеологии, в рамках настоящей статьи использованы лишь те положения, в которых описывались объективно реализовавшиеся процессы, а также утверждённые планы и концепции развития информационных систем государственного управления.

При рассмотрении процессов, протекающих в настоящее время, используется опыт цифровизации в Российской Федерации, что, прежде всего, связано с наличием исторического опыта использования информационных систем в целях управления промышленностью на макроуровне.

Ряд исторических предпосылок, связанных с развитием концепции государственного регулирования социально-экономических процессов в Советском Союзе, определил тот факт, что именно в рамках советской экономики активно проводилась работа по практическому применению информационных систем управления промышленностью на макроуровне.

Характер внедрения был обусловлен, прежде всего, территориально-отраслевым принципом управления промышленностью и тем, что основной формой организации промышленного производства было принято считать крупные научно-производственные комбинаты, а также их объединения [8, с.57].

Условия предопределили концепцию создания ряда отраслевых автоматизированных систем управления (ОАСУ) промышленностью на макроуровне, сопряжённых с функционирующими на отдельных предприятиях автоматизированных систем управления производством (АСУП). Восходящие и нисходящие информационные потоки, образующиеся при функционировании ведомственных ОАСУ, должны были обеспечивать быстрое и однозначное доведе-

ние распоряжений органов государственного управления до предприятия и обеспечение обратной связи в виде актуальных показателей производственной деятельности [6].

Итоговые сведения предполагалось интегрировать и использовать в рамках планируемой общегосударственной автоматизированной системы учёта и обработки информации (ОГАС) в целях обеспечения устойчивого развития экономики в целом. Проект разрабатывался до середины 1980-х гг. XX в., когда изменение научно-технологической базы проекта обусловило его принципиальную переработку, ресурсов на которую у страны уже не было [5].

С переменным успехом разрабатывавшийся и внедрявшийся с первой половины 1960-х гг. XX в. под руководством академика В.М. Глушкова ОГАС, помимо непосредственно экономических функций, должен был также обеспечить цифровизацию большей части управленческой деятельности [3, с. 11]. Фактически, в рамках программы создания ОГАС, были предусмотрены: Автоматизированная система плановых расчётов (АСПР); Автоматизированная система государственной статистики (АСГС); Автоматизированная система Госснаба СССР; Автоматизированная система обработки информации по ценам (АСОИ цен); ряд ведомственных ОАСУ [7, с.126].

Указанные системы должны были стать основой комплексного инструмента, учитывавшего все происходящие в национальной экономике процессы, и обеспечивавшего автоматизированную разработку мероприятий по их регулированию.

Так, ключевым прикладным инструментом макроэкономического регулирования советской плановой экономики фактически стала Автоматизированная система плановых расчётов. АСПР позволяла сотрудникам Госплана СССР в короткие сроки подготовить различные варианты экономических планов по за-

данным критериям, а также обеспечивала возможность предоставления предприятиям касающихся их плановых заданий, в соответствии с народнохозяйственным планом, в электронном виде [12]. В работе АСПР использовалась концепция сетевых графиков, в связи с чем, осуществлялась взаимная интеграция совокупностей данных множества различных предприятий, и, с учётом специфики экономических показателей каждого предприятия, формировалась общая модель развития народного хозяйства [13].

По мере развития цифровой инфраструктуры государственного регулирования экономики, предполагалось обеспечение непрерывного полуавтоматического отслеживания таких факторов, как макроэкономическое равновесие, безработица и товарный дефицит [1, с. 67]. Предполагаемая структура взаимодействий данных систем представлена на рисунке 1.

Из рисунка 1 следует, что на эффективность системы в значительной степени влияла бы скорость информационного обмена и обработки информации. При этом следует учитывать, что принципиальный этап развития единой информационной среды, заключавшийся в обеспечении стабильного непосредственного взаимодействия даже существовавших на тот момент систем, реализован не был [1, с. 64].

Внедрение разнообразных механизмов автоматизации всячески поощрялось, в связи с чем, на 1987 г. в советской промышленности использовалось более 210 тыс. механизированных поточных и автоматических линий, 123 тыс. единиц оборудования с ЧПУ и 112 тыс. комплексно-механизированных и автоматизированных участков, цехов, производств [2, с.5]. По мере автоматизации технических процессов, всё больший интерес привлекала концепция интеграции управления автоматизированными линиями в рамках единой автоматизированной системы управления предприятием (АСУП) [10, с. 67].

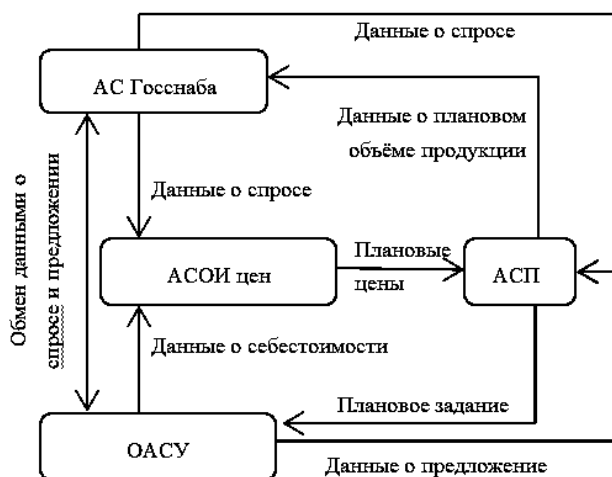

Рисунок 1 – Предполагаемое взаимодействие между ключевыми экономическими компонентами ОГАС на макроэкономическом уровне

По мере автоматизации технических процессов, всё больший интерес привлекала концепция интеграции управления автоматизированными линиями в рамках единой автоматизированной системы управления предприятием (АСУП) [10, с. 54]. При том, что руководством страны был принят проект создания государственной сети вычислительных центров (ГСВЦ), позднее трансформировавшийся в ОГАС, подобные

системы начали рассматриваться в качестве низовых звеньев как минимум поставщиков информации для систем планирования и статистики (позднее реализовавшихся в виде уже рассмотренных АСПР и АСГС), а как максимум – основы единой системы управления государством [4]. Масштаб автоматизации государственного управления наглядно отражён на рисунке 2 [9].

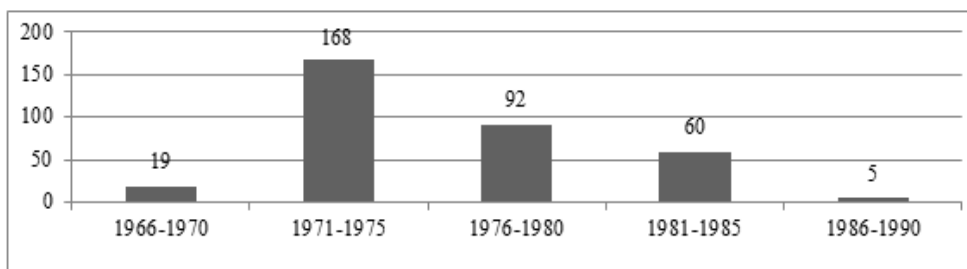

Рисунок 2 – Динамика создания ОАСУ в СССР

Из рисунка 2 представляется возможность сделать вывод о том, что программа автоматизации управления промышленностью активно осуществлялась вплоть до начала рыночных реформ, причём значительное изначальное коли-

чество введённых в эксплуатацию ОАСУ обусловило потребность во вводе новых систем, прежде всего, в рамках их комплексной модернизации.

В связи с обозначенными выше факторами, целесообразно рассмотрение

ведомственных ОАСУ промышленных ведомств на отдельных примерах.

Так, характерным примером, характеризующим развитие ведомственных систем управления промышленностью на макроуровне является ОАСУлегпрома, предназначавшаяся для оптимизации управления лёгкой промышленностью СССР [11].

Источником возникновения данной системы стал созданный в 1963 г. в городе Иваново отраслевой вычислительный центр Минлегпрома СССР. Данный центр обеспечивал проведение сложных вычислений, связанных с распределением ресурсов для нужд текстильной промышленности [11].

Позднее, в 1971г., на волне всеобщего энтузиазма в сфере вычислительных технологий, в Иваново был сформирован ведомственный НИИ Минлегпрома (ВНИПИАСУлегпром), основной целью которого стала разработка систем автоматизации в сфере лёгкой промышленности, и, в частности, систем управления ею на макроуровне.

Созданная в рамках работы данного научного учреждения ОСУлегпром первоначально была скептически принята в ведомстве, однако, по мере решения ею ряда оптимизационных задач в сферах логистики, ресурсоснабжения и сбыта, её перспективность получила общее признание. Разработанный в начале 1970-х гг. на базе данной системы модуль «АСПР в лёгкой промышленности» позволил интегрировать вычисления системы в общую структуру информационных систем управления экономикой. Развитие системы привело к тому, что в начале 1980-х гг. она являлась базовой для 88 АСУ предприятий лёгкой промышленности, что не только оптимизировало процесс управления предприятиями, но и позволяло значительно ускорить работу по планированию и прогнозированию в отрасли в целом.

По результатам реформ второй половины 1980-х гг. связи между пред-

приятиями лёгкой промышленности СССР распались, и функционирование ОСУлегпром прекратилось в связи с отсутствием объекта управления [11].

В связи с произошедшей в конце XX века приватизацией, существование отраслевых информационных систем перестало быть возможным, и в отечественной промышленности получили распространение ERP-системы, ориентированные, прежде всего, на обеспечение мониторинга деятельности предприятия. Использование в существующих ERP-системах аналитических модулей, обеспечивающих комплексный учёт всех направлений деятельности групп предприятий на текущий момент не получило широкого распространения.

Вместе с тем, в Российской Федерации функционируют и информационные системы управления промышленностью на макроуровне. Данное утверждение относится к Государственной информационной системе промышленности (ГИСП), созданной в 2015г. в целях создания и развития инфраструктуры цифрового взаимодействия субъектов промышленности.

В рамках данной единой системы функционирует следующий ряд модулей, направленных на мониторинг функционирования российской промышленности: механизмы государственной поддержки промышленности; площадка электронной торговли между участниками системы; сервисы электронной отчётности; обучающие и информационные сервисы; системы проектного управления; финансовые инструменты.

Фактически, данные модули системы позволяют обеспечить аналог используемого в многофункциональных центрах оказания услуг принципа «Одного окна» для промышленных предприятий. Так, на единой платформе, предприятия имеют возможность получить широкий перечень услуг, притом как непосредственно относящихся к сфере деятельности государства, как например

регистрация в различных государственных реестрах, так и иных, например юридических, страховых или финансовых.

С точки зрения настоящего исследования, тем не менее, наибольший интерес представляют модули анализа статистической информации и прогнозирования.

Так, ГИСП предоставляет пользователям системы возможность получения аналитических отчётов по более чем 200 отраслям промышленности, а также возможность получения прогноза по производству и потреблению товаров и услуг.

Подобные возможности способны напомнить об упомянутых ранее советских информационных системах, предназначенных для создания планов и аналитических расчётов на основании сведений от предприятий. Тем не менее, следует отметить, что данный функционал современной системы имеет принципиальные отличия.

Так, прогноз в ОАСУ промышленных ведомств СССР строился на базе учёта не столько усреднённых показателей промышленного предприятия, сколько на стоимости производственных цепочек каждой позиции из номенклатуры выпускаемых товаров. Данный фактор тесно связан с использованием трудовой модели ценообразования и стремлением формирования цен из учёта общественно-необходимых затрат труда. Подобная концепция, несмотря на так и не преодоленную окончательно проблему формирования экономически корректной математической модели ценообразования по трудозатратам, позволяла выявлять закономерности между производством отдельных элементов производственной цепочки, что позволяло выявить проблемные моменты как в рамках отдельного предприятия, так и в рамках отрасли, и, теоретически, национальной экономики.

В ГИСП данные поступают ежеквартально лишь по общим итогам функционирования предприятия, что закреплено законодательно, и, в свою очередь обуславливает специфику прогнозных и аналитических материалов. Тем не менее, в рамках ГИСП имеется косвенная возможность выявления производственных аспектов путём анализа данных по работе предприятия на собственных торговых площадках системы. В целом, реализация сбора данных, аналогичного таковому в советских ОАСУ, не является допустимой в рамках рыночной экономики, т.к. чрезмерное раскрытие аспектов производства способно поставить под угрозу экономическую безопасность предприятия.

В современной российской экономике, прошедшей в 1990-х гг. трансформацию из командно-административной в рыночную, несомненно, не является актуальным использование советской концепции использования информационных систем в целях экономического регулирования на макроуровне.

В первую очередь, данный факт связан с тем, что даже при условии, если в управление одному частному субъекту попадёт значительное количество предприятий отрасли, сравнимое с таковым в подчинении условного республиканского отраслевого ведомства с ОАСУ, использование централизованных информационных систем управления находящимися в собственности промышленными предприятиями будет оправдано лишь для решения частных задач, информационного взаимодействия, сбора и обработки статистической информации.

Создание комплексных и достоверных планов развития предприятия на относительно длительные периоды при этом представляется не только сложно-реализуемым, но и достаточно рискованным. Связано это с тем, что эффективность использования ЭВМ в совокупности с математическими экономическими

методами, непосредственно зависит от соответствия используемых математических инструментов объективной реальности и объёма данных для обеспечения репрезентативности результатов вычислений. Также предполагается устойчивая зависимость между достоверностью работы информационных систем управлению экономической деятельностью и скоростью поступления информации, однако в современных условиях обеспечение стабильной связи между компонентами вычислительной системы, как правило, не является существенной технологической проблемой.

В связи с этим, даже при наличии эффективных математических инструментов, моделирование экономических процессов в системах управления определёнными отраслями промышленности,

будет испытывать существенное влияние значительного числа факторов внешней среды. С учетом того, что к таким факторам могут относиться, например национальная логистика или добыча природных ресурсов, функции автоматизированного планирования, даже в потенциальных централизованных информационных системах управления крупными производственными объединениями, в условиях рыночной экономики могут использоваться лишь в качестве инструмента поддержки экспертных решений.

Созданная в 2014г. ГИСП, несомненно являясь информационной системой управления, промышленность на макроуровне, имеет ряд сходных и отличных аспектов, выявленных в ходе исследования и представленных в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнение советских и российских информационных систем управления промышленностью на макроуровне

Критерий	Советские ОАСУ	ГИСП
цель создания	планирование прогнозирование; оптимизация административного управления	стимулирование; прогнозирование; информирование
мотивация присоединения	государственное поощрение; расчёт в ВЦ ОАСУ; оптимизационных производственных задач	нормативное закрепление участия для ряда предприятий; оптимизация взаимодействия с государством и участниками производственного процесса; предоставление доступа к информационным ресурсам
взаимодействие между участниками	вертикальное	вертикальное и горизонтальное
периодичность информационных потоков	периодические (прежде всего – магнитные носители)	периодические (в режиме online)

Исходя из представленных данных, ГИСП характеризуется мягкой интеграционной политикой, при которой обеспечение подключения к системе новых участников предполагается достигать посредством создания для таковых комфортных условий для взаимодействия с иными участниками, в т.ч. и с органами государственной власти.

На основе проведенного анализа, данный подход представляется наиболее оптимальным для условий рыночной

экономики, т.к. позволяет получать сведения для проведения политики в сфере промышленности без оказания административного воздействия, используя лишь экономические рычаги воздействия.

Тем не менее, представляется возможным и дальнейшее развитие информационных систем управления промышленностью на микроуровне, обусловленное, прежде всего, интеграцией с информационными инструментами

управления иными сферами жизни общества. Так, значительную пользу в виде снижения инфляции издержек, благодаря обеспечению возможности оперативной обработки данных и выявлению взаимосвязей между экономическими процессами, потенциально способна принести интеграция с системами, обеспечивающими мониторинг транспортных потоков, добычу природных ресурсов и работу топливно-энергетического комплекса.

Исходя из проведённой работы, можно заключить, что информационные системы управления промышленностью на макроуровне являются фактором объективной экономической реальности. Их развитие, начавшееся в рамках командно-административной экономики СССР, продолжается, однако, смена условий их функционирования, после значительного перерыва в применении, оказала существенное влияние на механизм функционирования.

Фактически, произошла смена модели взаимодействия с промышленными субъектами, в связи с чем, прямое административное взаимодействие и использование систем для комплексного планирования было заменено на мотивационное взаимодействие и упрощение доступа к получению ряда необходимых в деятельности услуг.

Новый подход к формированию систем управления промышленностью на макроуровне, реализованный в рамках ГИСП, представляется достаточно перспективным, однако возможно и дальнейшее развитие концепции.

Также, следует отметить, что особую актуальность в рамках исследования данного направления, приобретают вопросы эффективности процессов разработки, внедрения и эксплуатации подобных систем. Также интерес представляют потенциальные процессы экономической мотивации предприятий на основе их деятельности в системе в целом и на торговой площадке системы в частности.

Вместе с тем, возможность осуществления исследовательской деятельности в данном направлении требует ряда сведений, находящихся в настоящий момент в служебном пользовании, а отдельные процессы, затронутые внедрением ГИСП, на данный момент ещё привели к статистически обрабатываемым результатам.

Таким образом, в роли ключевого фактора, обуславливающего актуальность результатов дальнейших исследований в данном направлении, выступает время, которое должно пройти с момента ввода системы в активную эксплуатацию.

Литература

1. Астафьев В.Е., Джурбаев К.Т., Яковлев А.И. Экономика электротехнического производства. М.: Высшая школа. 1989. 302 с.
2. Богатыренко З.С. Труд и заработная плата в СССР: Словарь-справочник. М.: Экономика. 1984. 631 с.
3. Глушков В.М. Основы безбумажной информатики. М.: Наука. 1987. 211 с.
4. Кутейников А.В. Общегосударственная автоматизированная система управления советской экономикой (ОГАС): история создания и уроки // Научные труды Международной молодежной научной конференции XXXVII Гагаринские чтения. 2011. Т. 4. С. 80-82.
5. Кутейников А.В. Советский опыт внедрения информационных технологий в экономику страны (на примере истории проекта общегосударственной автоматизированной системы управления народным хозяйством СССР (ОГАС) в 1960-1980-х годах) // Экономическая политика. 2012. № 4. С. 39-67.
6. Ларионов А.М., Левин В.К. и др. Основные принципы построения и технико-экономические характеристики Единой системы ЭВМ // УСиМ. 1973. № 2. с. 1-12.
7. Лебединский Н.П. Основы автоматизации плановых расчётов. М.: Экономика. 1982. 270 с.
8. Мальшев Ю.М., Тищенко В.Е., Шматов В.Ф. Экономика нефтяной и газовой промышленности // М.: Недра. 1980. 277 с.
9. Научно-технический прогресс в СССР. Статистический сборник // М.: Финансы и статистика. 1990. 680 с.

10. Побуковский М.Г., Хотяшов Э.Н. Адаптация в системах экономической информации. М.: Финансы и статистика. 1982. 102с.
11. Пухова Г.В. Опыт применения экономико-математических методов в легкой промышленности: 1963-1990 годы // ЭНСР. 2002. № 2. С.133-143.
12. Сафронов А.В. Автоматизированная система плановых расчетов Госплана СССР как необходимый шаг на пути к общегосударственной автоматизированной системе учета и обработки информации (ОГАС) // Экономическая история. 2019. № 4. С.47-48.
13. Сафронов А.В. Компьютеризация управления плановой экономикой в СССР: проекты ученых и нужды практиков // Социология науки и технологий. 2020. № 3. 20-41.

УДК 332.02

Модернизация организационных механизмов стратегического планирования устойчивым развитием регионов

Д.Н. Ганченко, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления, Новокузнецкий филиал-институт Кемеровского государственного университета, г. Новокузнецк,
Е.С. Нестеренко, ассистент кафедры экономической теории, Институт экономики и управления (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым

В статье авторами детально рассмотрены и охарактеризованы основы стратегического планирования устойчивого развития региона. Выделены определенные условия и факторы, формирующие динамику развития региональной экономики на современном этапе. Предложен механизм модернизации организационных основ стратегического планирования устойчивого развития региона в Российской Федерации. Авторами обозначены проблемы развития региональной экономики на современном этапе. Определены приоритеты и перспективы модернизации организационных механизмов стратегического планирования устойчивого развития региона. Также авторы предложили основные принципы совершенствования организационных механизмов стратегического планирования устойчивого развития региона.

Регион, устойчивое развитие, стратегическое планирование, региональное развитие, региональная экономика.

Modernization of organizational mechanisms of strategic planning for sustainable development of regions

D.N. Ganchenko, PhD in Economics, Associate Professor, Novokuznetsk Institute (branch) of Kemerovo State University, Novokuznetsk,
E.S. Nesterenko, assistant, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Institute of Economics and Management, Simferopol, Crimea

In the article, the authors consider in detail and characterize the basics of strategic planning for the sustainable development of the region. Certain conditions and factors that shape the dynamics of the regional economy development at the present stage are identified. A mechanism for modernizing the organizational foundations of strategic planning for the sustainable development of the region in the Russian Federation is proposed. The authors identify the problems of the development of the regional economy at the present stage. Priorities and prospects of modernization of organizational mechanisms of strategic planning of sustainable development of the region are defined. The authors also proposed the main principles for improving the organizational mechanisms of strategic planning for the sustainable development of the region.

Region, sustainable development, strategic planning, regional development, regional economy.

Современный этап развития экономики в Российской Федерации говорит о целесообразности передачи значительной части функций управления от государственной власти региональным органам власти. Это позволит сформировать эффективную систему реализации основных тенденций в региональной экономике на основе внутрирегионального и межрегионального сотрудничества и взаимодействия основных экономических субъектов в регионах.

В рамках данного подхода происходит корректировка сущности развития региональной экономики, что предусматривает развитие каждого конкретного региона как целостной системы, в которой достижение экономического роста региона достигается за счет сотрудничества и взаимодействия между собой, что также благоприятно влияет и на развитие национальной экономической системы [1, 2].

Целью данной статьи является характеристика и совершенствование организационных механизмов стратегического планирования устойчивого развития региона.

Модернизация организационных механизмов стратегического планирования устойчивого развития региона должно идти по пути снижения монополизма регулирования со стороны государства, и на этой основе приобретение регионами больших полномочий по взаимодействию друг с другом, а также в осуществлении регионального регулирования и проведения региональной экономической политики [3].

На современном этапе развития экономики совершенствование организационных механизмов стратегического планирования устойчивого развития региона предусматривает выравнивание экономическое и социальное развитие различных регионов путем бюджетного регулирования [4]. При этом остается практически за пределами внимания такой важный фактор как экономический потенциал конкретного региона. Институциональное регулирование развития региональной экономики необходимо осуществлять, учитывая конкурентные преимущества каждого конкретного региона [5].

С нашей точки зрения, при усовершенствовании организационных механизмов стратегического планирования устойчивого развития региона необходимо уделить больше внимания:

- разработке и реализации законодательно-нормативного права институтов власти на региональном уровне;

- реализации права распоряжаться федеральной собственностью, находящейся на территории региона, институтами власти на региональном уровне;

- осуществлению административного оперативного управления институтами власти на региональном уровне и изданию законодательно-нормативных актов, которые не противоречат федеральным.

Динамику развития региональной экономики на современном этапе формируют определенные условия и факторы:

- количество природных ресурсов на территории региона;

- благоприятная внутренняя и международная конъюнктура;

- уровень развития регионального и государственного рынка рабочей силы;

- состояние институциональной, социальной, производственной инфраструктуры;

- политическая обстановка в государстве и на уровне конкретного региона и другие.

Одним из важных факторов развития региональной экономики является структура и состав национального хозяйства, которая сформирована из экономических и социальных систем регионов [6].

Преобразования организационных механизмов стратегического планирования устойчивого развития региона на современном этапе включает определенные механизмы государственной поддержки экономического и социального положения регионов и влияния на экономическую и производственную региональную структуру, которые превращаются в определенные механизмы и направления реализации стратегического планирования устойчивого развития региона в Российской Федерации [4].

Основные цели, задачи и направления совершенствования организационных механизмов

стратегического планирования | Российской Федерации представлены на
 устойчивого развития региона в | рисунке 1.

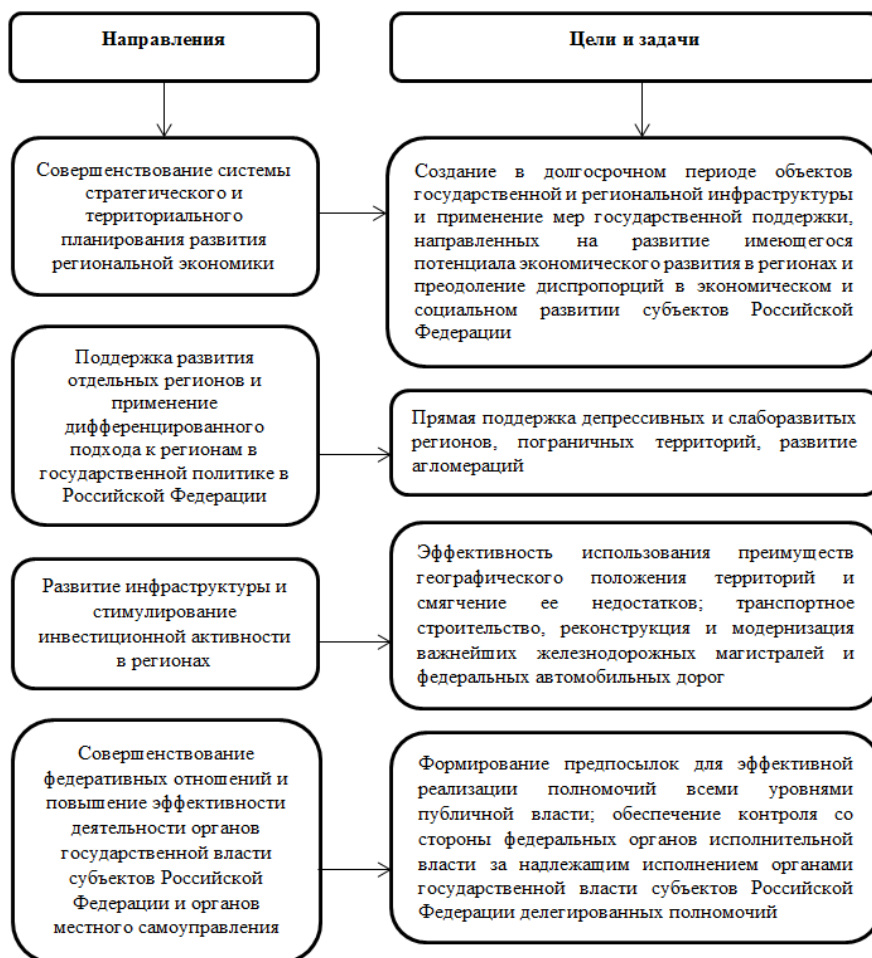

Рисунок 1 – Механизм модернизации организационных основ стратегического планирования устойчивого развития региона в Российской Федерации [7, 8, 9]

Совершенствование организационных механизмов стратегического планирования устойчивого развития региона означает, что основные функции региональных органов власти передвигаются в сферу организации управления и мониторинга развития региональной экономики. Это предусматривает, что региональные органы власти регулируют рынок рабочей силы, трудовые отношения и занятость в регионе.

Основные стратегические направления развития экономики региона должны быть воплощены в разработку и проведение региональной политики, которая исходит из того, что на государственном уровне создаются благоприятные условия для экономического и социального развития регионов, а также государство оказывает помощь региональным органам власти посредством осуществления кредитной, финансовой, инвестиционной

государственной политики. Одной из важных составляющих также является антикризисное регулирование, которое проводится государством с целью обеспечения экономического роста.

Развитие региональной экономики и участие государства в данном вопросе является одним из основных направлений экономического развития государства. Опыт Российской Федерации основывается на создании эффективной институциональной структуры, а также передовых нормативно-правовых законодательных актах. Все перечисленное дает возможность эффективно проводить региональную политику.

С целью модернизации организационных механизмов стратегического планирования устойчивого развития региона региональная политика должна опираться на системные тенденции развития региона, что дает возможность осуществлять планирование, разрабатывать эффективные стратегии развития региональной экономики.

Существенная проблема развития региональной экономики на современном этапе состоит в сложном и ограниченном информационном обмене между различными регионами и секторами экономики на уровне одного региона. Это препятствует [10]:

- проведению эффективной региональной политики;
- разработке эффективной стратегии развития региональной экономики;
- рациональному участию всех экономических субъектов на региональном уровне в данном процессе.

Следующей проблемой развития региональной экономики является недостаточный опыт управления на всех уровнях государственной и региональной власти, а также отсутствие у экономических субъектов на уровне

региона мотивации для эффективного участия в процессе управления [11].

Еще одной существенной проблемой развития региональной экономики является ожидание региональными органами власти финансовой помощи от государства, а также пассивность в поиске альтернативных финансовых ресурсов для развития экономики региона.

На региональном уровне необходимо, чтобы было четкое планирование по распределению финансовых ресурсов для развития региональной экономики, государственное же финансирование, в свою очередь, должно предоставляться различным регионам в соответствии с бюджетом государства за год и через внебюджетные государственные фонды. Это позволит повысить эффективность и координацию проводимой региональной политики.

С целью развития региональной экономики необходимо, чтобы основные инвестиционные и государственные проекты по ее развитию принимались совместно с региональными органами власти. Это позволит повысить их заинтересованность в данном процессе, а также позволит повысить эффективность проводимого институционального регулирования.

На сегодняшний день совершенствование организационных механизмов стратегического планирования устойчивого развития региона предусматривает [2, 4, 5]:

- достижение оптимального сочетания государственных, национальных и региональных интересов, а также приоритетных направлений с целью уменьшения региональных различий в доходах, занятости, возможностях и сферах развития;

- переход к открытой системе экономике на региональном уровне и переход на принципиально новый

качественный уровень в процессе межрегионального экономического развития на основе эффективного сотрудничества и взаимодействия;

- обеспечение роста эффективности инвестиций из бюджета, которые используются при совместном участии иностранных партнеров в виде иностранных кредитно-финансовых организаций в рамках координации между отраслями экономики.

Модернизация организационных механизмов стратегического планирования устойчивого развития региона позволит:

- сократить неравенство в экономическом и социальном развитии между регионами;

- стимулировать развитие региональной экономики и рост ВРП на региональном уровне;

- создать новые рабочие места в региональной экономике и сократить количество безработных в регионах.

Основными приоритетами модернизации организационных механизмов стратегического планирования устойчивого развития региона являются [11]:

- создание предпосылок для снижения различий между различными регионами и их экономическим и социальным развитием;

- содействие в экономическом и социальном развитии отстающих регионов государства;

- развитие законодательно-нормативной базы государства;

- создание информационного обмена между различными регионами, а также создание надежной базы информации на региональном уровне с целью осуществления эффективного и качественного планирования и управления, а также проведения региональной политики;

- реализация административного потенциала для осуществления

эффективного управления и контроля в финансовой сфере;

- осуществление постоянного мониторинга планирования развития региональной экономики и ее оценки в соответствии с международными стандартами.

Устойчивое сбалансированное развитие региональной экономики является одним из важнейших условий для привлечения отечественных и зарубежных инвестиций в региональную экономику. На основании этого создаются предпосылки для обеспечения экономического роста и конкурентоспособности на международном уровне.

Основными принципами модернизации организационных механизмов стратегического планирования устойчивого развития региона должны стать:

- защита экологии Российской Федерации, что позволит сохранить природные ресурсы и дать дополнительные возможности для развития регионов;

- разделения регионов по отраслевому принципу, что необходимо осуществлять в соответствии с инвестиционной и научно-технической политикой государства, а также со среднесрочной и долгосрочной стратегией развития государства и регионов;

- использование принципиально новых и прогрессивных форм организации пространства и размещения работников высокой квалификации и профессионального уровня;

- создание равных институциональных условий, сокращение различий между регионами в их экономическом и социальном развитии с учетом экономической, экологической и политической обстановкой.

Таким образом, принципиальными аспектами

модернизации организационных механизмов стратегического планирования устойчивого развития региона должны стать:

- постепенное достижение равенства прав различных регионов Российской Федерации;

- обеспечение верховенства законодательно-нормативных актов, принятых на государственном уровне, а также обеспечение сотрудничества и взаимодействия между государственной и региональной властью по поводу принятия законодательно-нормативных актов, касающихся развития региональной экономики;

- регулирование на уровне государственной власти экономического, социального, культурного взаимодействия и сотрудничества

регионов с иностранными государствами;

- максимальное использование регионального потенциала для развития региональной экономики;

- последовательное перемещение приоритетов экономической, социальной, финансовой и национальной политики в сторону регионов, что позволит в большей степени учитывать проблемные аспекты в их экономическом и социальном развитии, а также их потенциал;

- приведение политики регионального экономического и социального развития к новым реалиям современного развития государства, а также политической и международной обстановки.

Литература

1. Розанова Л.И. Методологические основы анализа регионального развития // Теоретическая и прикладная экономика. 2014. № 4. С. 1-38.
2. Исаев А.Б., Кадышев Е.Н. Формирование актуальных принципов государственного управления и регулирования региональной экономики // УЭКС. 2012. № 2 (38). С. 1-15.
3. Митрофанова И.В. Модернизация региональной системы стратегического планирования: проблемы и решения // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 5. С.1-8.
4. Храмова Ф.И., Полетаев С.А., Андрейковец Е.М. Особенности национальной методологии стратегического планирования устойчивого социально-экономического развития регионов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 10-2. С.1-6.
5. Ишбулатов Ф.Х. Институциональные условия развития регионов в современной экономике // Инновации и инвестиции. 2012. № 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnye-usloviya-razvitiya-regionov-v-sovremennoy-ekonomike> (дата обращения: 13.03.2021).
6. Лукьяненко В.Н. Факторы развития региональных социально-экономических систем: теоретические аспекты // Вестник ЗабГУ. 2014. № 9. С.119-124.
7. «Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_364178/ (дата обращения: 13.03.2021).
8. Концепция совершенствования региональной политики в Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/.
9. Нестеренко Е.С. Современные модели экономического роста и развития / В книге: Проблемы микроэкономического моделирования и развития производственных систем. ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского». 2020. С. 31-33.
10. Бадоев С.Х. Приоритетные направления региональных экономических трендов// Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2014. № 4. С. 116-121.
11. Маршалова А.С., Ждан Г.В., Бакулина В.И. Неэффективность государственного управления – главный фактор российского отставания // ЭКО. 2015. № 1 (487). С. 87-100.
12. Воробьева Ж.Б. Инвестиционная политика в регионе и инструменты ее реализации // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2016. № 2-1. С. 217-229.

УДК 332.14

Обоснование механизма развития сферы общего образования Рязанской области на основе принципа иерархии

О.Ю. Горбова, кандидат экономических наук, доцент, декан Инженерно-экономического факультета, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный радиотехнический университет имени В.Ф. Уткина», г. Рязань

В статье приведены результаты исследования итогов реализации современных механизмов государственного управления, подтверждающие использование формального подхода к исполнению задач и мероприятий. На примере системы общего образования Рязанской области показано, что формальное построение процессов не приводит к повышению эффективности функционирования отрасли. Предложена иерархия целей, задач и мероприятий, обеспечивающих эффективное функционирование отрасли. Для контроля процесса сформирована иерархия показателей непосредственного и конечного результата.

Иерархия целей, эффективность государственного управления общим образованием, показатели непосредственного результата, показатели конечного результата.

Substantiation of the mechanism for the development of the general education sphere of the Ryazan region on the basis of the principle of hierarchy

O.Y. Gorbova, candidate of economic Sciences, associate Professor,
Dean of the Faculty of Engineering and Economics,
Ryazan state radio engineering University named after V.F. Utkin, Ryazan

Analysis of the results of the implementation of modern mechanisms of public administration, confirming the use of a formal approach to the implementation of tasks and activities presented in this article. On the example of the general education system of the Ryazan region, it is shown that the formal construction of processes does not lead to an increase in the efficiency of the industry. A hierarchy of goals, objectives and activities that ensure the effective functioning of the industry is proposed. To control the process, a hierarchy of indicators of direct and final results has been formed.

The hierarchy of goals, the effectiveness of public administration of general education, indicators of the immediate result, indicators of the final result.

Введение

Развитие механизмов государственного управления на протяжении последних десятилетий характеризуется постоянным внедрением новшеств, направленных на повышение эффективности управления территориями. В частности, с 2007 г. началось активное распространение принципов бюджетирования, ориентированного на результат (БОР), что явилось кардинальным преобразованием по сравнению с существующими принципами финансирования бюджетных расходов. В развитии принципов БОР получил распространение программно-целевой подход в управлении, в результате чего были осуществлены новые преобразования:

- переход на программно-

целевой бюджет;

- повсеместная разработка долгосрочных и ведомственных программ;
- переход от сметного финансирования государственных и муниципальных учреждений на нормативно-подушевое и т.д.

В последние годы в качестве приоритетного начал внедряться проектный подход, повлекший за собой новые изменения:

- создание проектных офисов в регионах;
- разработка системы взаимодействия государственных органов и учреждений в рамках реализации проекта и т.д.

Любой из названных подходов может оцениваться как эффективный при соблюдении требуемых условий и следо-

вании инструкциям по его выполнению. Однако в российской практике применение той или иной модели управления наталкивается на одни и те же проблемы, возникающие в процессе ее построения и реализации. Проблемы эти в значительной степени обусловлены формальным подходом к исполнению запланированных программ и проектов. Причем, если на федеральном уровне еще можно рас-

считывать на корректность формулировок и заинтересованность в результате, то на региональном и местном интерес к внедрению новшеств отсутствует.

На рисунке 1 приведено сравнение целей и ожидаемых результатов реализации указанных подходов с полученными на практике итогами.

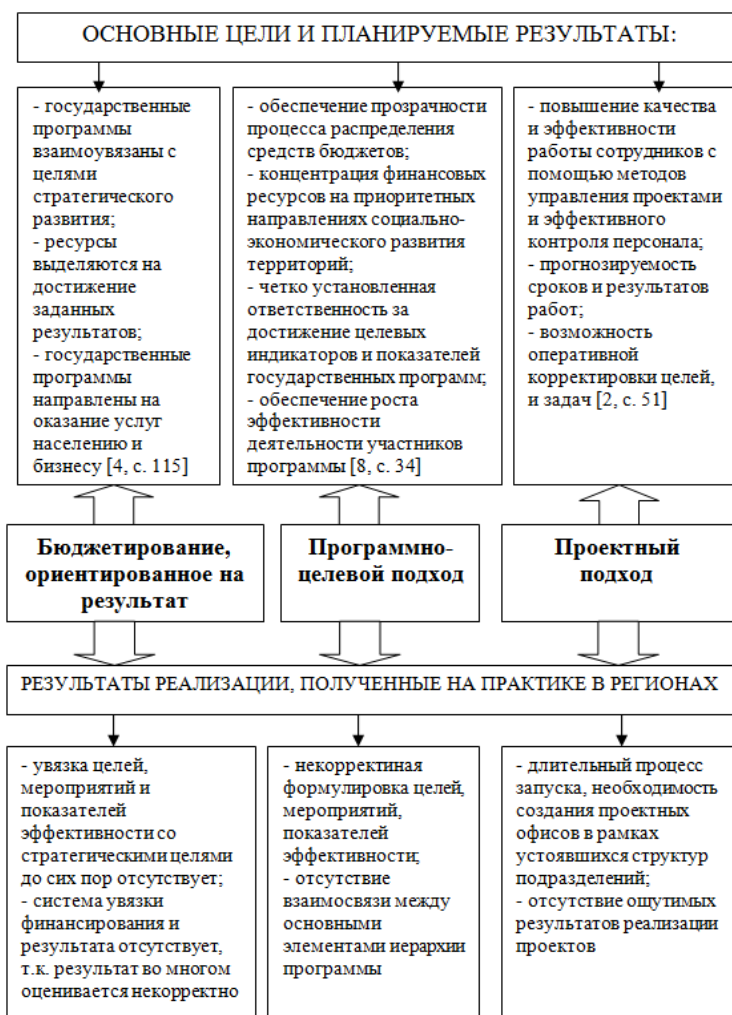

Рисунок 1 – Сравнительный анализ целей, ожидаемых и полученных результатов реализации подходов к государственному управлению

Анализ показывает, что в большинстве случаев запланированные изме-

нения реализуются формально лишь до точки контроля промежуточного резуль-

тата, а не достижения итоговой цели.

Имеющиеся научные работы в области внедрения БОР, программно-целевого подхода и проектного управления в социальную сферу и в частности в систему образования не прописывают конкретных механизмов реализации управления в данной сфере. Большинство источников сводят исследования к понятийному аппарату и описанию общей концепции [см., напр., 5, 9 и др.].

В рамках данной статьи исследуется практика реализации современных подходов к государственному управлению на примере общего образования Рязанского региона с целью выявления проблем, препятствующих повышению эффективности государственного управления за счет внедряемых новшеств.

Целью статьи является представление результатов исследования и разработка механизма развития сферы общего образования на основе принци-

пов иерархии. Научная новизна исследования заключается в разработке иерархии целей, задач, мероприятий и показателей для сферы общего образования, позволяющей увязать между собой ответственные подразделения и учреждения и выявить проблемы, препятствующие эффективному функционированию отрасли.

Структура статьи включает в себя методику анализа, описание полученных результатов для сферы общего образования, а также описание механизма развития общего образования на основе принципа иерархии.

Методика анализа

Методика исследования построена на сравнении принципов, целей и ожидаемых результатов внедряемого подхода с практической реализацией на примере выбранного региона. Основной алгоритм анализа представлен на рисунке 2.

Рисунок 2 – Алгоритм анализа эффективности государственного управления и наличия в нем формального подхода

Традиционно начальным этапом любого исследования является выбор сферы для анализа. Далее обобщается вся нормативно-правовая база, принятая в рамках развития выбранной сферы в последние годы. Основным документом здесь, прежде всего, является Стратегия развития региона. Далее направления, обозначенные в Стратегии, раскрываются в государственных программах и проектах, программах развития смежных отраслей и сфер. Кроме того, уровень развития ключевых отраслей и сфер является объектом оценки эффективности деятельности губернаторов и исполнительных органов власти. Все имеющиеся документы анализируются на предмет единообразия целей, задач и мероприятий в рамках развития сферы. Помимо этого исследуются показатели эффективности, предлагаемые для мониторинга результатов развития отрасли, а также существующая методика оценки эффективности. Итогом анализа являются выявленные проблемы и противоречия, препятствующие развитию отрасли.

Результаты исследования

В рамках статьи проведен анализ комплекса документов на примере сферы общего образования Рязанской области. Превалирующее значение данной отрасли социальной сферы определено Стратегией социально-экономического развития Рязанской области до 2030 года в рамках направления «развитие человеческого капитала». Основной целью, заявленной в данном направлении, является «создание условий для развития человеческого капитала и самореализации личности, обеспечение социальной поддержки» [7]. Обозначенная цель предполагает реализацию достаточно широкого спектра задач, в значительной степени направленных на модернизацию системы и технологий обучения, материально-технической базы учреждений, активное использование цифровых технологий в

процессе образования. Кроме того, отдельные задачи поставлены в отношении поддержки и развития системы работы с одаренными детьми, а также выравнивания результатов обучения в различных школах.

Все поставленные задачи должны трансформироваться в государственные программы региона. В Рязанской области принята и уже долгое время реализуется Государственная программа Рязанской области «Развитие образования и молодежной политики», в рамках которой выделена Подпрограмма 1 «Развитие общего образования».

Целью данной подпрограммы является создание в системе общего образования равных возможностей для современного качественного образования и позитивной социализации детей.

В таблице 1 приведены задачи подпрограммы в отношении общего образования, основные мероприятия и показатели. Анализ задач развития общего образования свидетельствует о достаточно широком взгляде на проблемы развития сферы. Формирование образовательной сети, модернизация содержания образования – все это актуально и своевременно для рассматриваемой отрасли. Однако в сравнении со спектром задач Стратегии региона приведенную в таблице 1 совокупность можно отнести лишь к отдельным стратегическим направлениям развития области. Большинство же стратегических задач остались незатронутыми.

Мероприятия государственной программы, с помощью которых планируется достичь заявленных целей и задач, также вызывают сомнения. В частности, реализация первой задачи обеспечивается за счет проведения трех мероприятий, в значительной степени сведенных к выполнению ремонтных работ.

Таблица 1 – Анализ задач, мероприятий и показателей развития общего образования в соответствии с подпрограммой «Развитие общего образования» Рязанской области

Задачи	Мероприятия	Показатели
Формирование образовательной сети и финансово-экономических механизмов, обеспечивающих равный доступ населения к услугам общего образования	Предоставление субсидий бюджетам муниципальных образований (МО) на проведение ремонтных работ	Количество школ, осуществивших ремонтные работы к началу учебного года
	Предоставление субсидий бюджетам МО на создание в музеях военно-патриотического профиля экспозиций, посвященных 75-летию Победы	Количество музеев военно-патриотического профиля
	Благоустройство зданий образовательных организаций в целях соблюдения требований к воздухо-тепловому режиму, водоснабжению и канализации	Количество зданий, в которых выполнены мероприятия по благоустройству
Модернизация содержания образования и образовательной среды для обеспечения готовности выпускников общеобразовательных организаций к дальнейшему обучению и деятельности в высокотехнологичной экономике	субсидии на разработку учебно-методических материалов, на мониторинг учебных результатов в школах с низкими результатами обучения и функционирующих в неблагоприятных социальных условиях	Доля муниципальных систем общего образования, в которых разработаны и реализуются мероприятия по повышению качества образования в школах с низкими результатами обучения и функционирующих в неблагоприятных социальных условиях
	предоставление субсидий бюджетам МО на закупку транспортных средств для перевозки детей	
	субсидии на развитие математического образования в общеобразовательных организациях	Доля общеобразовательных организаций, осуществляющих углубленное изучение математики
	функционирование и развитие АИС «Электронная школа», «Электронное образование»	Доля общеобразовательных организаций, включенных в единое информационное пространство
	приобретение металлоискателей и организация видеонаблюдения на ЕГЭ; приобретение техники подавления сигналов подвижной связи для ЕГЭ	Доля школ, оборудованных металлоискателями
	развитие национально-региональной системы независимой оценки качества общего образования	
Реализация регионального проекта «Современная школа (Рязанская область)», направленного на достижение результатов реализации федерального проекта «Современная школа»	Создание материально технической базы для реализации основных и дополнительных образовательных программ цифрового и гуманитарного профилей	Доля общеобразовательных организаций, отвечающих современным требованиям Доля обучающихся, охваченных основными и дополнительными программами цифрового, естественнонаучного и гуманитарного профилей

Модернизация содержания образования также связана в основном с закупками программного обеспечения, разработкой методических материалов.

Спектр показателей результативности традиционно ограничен индикаторами непосредственного результата, что приводит к игнорированию результатов ре-

лизации задач и цели подпрограммы.

Анализ приведенных мероприятий и показателей позволяет отнести их в большей степени к текущему обеспечению функционирования сферы, а не к ее развитию, что опять же вступает в противоречие со стратегическими ориентирами в области общего образования.

Помимо программ и проектов широко используемым механизмом государственного и в частности стратегического управления стали Дорожные карты, представляющие собой документ, содержащий план мероприятий по развитию того или иного направления. Осуществляемый автором уже несколько лет анализ Плана мероприятий («дорожной карты») по содействию развитию конку-

ренции в Рязанской области также свидетельствует о том, что рынок услуг общего образования является одним из объектов развития конкуренции. Соответственно, по этому рынку ежегодно собираются данные мониторинга удовлетворенности населения услугами, и разрабатывается план мероприятий по переводу рынка на конкурентные принципы. Однако, если рассмотреть Дорожную карту Рязанской области, объектом которой этот рынок является уже 2 года, можно отметить, что среди запланированных мероприятий содержится лишь предоставление субсидий местным бюджетам на возмещение затрат частным школам, проведение обучающих семинаров и консультаций (таблица 2).

Таблица 2 – Мероприятия «Дорожной карты» по содействию развитию конкуренции на рынках Рязанской области в части общего образования

Цель мероприятий	Наименование мероприятия	Информация о выполнении мероприятия	
		2019 г.	2020 г.
Создание условий для развития конкуренции на рынке услуг по общему образованию. Развитие сектора частных образовательных организаций в сфере общего образования	Предоставление субвенций бюджетам МО на финансовое обеспечение получения образования в частных общеобразовательных организациях	Субвенции на заработную плату сотрудников, закупку учебных материалов и игрушек в частных общеобразовательных организациях Рязанской области, выделяемые бюджетам муниципальных образований, на территории которых расположены частные общеобразовательные организации, (г. Касимов и Рязань) составили: 2019 г. – 22 694,1 тыс. руб. 2020 г. – 27 817,3 тыс. руб.	
	Проведение региональных педагогических мероприятий с участием частных образовательных организаций, реализующих программы по общему образованию	В течение года директора частных общеобразовательных организаций принимали участие в региональных форумах, круглых столах и т.д.	
	Методическая, консультационная, юридическая и информационная поддержка частных образовательных организаций	Методическая и консультационная поддержка по вопросам расходования средств субсидий, предоставления сведений в рамках проводимых мониторингов, реализации ФГОС общего образования оказывалась в течение года	

Показатели результативности по Дорожной карте также сведены к количественным индикаторам непосредственных результатов (доля обучающихся в частных образовательных организациях в общем числе обучающихся, количество частных организаций общего обра-

зования). Ежегодные отчеты включают описание объемов выделенных средств и проведенных мероприятий.

Значительный период функционирования этой сферы в условиях государственного задания и высокая степень регулирования всех процессов со сторо-

ны государства не позволяют быстро перевести работу учреждений на конкурентные принципы. Необходима модель функционирования каждого рынка и переходный период для каждого этапа преобразований. Одна из таких моделей уже была описана нами в [3, с. 104]. На данный момент приходится констатировать, что в условиях отсутствия четкой модели построения рынка все мероприятия носят формальный характер, и работа в этом направлении принимает лишь форму подготовки ежегодных отчетов, т.к. это требуется федеральными органами власти.

Учитывая, что ни Стратегия социально-экономического развития Рязанской области, ни государственная программа не содержат тезисов о развитии конкуренции в общем образовании, очевидным становится факт противоречия между указанными документами и Дорожной картой по развитию конкуренции.

Отдельным вопросом в рамках анализа является исследование показателей результативности и эффективности реализуемых целей и мероприятий в выбранной сфере. Среди большого объема используемых в различных документах показателей так и не сформировано четкой системы оценки эффективности. Большинство показателей можно отнести к индикаторам непосредственного результата, напрямую не отражающим конечный желаемый эффект. Одним из показателей эффективности функционирования выбранной сферы является уровень образования, при расчете которого используются следующие индикаторы [6]:

- доля населения в возрасте 15-19 лет, охваченного образованием;
- доля рабочей силы в возрасте 22 лет и старше, имеющей среднее профессиональное и высшее образование, в общей численности рабочей силы соответствующего возраста в субъекте РФ;

- удельный вес численности обучающихся по основным образовательным программам, участвующих в олимпиадах и конкурсах различного уровня, в общей численности обучающихся по основным образовательным программам.

К системе общего образования в большей степени относится последний индикатор. В рамках Стратегии Рязанской области упоминание данного направления содержится в задачах. Однако среди индикаторов государственных программ подобных показателей не встречается.

Все приведенные примеры подтверждают факт использования формального подхода при реализации государственных программ и проектов. Отсутствие ориентации на реальный результат приводит к появлению формулировок показателей, отражающих лишь непосредственные результаты и никак не связанных с реальной стратегической целью развития сферы. Итогом такой работы становится мероприятие ради мероприятия, осуществление процессов, которые на самом деле не несут никакого существенного результата.

Несмотря на полученные формальные результаты, реальное состояние объекта либо не изменяется, либо ухудшается. Для анализируемой сферы образования объективная ситуация измеряется несколькими показателями:

- Результатами ЕГЭ как итоговой оценки качества подготовки;
- Результатами олимпиад как оценки выявления и наличия талантливой молодежи;
- Долей выпускников школ, способных продолжить обучение в вузе (или доля отчисленных студентов по итогам первого курса).

По первому показателю в Рязанской области тенденции могут оцениваться скорее как негативные (табл. 3).

Таблица 3 – Показатели реального результата функционирования сферы общего образования в 2017-2020 гг.

Учебный год	Доля выпускников школ, не набравших минимальный балл по ЕГЭ		Количество обучающихся в системе общего образования, тыс. чел.	Количество участников регионального этапа олимпиады школьников, чел.	Доля участников регионального этапа олимпиады в общем количестве учащихся, %
	Математика профильная	Русский язык			
2017/2018	5,4%	0,02%	106	610	0,58
2018/2019	0,6%	0,02%	108	559	0,52
2019/2020	7,4%	0,2%	111	645	0,58

В частности, доля выпускников, не набравших минимальный балл с 2018 г. по 2020 г. выросла. Доля участников олимпиад (например, регионального этапа) на протяжении 2017-2020 гг. также практически не менялась, несмотря на заявленные направления по выявлению и стимулированию талантливой молодежи в рамках Стратегии региона и государственных программах.

Все сказанное позволяет определить круг проблем, препятствующих развитию сферы общего образования в Рязанской области:

- 1) отсутствие единого и системного подхода к определению направлений развития отрасли;
- 2) превалирование формального подхода к реализации программ, проектов и мероприятий, что не позволяет получить реальные результаты в развитии отрасли;

- 3) отсутствие адекватной целям развития системы оценки эффективности функционирования сферы.

Решение выделенных проблем должно осуществляться за счет построения единой системы направлений развития выбранной сферы и оценки ее эффективности. Данные условия укладываются в принципы проектного управления и программно-целевого подхода, однако в практике управления регионами, в том числе в Рязанской области, до сих пор не применяются. Наиболее простым и наглядным способом представления такой системы является использование принципа иерархии, применяемого как к направлениям и целям развития сферы, так и к показателям результатов. В общем виде такая система может быть представлена на рисунке 3.

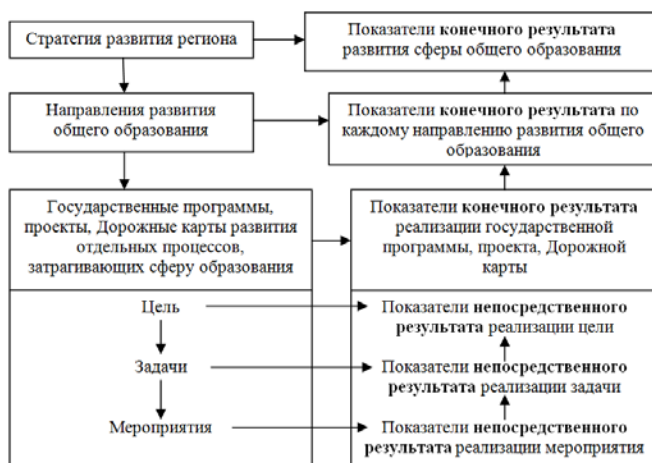

Рисунок 3 – Система взаимосвязи направлений и показателей развития общего образования региона

Приведенная система взаимоувязывает целевые ориентиры и показатели на каждом этапе функционирования сферы общего образования. Каждое мероприятие, задача и цель отдельного документа должны оцениваться показателями, вписанными в общую систему. При этом используется два вида показателей:

показатели непосредственного результата и показатели конечного результата. Все показатели непосредственного результата низших уровней обуславливают получение величины показателя конечного результата (высший уровень иерархии).

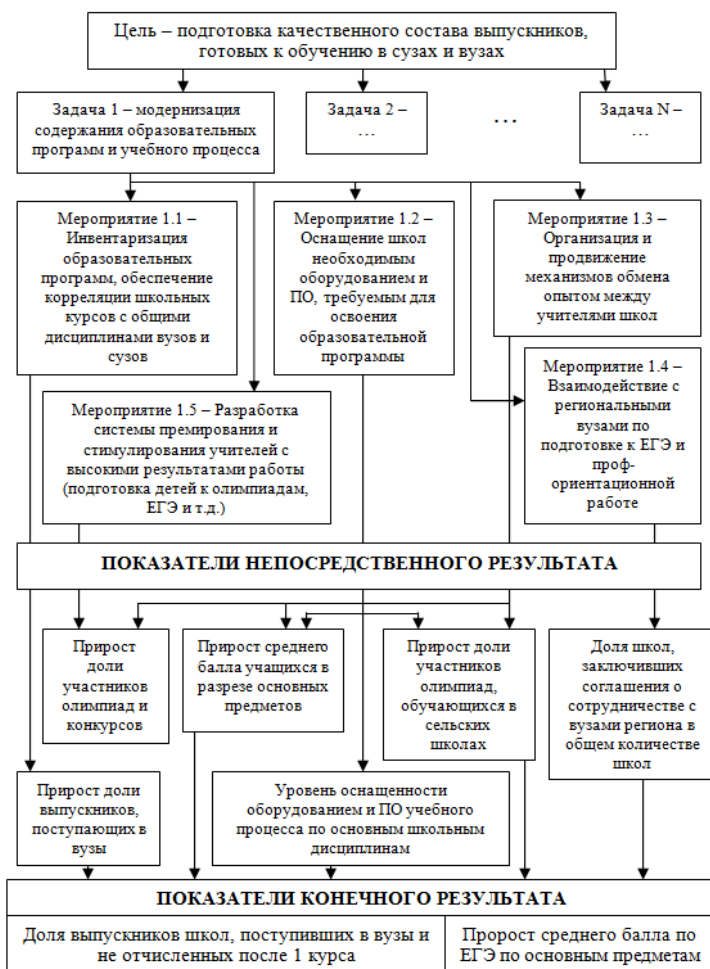

Рисунок 4 – Иерархия целей, задач, мероприятий и показателей для развития общего образования Рязанской области

Пример указанной системы для сферы общего образования Рязанской области в рамках одного из направлений развития представлен на рисунке 4. Целью региона в области общего образова-

ния является подготовка качественного контингента выпускников, способных, получив соответствующее высшее или среднее образование, составить основу развития экономики страны. Такая фор-

мулировка цели позволяет определить конечный результат развития системы образования, поэтому именно ее следует указывать в региональной программе. Существующие тезисы о равных возможностях качественного образования и социализации представляются инструментами реализации сформулированной выше цели.

Реализация заявленной цели потребует формирования определенного перечня задач. В условиях ограниченного объема статьи на рисунке для примера показана иерархия только для одной задачи. Реализация сформулированной задачи осуществляется посредством пяти мероприятий, к каждому из которых подобран показатель непосредственного результата. Выполнение цели характеризуется показателями конечного результата.

Приведенная на рисунке иерархия является атрибутом механизма, который может быть построен для управления и развития сферы общего образования. Для эффективного выполнения поставленной цели каждое мероприятие

должно быть закреплено за подразделением органа исполнительной власти или учреждением. Соответственно показатель – это точка ответственности этого субъекта. Иерархия показателей позволит оценить, на каком уровне существует «узкое место» и провести соответствующие корректировки. Расстановка сроков и определение ответственных лиц за каждый показатель и мероприятие будет способствовать эффективному развитию сферы. Значения показателей конечного результата, не укладываемые в запланированные величины, будут обусловлены нарушениями на нижних уровнях иерархии и легко определяться при анализе. Далее в рамках используемого механизма могут быть разработаны системы стимулирования за достижение определенных значений показателей или корректировки плановых значений при выявлении каких-либо проблем.

Построение предложенного механизма позволит уйти от формального написания отчетов и добиться реальных результатов развития сферы общего образования.

Литература

1. Артемьева С.С., Буянова Е.А. Программно-целевое бюджетирование в субъектах Российской Федерации // Электронный научный журнал «Вектор экономики». 2020. № 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2020/3/financeandcredit/Artemyeva_Buyanova.pdf (дата обращения: 15.02.2021).
2. Васильев А.И., Прокофьев С.Е. Организация проектного управления в органах государственной власти // Управленческие науки. 2016. № 4. С. 44-52.
3. Горбова О.Ю. Развитие конкуренции на региональных рынках медицинских услуг // Вестник волгоградского государственного университета. Экономика. 2019. Том 21. № 3. С. 97-106.
4. Жолаева М.А. Бюджетирование, ориентированное на результат // Вестник университета ТУРАН. 2018. № 4(80). С. 113-119.
5. Никитина Е.Н. Организация финансирования муниципальной образовательной системы на основе бюджетирования, ориентированного на результат: дис. ...канд.экон.наук. М. 2009. 189 с.
6. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Рязанской области до 2030 года, утв. Постановлением правительства Рязанской области от 25 декабря 2018 года N 418 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/550304077> (дата обращения: 18.02.2021).
7. Об утверждении методик расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации, утв. Постановлением правительства Российской Федерации от 17 июля 2019 года N 915 [Электронный ре-

- курс]. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201907260023> (дата обращения: 21.02.2021).
8. Савельева Ю.В., Савельева М.Ю. Концепция программного бюджетирования: проблемы и перспективы внедрения // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2014. No. 11 (71). С. 33-45.
 9. Шедько Ю.Н. Программно-целевое управление в контексте пространственного стратегирования // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ» Том 7. № 2 (2015) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/26EVN215.pdf>. DOI: 10.15862/26EVN215 (дата обращения: 20.05.2021).

УДК 658.8.012, 658.81

**Инструменты, применяемые в информационных технологиях
для повышения эффективности стратегического планирования
организации**

М.Д. Джамалдинова, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика»,
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза,
летчика-космонавта А.А. Леонова», г. Королев, Московская область

Данная исследовательская работа посвящена изучению двух основных направлений: исследование практики и эффективности стратегического планирования информационных систем как функции стратегического управления в организациях, а также изучение результатов, которые выделили шесть измерений, обеспечивающих структурированный подход к рассмотрению процесса стратегического планирования информационных систем в организации, выступающих современными инструментами, применяемыми в информационных технологиях.

Информационное обеспечение, стратегическое планирование информационных систем, стратегическое планирование, стратегическое управление информационных технологий, корпоративное планирование, инструменты информационных технологий, информационные инструменты управления.

**Tools used in information technology to improve the effectiveness
of the organization's strategic planning**

M.D. Dzhamalidinova, Candidate of Economic sciences,
associate professor of Chair Economics,
State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow Region
«Technological University named after twice Hero of the Soviet Union,
pilot-cosmonaut A.A. Leonov», Korolev, Moscow region

This research paper is devoted to the study of two main areas: the study of the practice and effectiveness of strategic planning of information systems (SPIS) as a function of strategic management in organizations, as well as the study of the results, which identified six dimensions that provide a structured approach to the consideration of the process of strategic planning of information systems in the organization, acting as modern tools used in information technology.

Information support, strategic planning of information systems (SPIS), strategic planning, strategic management of information technologies, corporate planning, information technology tools, information management tools.

Стратегическое планирование в области информационных технологий все чаще рассматривается как ключевой компонент корпоративного планирования и важнейшая область для эффективного управления ИТ. Соответственно, это стало проблемой как для ученых, так и для практиков [3]. В силу огромных информационных потоков, с которыми работают современные предприятия, невозможно обойтись без информационных инструментов управления: специальных устройств, программ, алгоритмов и методик по её сбору, обработке, анализу, хранению и распространению в целях

достижения полезного эффекта при «воздействии» на информацию необходимую для топ-менеджмента.

Для практиков главной заботой является обеспечение того, чтобы инструменты, применяемые в информационных технологиях, позитивно и эффективно поддерживали, и поддерживалась корпоративными стратегическими целями, поэтому информационные технологии обеспечивают необходимые возможности для обеспечения ценности бизнеса. Это отражается в том, что ИТ-стратегия определяется как главная проблема для

организаций и как критический фактор успеха.

Рассматривая классификацию информационных инструментов по при-

знаку «функционально-целевой охват управления» выделяют три вида, приведенные на рисунке 1.

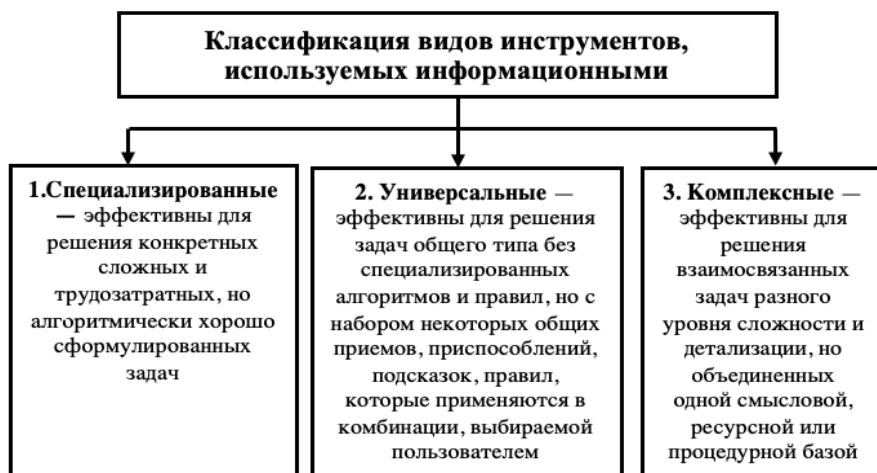

Рисунок 1 – Классификация информационных инструментов по признаку «функционально-целевой охват управления»

Преимущество достижения стратегической пригодности заключается в том, что инструменты, применяемые в информационных технологиях, должны гарантировать, что информационные технологии способны помочь в повышении ценности продуктов и/или услуг, что, в свою очередь, способствует повышению конкурентоспособности и эффективности управления за счет контроля затрат и более точной отчетности.

Аналогичным образом, в академическом контексте предшествующие исследования стратегического планирования информационные технологии поддерживают необходимость обеспечения соответствия между информационными технологиями и бизнес-стратегией, а также разграничения ключевых ИТ-возможностей, будущих ИТ-требований и оперативного ИТ-ресурсного обеспечения (люди и активы) для удовлетворения бизнес-потребностей [4].

В данной работе была продемонстрирована необходимость сосредото-

читься на организационных целях, чтобы обеспечить поддержку отдельных стратегических процессов на базе применения инструментов, применяемых в информационных технологиях. Как правило, это достигается путем достижения общего понимания между информационными технологиями и бизнес-руководством, и соединения бизнеса и ИТ-планирования [2].

Связанные с этим исследования показали необходимость планирования для выработки стратегий, которые могут быть динамичными, общими и изменяющимися в соответствии с меняющейся архитектурой бизнеса, причем современная среда порой нуждается в инновационных стратегиях для обеспечения долгосрочного роста и стратегической гибкости [1]. Хотя это свидетельствует о консенсусе между практиками и учеными относительно желаемых результатов стратегического планирования ИТ, что не так ясно, так это ключевые показатели эффективного процесса стратегического

планирования информационных систем (SPIS).

Следует отметить, что такие показатели, как рентабельность инвестиций, могут быть показательными, доказательства эффективных результатов трудно экстраполировать из множества связанных с ними бизнес-инициатив. Поэтому первой целью данного исследования было изучение практики и эффективности осуществления стратегического планирования информационных систем (SPIS) как функции стратегического управления в крупных организациях. Используя глубинные интервью с ключевыми заинтересованными сторонами, включая ИТ-директоров и/или тех, кто несет организационную ответственность за принятие таких решений, были продемонстрированы, что организации действительно видят ценность SPIS, о чем свидетельствует его хорошо зарекомендовавшее себя использование, причем результаты SPIS управляются как корпоративная, а не ИТ-функция.

Но оценка процесса, посредством которого SPIS, выступающий комплексом инструментов, применяемых в информационных технологиях, учреждается, менее четко определена. Следовательно, необходимо было в этом исследовании рассмотреть данные результаты через теоретическую призму, установленную ученым и исследователем А. Сегарсом относительно структурированного подхода к обзору стратегического планирования информационных систем (SPIS) [6].

Обобщая шесть измерений, а именно полноту, формализацию, фокус, поток, участие и последовательность, следует отметить, что это линза обеспечила «прочную основу для структурирования диалога» относительно процесса SPIS [6]. Такое исследование позволило более абстрактно оценить якобы успешную практику следующих инструментов, применяемых в информационных технологиях – стратегическое планирование

информационных систем (SPIS). Результаты выявили новые идеи в тех областях, где организации могли бы улучшить свои процессы стратегического планирования информационных систем (SPIS); и в равной степени выявилась необходимость расширить понимание двух измерений, чтобы отразить эволюционирующую роль инструментов ИТ в организациях.

В данной статье очерчен обзор исследовательского подхода и процессов сбора и анализа данных, а затем представлены результаты и обсуждение. Стратегическое управление информационными технологиями – это одна из самых сложных и критичных задач для эффективности современной организации. Определяя информационные технологии – это возможности и интеграция между бизнесом и ИТ-функциональностью. ИТ-компания стремится достичь лучших бизнес-результатов за счет повышения ИТ-производительности [2].

Несмотря на доказательства того, что предприятия с эффективным стратегическим управлением информационных технологий имеют на 20% более высокую прибыль, а успех связан с эффективным распределением ИТ-ресурсов, некоторые организации еще не убедились в необходимости этого.

Данный плохой послужной список инвестиций в инструменты, применяемые в информационных технологиях, обнаруживается и в опросах, которые последовательно показывают, что «от 20 до 70% крупномасштабных инвестиций в ИТ-изменения тратятся впустую, оспариваются или не приносят прибыли предприятию» [2].

Аналогичным образом, компания *Standish Group* обнаружила, что – показатель успеха ИТ-проектов на сумму более 10 миллионов долларов составляет 2%, при этом с 1994 года не наблюдается заметного

- улучшения показателей неудач ИТ-проектов;
- опрос Fortune 1000 показал, что ИТ-директора считают, что 40% всех ИТ-расходов не приносят никакой отдачи [4];
 - опрос ITGI (*Interconnector Turkey – Greece – Italy*) среди генеральных директоров показал, что 75% считают, что существуют барьеры, препятствующие полной отдаче от инвестиций в ИТ [5].

Учитывая это, неудивительно, что недавнее исследование управления информационными технологиями для планирования корпоративных ресурсов (ERP) показало, что только около 66% организаций используют стратегическое понимание для обоснования своих решений об ERP-системах [4].

Тем не менее, как подчеркивал ученый Кинг, важность более продуманного подхода к стратегическому управлению информационными технологиями хорошо известна; дискуссия была расширена исследователями, включая Галье, и более формально закреплена в качестве концепции Ледерером и Сетхи [2]. Здесь ученый Гальерс предвидел стратегическое управление ИТ как имеющее:

- 1) стратегию, компрометирующую подержание сравнительного стратегического преимущества; структуру централизованно координируемых коалиций;
- 2) межорганизационные системы с продуктами на основе информационных систем (ИС) и интеграцию внешних/внутренних данных;
- 3) ИТ влияние на уровне Совета директоров;
- 4) ИТ функционирование персонала как бизнес-команды;
- 5) ИТ понимание высшего руководства и его потенциала;
- 6) и интерактивное планирование.

Далее он, как и исследователи Маккерси и Уолтон, подчеркивал, что стратегия информационной системы

должна включать в себя управление изменениями, а также оценку и анализ. Информационные инструменты управления SPIS, с его заботой об интеграции инвестиций и управления информационным бизнесом с организационной стратегией, был особенно оценен исследователями в 1990-х годах.

Ранние проблемы со стратегическим планированием информационных систем (SPIS) были связаны с отсутствием приверженности руководства и отсутствием механизмов контроля, обеспечивающих выполнение планов. Точно так же Премкумар и Кинг ещё в 1992 году показали, что существуют существенные взаимосвязи между двумя показателями эффективности: эффективностью планирования и вкладом информационной системы в эффективность организации и «соответствием» между ролью информационной системы и качеством процесса планирования.

Позднее, в 1996 году Ледерер и Сетхи определили, что Информационные инструменты управления SPIS играет значительную роль в обеспечении эффективного вклада в организацию: проблема заключалась в том, что у участников были проблемы с процессом, особенно с определением приоритетов там, где стратегическое планирование информационных систем (SPIS) приносило пользу их организации; и проблемы с управлением временем, которые включали в себя балансирование непосредственности требований к действиям с необходимостью всестороннего анализа возможностей.

По мере того, как стратегическое планирование информационных систем (SPIS) эволюционировало от сосредоточения внимания на внутренних процессах к более стратегической роли, он стал использоваться как «процесс определения целей организационных вычислений и выявления потенциальных компьютерных приложений» [3], которые «помогают организации в выполнении ее бизнес-

планов и реализации ее бизнес-целей» [4]. Как давно установленный процесс планирования информационными технологиями, SPIS определяется как:

- 1) поддержка и влияние на стратегическое направление фирмы посредством выявления компьютерных информационных систем, добавляющих ценность,
- 2) интеграция и координация различных организационных технологий посредством разработки целостных информационных архитектур,
- 3) разработка общих стратегий для успешной реализации систем [3].

Его основы лежат в выводах, которые включают в себя необходимость того, чтобы информационные технологии были:

- концептуально оценены;
- стратегически согласованы с бизнес-целями [3], а не с отдельными приложениями;
- управляемы сверху вниз;
- стимулируют бизнес/ИТ-инициативы [5];
- и/или содействуют конкурентному преимуществу [6].

Данное состояние достигается за счет развития архитектуры (в первую очередь организационной), облегчающей обмен данными и интеграцию технологий [4].

Соответственно, поскольку SPIS требует, чтобы организации определяли свои бизнес-цели и планы, а затем определяли ИТ-стратегии, оптимизирующие достижение бизнес-целей, она шире и более корпоративно подотчетна, чем другие формы планирования информационной системы [4].

Контекстуально характеристики, определяющие стратегического планирование информационных систем (SPIS), включают:

- 1) масштаб (который является широким);

- 2) перспективу (которая позиционирует планирование на самых высоких организационных уровнях);
- 3) временные рамки (которые являются более длительными, поскольку инициативы часто связаны со значительными организационными изменениями);
- 4) уровень абстракции (поскольку SPIS относится скорее к концептуальному планированию, чем к практическим инициативам).

Поэтому информационные инструменты управления SPIS предполагает формализацию:

- лучшие стратегические подходы к бизнес-планированию/ИТ-планированию для конкретной организации;
- стратегический план реализации;
- как отстаивать этот процесс;
- размер обязательств в отношении людских, финансовых и других ресурсов;
- процессы обзора.

Учитывая важность, придаваемую информационным инструментам управления SPIS в обеспечении стратегической функции информационным технологиям в организации, вторая цель данного исследования заключалась в рассмотрении эффективности процесса SPIS.

Таким образом, опираясь на широкий объем исследований 1980-х и 1990-х годов, А. Сегарс (*Segars*) выделил шесть аспектов [6]: всесторонность; формализация; фокус; поток; участие; последовательность, которые обеспечили структурированный подход к рассмотрению процесса SPIS (см. таблицу 1).

Учитывая растущую сложность ИТ, экспоненциальный рост инвестиций в ИТ и постоянно меняющийся вклад, который ИТ может/действительно вносит в эффективность организации, интересно, что константа в такой динамичной среде было стратегическое планирование

информационных систем (SPIS). Таким образом, существует своевременная актуальность для нового исследования, подобного данному, того, как используется SPIS и факторы его успеха.

Данное исследование включало тщательно спланированные структурированные глубинные интервью с ИТ-директорами и/или теми, кто несет ответственность за принятие таких решений в своей организации. Этот подход позволил систематически собирать богатую описательную информацию для понимания принятых организационных подходов [5].

Результаты интервью показали общее согласие с тем, что стратегическое планирование информационных систем (SPIS) является ценным инструментом стратегического планирования и инвестиций в ИТ. С точки зрения основных преимуществ, на первое место вышло усиление конкурентных позиций организации (79,3%), за которым следует качество решений, вытекающих из процесса (72,4%). Наименее ощутимой пользой была необходимость сделать это, чтобы выжить (41,4%).

Таблица 1 – Шесть измерений процесса стратегического планирования информационных систем (SPIS) (составлено на основе источников: [2; 5; 6])

№ п/п	Измерение	Характеристики и значение измерения
1	Всесторонность/ полнота охвата	это касается той степени, в которой организация пытается быть исчерпывающей или инклюзивной в принятии и интеграции стратегических решений как экстенсивности поиска решений, которые должны быть сбалансированы с затратами времени и финансовыми ресурсами
2	Формализация	это относится к существованию структур, методов, письменных процедур и политики, которые направляют процесс планирования [6]. Повышение эффективности за счет сбора, хранения и использования информации в строго структурированном виде способствует рассмотрению более широкого круга стратегических вопросов.
3	Фокус	это проявляется в балансе между креативностью и ориентациями на контроль, присущими системе стратегического планирования организации [6]. Эти ориентации обычно представляют собой либо инновационные подходы к возможностям и угрозам, либо интегративные подходы, связанные с контролем, реализуемые через бюджеты, распределение ресурсов и управление активами.
4	Поток	это относится к концентрации полномочий и передачи ответственности. Например, используется ли подход «сверху-вниз» или «снизу-вверх».
5	Участие	это проявляется в том, в какой степени задействованы многочисленные функциональные области и ключевые сотрудники на более низких уровнях организации, а также в степени латеральной коммуникации в этом процессе.
6	Последовательность	это определяется частотой планирования мероприятий и оценки эффективности. Высокий уровень согласованности характеризуется частыми встречами, постоянными коммуникациями и переоценками общей стратегии, которые ценны в динамичной организационной среде.

Результаты проведенного исследования показывают, что понимание, формализация, фокус, поток, участие и последовательность были концептуально

релевантными измерениями, с помощью которых можно было оценить достоинства инструментов, применяемых в информационных технологиях – SPIS в том

виде, в каком он практикуется в современных организациях. Здесь фокус был скорее интегративным, чем инновационным, несмотря на то, что информационные технологии и SPIS рассматривались как источник конкурентного преимущества. А. Сегарс (*Segars*) рассматривал этот фокус с точки зрения полноты и акцента на креативность [6].

В данном исследовании отсутствие инновационной ориентации может быть объяснено акцентом на привлечении высшего руководства за счет более широкого организационного сообщества, при этом результаты оцениваются с точки зрения рентабельности инвестиций. В равной степени отсутствие инновационной компоненты может быть частично связано с неспособностью расширить параметры участия, включив в неё таких людей, как клиенты и поставщики. Эта проблема может быть еще более усугублена отсутствием внешних критериев для формальной оценки SPIS: ISO/IEC 38500:2008 (который касается корпора-

тивного управления информационными технологиями) и аспектов *Cobit* (ITGI, 2008) [5], безусловно, добавляют компонент независимых критериев, которые можно было бы с пользой использовать для укрепления и обновления процесса SPIS.

Таким образом, как механизм планирования инвестиций и их применение в интересах организации, информационные инструменты управления SPIS имеет важное значение в организациях. Учитывая постоянно растущее признание необходимости корпоративного управления информационными технологиями, в котором стратегическая согласованность бизнеса и ИТ-целей играет первостепенную роль, дальнейшее использование информационных инструментов управления SPIS, возможно, не удивительно. Этот подход дал новое понимание того, как организации могли бы улучшить свои процессы стратегического планирования информационных систем (SPIS).

Литература

1. Джамалдинова М.Д., Курдюкова Н.О. Конкурентно-интегрированный бенчмаркинг – как инструмент повышение уровня конкурентоспособности предприятия // Вопросы региональной экономики. № 2 (35). 2018. С. 32-39.
2. Джамалдинова М.Д., Курдюкова Н.О., Вершинин А.А. СТРАТЕГИЯ-2030 как путь развития цифрового общества в современной России // Электронная техника. Серия 1: СВЧ-техника. 2020. № 1 (544). С. 88-93.
3. Джамалдинова М.Д., Курдюкова Н.О., Меньшикова М.А. Directions of Strategic Development of the Information Society in Modern Russia. Направления стратегического развития информационного общества в современной России // Международная научно-практическая конференция «Менеджмент качества, транспортная и информационная безопасность, информационные технологии» IT&MQ&IS-2019. Сочи, 23-27 сентября 2019. С. 54-57.
4. ISO/IEC 38500:2008. Corporate governance of information technology. International Standards Organization [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://20000.standardsdirect.org/> (дата обращения: 16.03.2021).
5. ITGI (Val IT) – 2008. Enterprise value: Governance of IT investments. Getting started with value management. Accessed September 2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.itgi.org (дата обращения: 16.03.2021).
6. SEGARS A.H., Grover V., Teng J.T.C. Strategic information systems planning: Planning system dimensions, internal coalignment, and implications for planning effectiveness. *Decisions Sciences*. 1998. 9(2). P. 303-345.

УДК 338.585

Оценка риска возникновения дополнительных финансовых затрат на примере реализации проектов ракетно-космической отрасли

Е.В. Докукина, кандидат экономических наук, доцент,
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза,
летчика-космонавта А.А. Леонова», г. Королев, Московская область,
Е.В. Парфенова, магистр экономических наук, экономист I категории,
ПАО «РКК «Энергия» имени С.П. Королева»,
ПАО «РКК «Энергия», г.о. Королев, Московская область

В работе исследуется один из возможных методов оценки риска дополнительных финансовых незапланированных затрат в рамках реализации проектов ракетно-космической отрасли, поскольку по различным причинам они не учитывались при определении технико-экономических показателей реализуемого перспективного проекта. Следовательно, предлагаемый метод позволяет на ранних стадиях проведения исследований оценить дополнительные затраты и учесть их влияние на конечные технико-экономические показатели перспективного проекта. Метод строится на основе статистического анализа затрат по этапам жизненного цикла и по проекту в целом. По итогам исследования сделан вывод о том, что риск дополнительных финансовых затрат может снизить эффективность проекта в полтора – три раза.

Риски, метод оценки риска, дополнительные затраты, перспективный проект, жизненный цикл, ракетно-космическая промышленность.

Risk assessment of additional financial costs on the example of implementation of projects of the rocket space industry

E.V. Dokukina, associate professor, candidate of economic sciences,
State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow Region
«Technological University named after twice Hero of the Soviet Union,
pilot-cosmonaut A.A. Leonov», Korolev, Moscow region,
E.V. Parfenova, Master of Economics, Economist of first category,
S.P. Korolev rocket and space public corporation Energia,
RSC Energia, Korolev, Moscow region

The paper explores one of the possible methods for assessing the risk of additional unplanned costs for the implementation of a promising project. Under additional means costs that for some reason were not planned when determining the technical and economic indicators of the prospective project being implemented. The proposed method allows for the early stages of research to assess the additional costs and take into account their impact on the final technical and economic indicators of a promising project. The method is based on a statistical analysis of costs for the stages of the life cycle and for the project as a whole. The study concluded that the risk of additional costs may reduce the effectiveness of the project in one and a half to three times.

Risks, risk assessment method, additional costs, prospective project, life cycle, rocket space industry.

Актуальность темы исследования. Реализация отечественной государственной космической программы зависит от многих факторов, где ключевым краеугольным камнем является не только изменение затрат, но и вопрос корректировки экономической оценки проектов ракетно-космической промышленности на всех стадиях их разработки и производства при условии сохранения и развития потенциала отрасли. Более

того, решение обозначенных вопросов требует изменения подходов в области ценообразования и прогнозирования стоимости перспективных проектов [4].

При проектировании и создании единичных высокотехнологичных изделий с длительным сроком изготовления в ракетно-космической промышленности (далее – РКП) возникает два значимых фактора риска, которые касаются оценки будущей стоимости изделия:

- во-первых, на ранних этапах проекта существует высокая степень неопределённости относительно состава самого изделия и технологий, которые будут в нём применяться, такая неясность остаётся практически до окончания этапа рабочего проектирования;
- во-вторых, с сильной волатильностью макроэкономических и стоимостных показателей комплектующих вследствие длительного цикла проектирования и изготовления космической продукции/услуг.

Стоит отметить, что большое количество космических проектов обладают уникальными характеристиками, которые на практике влияют на корректировку исходных данных, что влечет существенное увеличение стоимости проекта, так как существует зависимость от изменения весомости каждой единицы технических параметров. В дальнейшем это сказывается на эффективности проектов ракетно-космической отрасли, по которым сроки выполнения работ и объёмы финансирования зависят от точности и достоверности таких оценок, которые могут измеряться миллиардами рублей. Недостоверность оценки по затратам на проект делает невозможным его успешную коммерческую реализацию или затрудняет его включение в Федеральную космическую программу, которая должна носить детерминированный и однозначный характер.

Применительно к российским условиям реализации ракетно-космических проектов – существует потребность в разработке методов проведения исследований и расчетов, которые позволят:

а) Осуществить первичную оценку стоимости проекта и риска его реализации уже на этапе его подготовки для включения в федеральные целевые программы (в соответствии с ГОСТ Р 27.202-2012 на этапе «Выработка концепции и установление технических тре-

бований»).

б) Заключать государственные контракты на полный жизненный цикл проекта (в соответствии с ГОСТ Р 27.202-2012) по фиксированной цене с максимально возможным учетом отрицательного влияния факторов риска.

Рассчитать стоимость проекта на ранних этапах его реализации – непростая задача. Регламентируемые современным российским законодательством аналоговый и затратный методы определения стоимости проекта следует считать условно пригодными в современных реалиях. Однако стоит отметить, что уже в 1980-е – 1990-е года в Советском союзе, а после и в США, были развёрнуты работы для поиска альтернативных методов стоимостной оценки проектов в рамках ранних этапов их жизненного цикла. В дальнейшем данные методы стали широко использоваться для анализа проектов НАСА, и их применение на начальных этапах оценки проекта было закреплено в нормативных документах агентства. В СССР использование альтернативных методов также имело место, однако их применение стало невозможным вследствие ряда объективных и субъективных причин [4]. Таким образом, исследования в данном направлении работ остаются актуальными и в настоящее время.

Основные положения метода оценки дополнительных финансовых затрат. В настоящей работе исследуется проблема, связанная с оценкой риска дополнительных незапланированных затрат, при этом учитывающая их влияние на технико-экономическую эффективность исследуемого проекта в течение всего жизненного цикла. Обозначенная ранее проблема рассматривается как составная часть работ по реализации практической функции экономики при исследовании перспективных ракетно-космических проектов и для определения их основных технико-экономических показателей. Основой метода оценки риска дополнительных затрат является

анализ статистических показателей запланированных и фактических затрат с разбивкой по этапам жизненного цикла проекта (далее – ЖЦП), которые в соот-

ветствии с ГОСТ Р 27.202-2012 разбиваются на затраты по трем этапам – разработка, производство и эксплуатация.

Таблица 1 – Статистические данные по затратам на программу в целом и по этапам ЖЦП [1, 2, 7]

Наименование проекта		Затраты, млрд. долл. США					П = C_{00} / C_2 – безразмерный параметр	Относительные дополнительные затраты на проект
		C_1	C_2	C_3	C_{00} (План)	C_{00} (Реализация)		
1	Аполлон	11,3	3,40	3,54	18,19	21,4	5,35	0,15
2	Навстар (max)	1,69	4,19	6,82	12,70	17,88	3,03	0,29
3	Навстар (min)	2,12	5,25	8,54	15,92	17,88	3,03	0,11
4	Спейс Шаттл (программа в целом с учетом инфляции)	2,80	10,80	60,75	74,35	209,00	6,88	4,54
5	Спейс Шаттл (программа в целом без учета инфляции)	2,80	10,80	60,75	32,40	46,00	3,00	0,62
6	Спейс Шаттл (программа разработки без учета инфляции)	2,10	2,81	0,24	5,15	6,74	1,83	0,31
7	Спейс Шаттл (программа разработки с учетом инфляции)	2,10	2,81	0,24	5,15	10,10	1,83	0,96

В соответствии с ГОСТ Р 27.202-2012 *затраты на разработку проекта* – это израсходованные средства по статьям «Выработка концепции и установление технических требований» и «Разработка», в которые включаются издержки на разработку документации и проведение исследований, на создание и отработку экспериментальных образцов и прототипов [3].

Затраты на производство (в соответствии с ГОСТ Р 27.202-2012) – это израсходованные средства по статье «Изготовление», в которые включаются издержки на производство материальной части проекта, в том числе покупные

изделия и комплектующие, а также учитываются расходы на строительство специализированных предприятий, на создание необходимых комплексов, производство специальных средств (например, космических аппаратов) и тому подобное [3].

В соответствии с ГОСТ Р 27.202-2012 *в затратах на эксплуатацию* учитываются израсходованные средства по статьям «Поставка, монтаж и наладка», «Эксплуатация, техническое обслуживание и ремонт» и «Утилизация», в которые включаются также затраты, необходимые для обеспечения эксплуатации произведенного продукта/услуги и его

утилизации после завершения использования [3].

В таблице 1 представлены статистические данные по затратам на некоторые реализованные программы в целом и с разбивкой по этапам жизненного цикла [таблица составлена авторами исследования].

Чтобы выявить взаимовлияние затрат на проект в целом и по этапам ЖЦП, представим суммарные затраты на проект в виде следующей формулы (1):

$$C_0 = C_2 * П, \quad (1)$$

где $П = C_{00} / C_2$ – безразмерный параметр,

C_1 – затраты на этапе разработки,

C_2 – затраты на этапе производства,

C_3 – затраты на этапе эксплуатации.

На рисунке 1 представлен график распределения дополнительных финансовых затрат на проект в целом в зависимости от безразмерного параметра П.

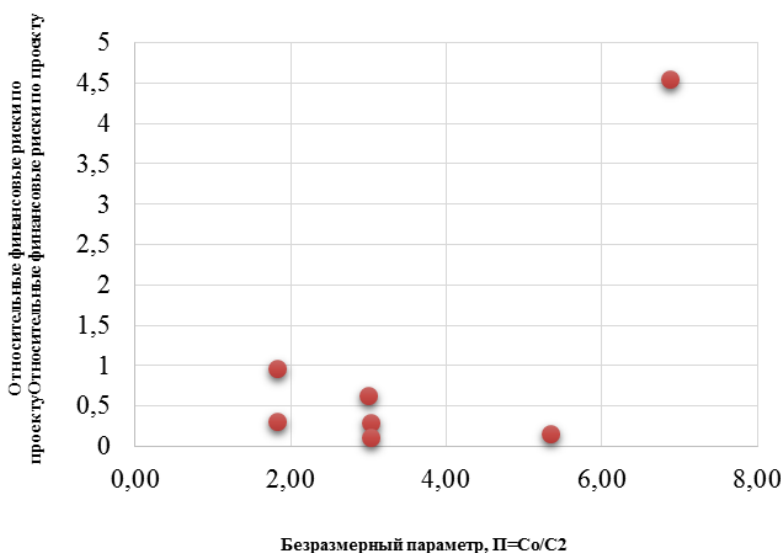

Рисунок 1 – Распределение относительных дополнительных финансовых затрат на проект в зависимости от безразмерного параметра П

Источник: составлено авторами исследования на основе расчетов из таблицы 1

Оценка надежности результатов выборочных статистических исследований прогноза дополнительных финансовых затрат. В дальнейшем необходимо понимать, что в статистике точность полученного результата определяется как вероятность безошибочного прогноза, которая характеризует надежность таких исследований. Для вычисления доверительных границ необходимо

использовать таблицы Стьюдента, поскольку количество наблюдений будет относительно небольшим – $n < 30$ [1].

Результаты оценки надежности выбранных статистических исследований прогноза дополнительных затрат представлены в таблице 2. Поскольку проекты ракетно-космической отрасли требуют надежной оценки в рамках важных теоретических и практических вы-

водах, необходимо использовать вероятность безошибочного прогноза в диапазоне от 99,7% – в других случаях существует возможность ограничиться диапазоном от 95% до 99%. При этом анализ надежности использованных статистиче-

ских данных для дальнейшей оценки риска изменения дополнительных затрат был проведен при трех вариантах вероятности безошибочного прогноза (табл. 2).

Таблица 2 – Результаты оценки надежности выборочных статистических исследований прогноза дополнительных затрат

Наименование показателя	Значения		
Вероятность безошибочного прогноза	0,9	0,99	0,997
Количество реализаций	7		
Доверительный коэффициент	1,8945786	3,49948	4,80024
Дисперсия	0,484		
Ошибка репрезентативности средней величины	0,23399		
Величина предельной ошибки случайной выборки	0,37414	0,69108	0,94795

Источник: составлено авторами на основе собственных расчетов и параметров из таблицы критических значений t-критерия (таблица распределения Стьюдента)

Пример использования предлагаемого метода оценки финансового риска. Рассмотрим применения предлагаемого метода оценки риска дополнительных затрат и его влияние на основные технико-экономические показатели исследуемого проекта в период всего жизненного цикла на примере перспективного проекта спутниковой системы связи (далее – ССС) типа OneWeb, в которой используются малые космические аппараты (далее – КА) на низких орбитах.

Примерно в 2013-2014 годах появилась информация о начале реализации новых низкоорбитальных многоспутниковых систем связи [1]. Судя по сообщениям, наиболее активно начали продвигаться проекты OneWeb и SpaceX (названия условные).

Концепция системы OneWeb. Идея системы OneWeb принадлежит WorldVu Satellites Ltd. (совместное предприятие компаний OneWeb и Airbus) [1]. Данная компания планирует вывести на высоту 800-1000 км около 720 космических аппаратов на низкую околоземную орбиту, то есть в такой группировке будет использовано 40 аппаратов в 18

плоскостях. При этом один спутник должен будет весить около 150 кг и стоить от 350 до 500 тыс. долл. США. При этом для их изготовления компания намерена использовать завод во Флориде, производственные мощности которого дают возможность выпускать примерно 15 спутников OneWeb в неделю (стоимость создания – 85 млн. долл. США) [6].

Компания Hughes Network Systems будет заниматься созданием ССС наземного космического сегмента ССС в результате подписанных контрактов на общую сумму около 490 млн. долл. США [8].

Для выведения КА планируется использовать 21 ракету-носитель «Союз-26» и 39 LauncherOne. К концу 2020 года в сети будет 300 спутников, еще через год спутников станет более 600, а к середине десятилетия – уже 800. В течение 2018 года планировалось два запуска, в 2019-м – 12 пусков, в 2020-м – два пуска. Ожидается, что всего Россия выведет на орбиту 672 спутника для сети [5]. Полностью весь проект будет реализован к 2027 году с затратами примерно в 30 млрд. долл. США. К 2025 году компания планирует получить около 1 миллиарда

абонентов [8].

Однако на основе данных по современным технологическим возможностям можно сделать вывод, что себестоимость абонентского терминала будет значительно выше, чем заявляют разработчики компаний SpaceX и OneWeb за счет использования в конструкции фазированных антенных решеток. Учитывая данный факт, примем себестоимость антенной системы абонентского терминала на уровне выше 300 долл. США за штуку. Следовательно, чтобы достичь уровня тех показателей, которые заявляют проектанты необходимо или разработать каналные модули, сочетающие в себе усилительные и фазовращательные элементы, по цене около 2 долл. США за канал, или значительно увеличить количество спутников космической группировки. Но на первоначальном этапе следует решить проблемы ЭМС систем LEO-HTS, в которые входят действующие спутниковые и наземные системы вещания и связи, а уже потом разбираться с озвученной ранее технологической задачей [2].

Для оценки влияния риска дополнительных незапланированных затрат на эффективность проекта перспективной ССС типа OneWeb в период всего жизненного цикла проекта принимаем следующие исходные данные.

Затраты на этапе разработки ССС типа OneWeb согласно официальной концепции системы OneWeb соответствуют издержкам в области производства и запусков десяти КА системы OneWeb, которые изготавливаются на основе КА типа ОЗб.

Затраты на этапе производства системы типа OneWeb складываются из затрат на производство, запуск КА и производство абонентских терминалов:

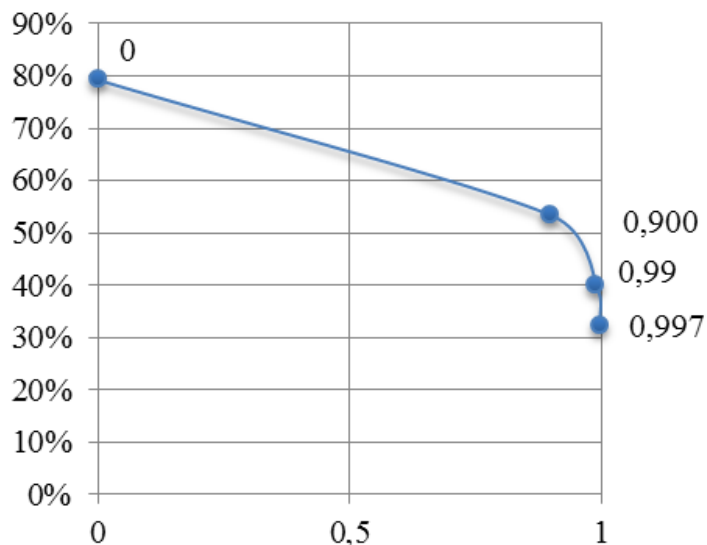
- количество КА ССС 720 штук;
- все КА запускаются с помощью ракеты-носители «Союз-2.1б» с разгонным блоком «Фрегат». На каждой РН «Союз-2.1б» выводится 32 КА. Всего планируется 23 запуска. Стоимость пуска около 50 млн. долл. США (цена на коммерческом рынке на 25 июня 2013 года):
 - затраты на строительство фабрики для производства КА около 85 млн. долл. США;
 - каждый спутник стоит 350 тыс. долл. США;
 - себестоимость абонентского терминала от 30 до 300 долл. США;
 - количество абонентов от 10 млн. до 1 млрд.

Затраты на этапе эксплуатации системы типа OneWeb складываются из затрат на восполнение космической инфраструктуры ССС:

- длительность функционирования ССС 28 лет;
- срок активного существования КА 7 лет;
- стоимость проекта 30 млрд. долл. США.

На рисунках 2 и 3 представлены некоторые результаты оценки влияния риска дополнительных затрат на эффективность ССС типа OneWeb, при этом:

$$\begin{aligned} & \text{Эффективность СС} = \\ & = \frac{\text{Количество абонентов при учете дополнительных затрат}}{\text{Количество абонентов без учета дополнительных затрат}} * 100\% \end{aligned}$$

Вероятность безошибочного прогноза

Рисунок 2 – Снижение эффективности ССС для вероятности безошибочного прогноза
 $P = 0; 0,9; 0,99; 0,997$

Источник: составлено авторами статьи

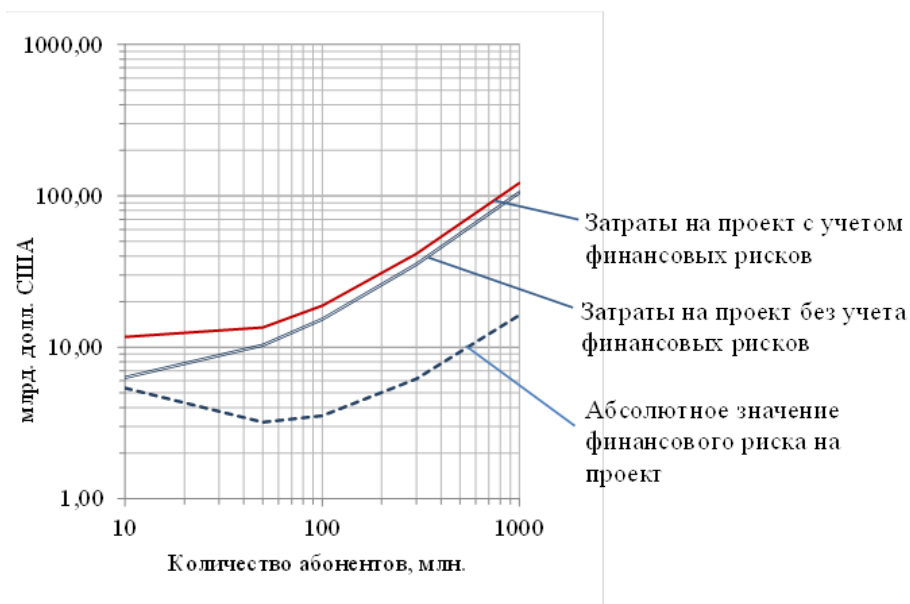

Рисунок 3 – Планируемые затраты на проект ССС и расчетные финансовые риски в зависимости от количества абонентов при цене абонентского терминала 100 долл. США, млрд. долл. США

Источник: составлено авторами статьи

Основные выводы.

1. Предлагаемую методику целесообразно использовать на начальных этапах для определения основных технико-экономических показателей исследуемых долгосрочных ракетно-космических проектов, для которых затруднительно и трудоемко прогнозировать на длительную перспективу тенденции развития экономических процессов.
2. Дополнительные финансовые

затраты в рамках реализации перспективного проекта спутниковой системы связи типа OneWeb могут привести к значительному снижению эффективности проекта. Например, риск дополнительных незапланированных затрат может снизить количество абонентов ССС в 1,5-3 раза.

3. Снижение эффективности ССС практически не зависит от стоимости абонентского терминала.

Литература

1. Анпилогов В. Эффективность низкоорбитальных систем спутниковой связи на основе малых космических аппаратов // Технологии и средства связи: спутниковая связь, 2015. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.tssonline.ru/articles2/sputnik/effektivnost-nizkoorbitalnyh-sistem-sputnikovoy-svyazi-na-osnove-malyh-kosmicheskikh-apparatov> (дата обращения: 05.01.2021).
2. Анпилогов В., Шишлов А., Эйдус А. Анализ систем LEO-HTS и реализуемости фазированных антенных решеток для абонентских терминалов // Технологии и средства связи: специальный выпуск «Спутниковая связь и вещание», 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.tssonline.ru/articles2/sputnik/analiz-sistem-leo-hts-i-realizuemosti-fazirovannyh-antennyh-reshetok-dlya-abonentskikh-terminalov> (дата обращения: 19.02.2021).
3. ГОСТ Р 27.202-2012 Надежность в технике (СНТ). Управление надежностью. Стоимость жизненного цикла // Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 27 сентября 2012 г. №439-ст. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.docs.cntd.ru/document/1200102419> (дата обращения: 15.02.2021).
4. Емелин А. Для управления стоимостью высокотехнологичным проектом нужно менять подход к ценообразованию // Ваш партнер-консультант, 2016. № 20 (9636) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.eg-online.ru/article/315406/> (дата обращения: 10.03.2021).
5. Источник назвал дату запуска спутников OneWeb с космодрома Куру // РИА Новости, 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://news.rambler.ru/tech/38839879-nazvana-data-zapuska-sputnikov-oneweb-s-kosmodroma-kuru/> (дата обращения: 01.02.2021).
6. Конвейер по созданию спутников для проекта OneWeb запустят 27 июня 2017 года // Спутниковое телевидение, 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gomel-sat.bz/topic/10394-konveyer-posozdaniyu-sputnikov-dlya-proekta-oneweb-zapustyat-27-iyunya/> (дата обращения: 10.02.2021).
7. Ракета-носитель «Союз-2.1б» с РБ «Фрегат» // Новости космической деятельности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ecoruspace.me/Союз-2.1б+с+РБ+«Фрегат».html> (дата обращения: 25.02.2021).
8. Шульц Н. Airbus и OneWeb создадут гигантскую сеть из спутников связи // Космос. Космические аппараты и ракеты-носители, 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fainaidea.com/kosmos/kosmicheskie-apparaty-i-rakety-nositeli/airbus-i-oneweb-sozdadut-gigantskuyu-set-iz-sputnikov-svyazi-128231.html> (дата обращения: 27.02.2021).

УДК 336, 332.1

Взаимозависимость инвестиционного развития и трудовых ресурсов Волгоградской области

О.О. Дроботова, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и предпринимательства, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет» (ВолГТУ), г. Волгоград

В настоящем исследовании построена Модель взаимодействия инвестиционной сферы и трудовых ресурсов в рамках приоритетов стратегического развития Волгоградской области. Проведен сравнительный анализ динамики в 2015-2019 гг. и прогнозов развития регионального инвестирования и численности населения области до 2030 г. Естественная убыль и высокий миграционный отток «миллениумов» возрастных групп «25-29» и «20-24» выявлены причинами «старения» населения. Сделаны выводы о перспективах достижения инвестиционных целей Стратегии развития Волгоградской области.

Волгоградская область, региональные инвестиции, население, поколенческие группы, миллениалы.

The interdependence of investment development and human resources of the Volgograd region

O.O. Drobotova, PhD in economics, Associate Professor of the Chair of Economics and Entrepreneurship, Volgograd State Technical University (VSTU), Volgograd

In this study, a Model of interaction between the investment sector and labor resources within the framework of the priorities of the strategic development of the Volgograd region is constructed. A comparative analysis of the dynamics in 2015-2019 and forecasts for the development of regional investment and the population of the region until 2030 is carried out. The natural decline and high migration outflow of «millennials» of the age groups «25-29» and «20-24» were identified as the reasons for the aging of the population. Conclusions are drawn about the prospects for achieving the investment goals of the Volgograd Region Development Strategy.

Volgograd region, regional investments, population, generational groups, millennials.

Введение

Волгоградская область является крупнейшим регионом Южного федерального округа и ставит амбициозные цели развития всех сфер экономики, гражданского общества и управления. Развитие экономики региона основывается, главным образом, на активизации инвестиционного процесса во всех отраслях, но не осуществимо без должного состояния и развития кадрового обеспечения. В этой связи исследование взаимосвязи инвестиционного развития экономики и трудовых ресурсов региона представляется актуальным и значимым.

В Волгоградской области обозначены следующие отрасли перспективной экономической специализации, в рамках которых строится развитие региона. Это: 1) добыча полезных ископаемых; 2) машиностроение, производство пищевых продуктов, химических веществ и других видов продукции; 3)

растениеводство, животноводство; 4) связь, информация; 5) научно-техническая, профессиональная деятельность; 6) хранение, транспортировка; 7) туризм [6].

Стратегия социально-экономического развития региона ставит генеральную цель развитие – достижение стабильных лидерских позиций региона по качеству жизни населения и уровню экономического развития среди субъектов РФ. К 2030 году целевое видение Волгоградской области включает в себя следующие положения: 1) многонациональный регион, обладающий благоприятной, комфортной средой, с устойчивым развитием; 2) на всей территории региона наличие единого стандарта качества жизни населения; 3) выше среднероссийских показатели экономического роста и доходов населения; 4) образовательный центр федерального уровня; 5) один из лидеров химической промышленности,

агропромышленного комплекса; 6) достойно высокие позиции региона в российских инвестиционных рейтингах; 7) крупнейший транспортно-логистический узел Волго-Каспийского региона; 8) крупнейший туристско-рекреационный центр Нижнего Поволжья, в том числе по событийному, круизному туризму на Волге [2, С. 21-22].

Достижение заявленных целей социально-экономического развития всецело опирается на крупномасштабную активизацию инвестиционного процесса во всех отраслях, особенно, перспективной экономической специализации региона. Инвестирование требует, с одной стороны, высококвалифицированных кадров для создания новых производств и эффективной работы производственного сектора, и, с другой стороны, наличие текущего и перспективного платежеспособного спроса на продукцию создаваемых производств, что предполагает высокий уровень дохода и потребления населения региона. Ключевыми здесь являются квалификация, компетенции, уровень образования трудовых ресурсов региона. Однако, в Волгоградской области, как демографическая ситуация, так и количественные и качественные характеристики трудовых ресурсов экономики региона остаются сложными уже на протяжении длительного времени.

Обозначенный круг проблем развития региона predetermined выбор автора при проведении настоящего исследования, целью которого выступает выявления характера взаимосвязи инвестиционного развития и трудовых ресурсов Волгоградской области. Поставленная цель predetermined решение следующих аналитических задач: 1) сравнительный анализ динамики за 2015-2020 годы и прогнозов развития инвестирования и численности населения Волгоградской области до 2030 года; 2) выявление основных тенденций и перспектив в развитии демографической ситуации в ре-

гионе и его инвестиционной сферы, а также установление характера взаимосвязи.

В работе применялись диалектический, логический, экономико-статистический и сравнительный анализ и другие методы научного исследования. При проведении исследования в качестве информационной базы выступили официальные данные и публикации Федеральной службы государственной статистики РФ, а также утвержденная Минэкономразвития РФ «Стратегия социально-экономического развития Волгоградской области до 2030 года».

Основная часть

Региональное инвестиционное развитие находится во взаимосвязи со всеми элементами социально-экономического развития региона. В частности, взаимосвязь инвестиционное развитие как приоритетное направление стратегического развития и трудовые ресурсы Волгоградской области является разнонаправленной и многоаспектной, что отражено на рисунке 1.

Говоря о состоянии и развитии инвестиционной сферы региона необходимо остановиться на следующих аспектах. Прогнозируемая Стратегией развития Волгоградской области динамика инвестиций в основной капитал на душу населения, как основного показателя инвестиционной активности в регионе, составляет +73 тыс. руб. (с 80,1 тыс. руб. в 2019 году до 153,1 тыс. руб. в 2030 году). Также Стратегия развития предполагает серьезное улучшение позиций области в Национальном инвестиционном рейтинге РФ -39 пунктов (с 69 места в 2019 году до 30 в 2030 году) [2, С. 43-44]. Более того, Стратегии предусматривает существенные инвестиционные вложения по: инерционному 1954,44 млрд. руб., базовому 2348,71 млрд. руб., оптимистическому 2879,49 млрд. руб. сценариям [2, С. 78].

Рисунок 1 – Модель взаимодействия инвестиционной сферы и трудовых ресурсов в рамках приоритетов стратегического развития Волгоградской области
 Примечание: составлено автором по: [2].

Реализация поставленных инвестиционных целей развития региона опирается на соответствующие трудовые ресурсы. Здесь необходимо подчеркнуть, что трудовые ресурсы выступают ключевым фактором инвестиционного развития региона. Исследуя трудовые ресурсы Волгоградской области, прежде всего, необходимо остановиться на демографической ситуации. В Волгоградской области демографическая ситуация является сложной: продолжающиеся сокращение населения выступает его характер-

ной чертой. Основными причинами сокращения численности населения региона выступают, во-первых, наблюдаемая с 1992 г. обусловленная депопуляцией (превышение числа умерших над числом родившихся) естественная убыль населения, во-вторых, активизацией миграционного оттока.

Динамика в 2015-2019 годах и прогноз показателей инвестирования и численности населения области отражены на рисунке 2.

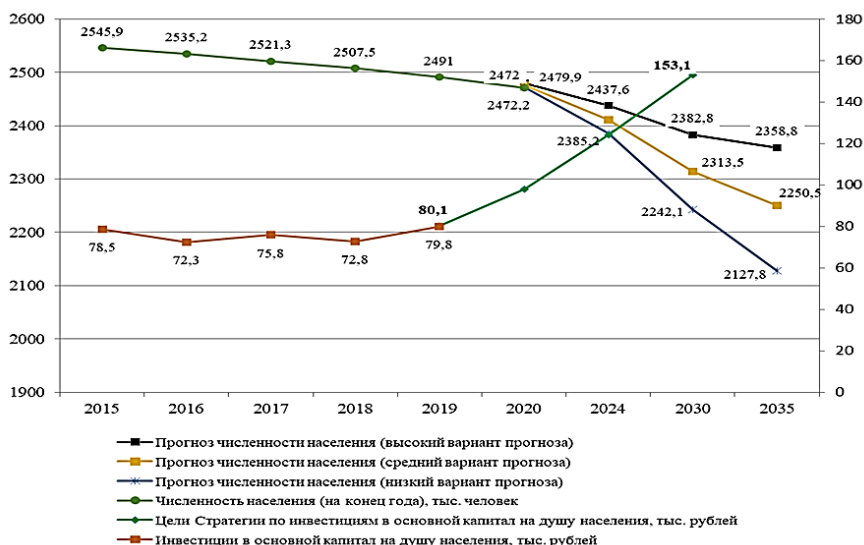

Рисунок 2 – Динамика инвестиций на душу населения и численности населения Волгоградской области и их прогноз

Примечание: составлено автором по: [1, п. 1.1], [3, с. 517], [4, с. 28], [5, с. 60].

Данные рисунка 1 свидетельствуют о разнонаправленной динамике рассматриваемых показателей в анализируемом периоде (2015-2019 годы), а также ее смене в прогнозном (2020-2030 годы). Так, инвестиции в основной капитал незначительно увеличились +1,4 тыс. руб. на душу населения или 101,7% (до 79,8 тыс. руб. в 2019 году). Однако, выявленное увеличение нельзя рассматривать с положительной стороны, т.к. оно произошло на фоне более существенного сокращения численности населения области. Следовательно, «фактически» можно выделить только тенденцию снижения инвестиции в основной капитал на душу населения. Так, если при прочих равных условиях гипотетически предположить, что к концу анализируемого периода численность населения области не изменилась, то осуществленный в 2019 году объем инвестирования (199490 млн руб.) позволил бы определить показатель инвестиций на душу населения в объеме 78,4 тыс. руб. или 99,8%.

При этом в прогнозном периоде до 2030 года Стратегия предусматривает

амбициозное практически двойное увеличение данного показателя + 73 тыс. рублей на душу населения или 191,1% (с 80,1 тыс. рублей в 2019 году до 153,1 тыс. рублей в 2030 году) [2, с. 44]. Однако, уже в 2019 году прогнозируемое значение (80,1) начало уступать фактически достигнутому (79,8), что свидетельствует о зарождении негативной тенденции «отставания, недостижения» (99,6%) поставленных стратегических целей. При этом положение Волгоградской области в национальных инвестиционных рейтингах начало ухудшаться в 2016-2017 годах [8, С. 247-248] и к настоящему времени данная негативная тенденция не переломлена.

Численность населения области в анализируемом периоде сократилась на -54,9 тыс. человек или 97,8% (до 2491 тыс. человек в 2019 году) на фоне роста естественной убыли на 1000 человек на -2,4 тыс. человек или 204,3 % (до -4,7 тыс. человек в 2019 году). И, по результатам «ковидного» 2020 года (к 2019 году) произошло еще более существенное ухудшение данных показателей: со-

крашение численности населения до 2472 тыс. человек (-19,5 тыс. человек или 99,2%) и рост естественной убыли населения на 1000 человек до -7,9 тыс. человек (-3,2 тыс. человек или 168,1%).

Если рассматривать численность населения Волгоградской области в 2035 году по отношению к 2020 году, то еще более устрашающая динамика, причем по всем трем вариантам прогноза. Более того, фактическая численность населения области в 2020 году предполагает рассмотрение только низкого варианта прогноза, предусматривающего сокращение численности населения региона на -344,4 тыс. человек или 86,1% (до 2127,8 тыс. человек в 2035 году). В 2030 году (завершение Стратегии) численность населения области составит 2242,1 тыс. человек (-230,1 тыс. человек или 90,7% по отношению к 2020 году).

Следовательно, целевые показатели инвестиционного развития Волгоградской области (рост инвестиций на душу населения +73 тыс. рублей или 191,1%; улучшение на 39 позиций поло-

жения региона в инвестиционном рейтинге) должны быть достигнуты в условиях существенного сокращения населения региона (-344,4 тыс. человек или 86,1%). В этой связи достижение целей регионального инвестирования в прогнозируемых демографических условиях требует пересмотра или серьезной плодотворной (а главное, максимально успешной) работы всех участников регионального инвестиционного процесса.

Принимая во внимание градацию поколений в зависимости от их ментальных особенностей и ценностей согласно теории поколений [7, с. 165], в структуре населения области выделены возрастные группы: а) «центениалы» (0-4, 5-9, 10-14); б) «миллениумы», «игреки» (15-19, 20-24, 25-29); в) «неизвестное поколение» (30-34, 35-39, 40-44, 45-49); г) «бэби-бумеры» (50-54, 55-59, 60-64, 65-69, 70 и более). При сокращении общей численности населения региона возрастные группы показали разнонаправленную динамику, что отражено в таблице 1.

Таблица 1 – Темпы роста населения Волгоградской области по возрастным группам

Возрастные группы населения		Темпы роста населения, % к предыдущ. году				
		2015	2016	2017	2018	2019
Все население		99,55	99,58	99,45	99,45	99,34
Возрастные группы, увеличившие свою численность:						
70 +	«бэби-бумеры»	97,28	100,46	101,19	101,91	103,5
65-69		113,15	104,62	103,87	102,26	100,62
60-64		100,17	100,63	100,62	100,47	100,14
45-49	«неизвестное поколение»	99,7	99,95	102,06	101,45	101,66
35-39		101,17	99,91	100,5	102,25	101,63
30-34		100,39	102,42	101,27	99,16	99,18
40-44		100,45	100,94	99,94	100,71	100,22
10-14	«центениалы»	101,34	102,21	102,64	103,12	102,72
5-9		101,5	101,59	100,91	99,78	100,07
15-19	«игреки»	97,9	99,3	101,63	101,97	102,36
Возрастные группы, сократившие свою численность:						
25-29	«миллениумы»	98,75	96,12	94,6	93,26	92,27
20-24		89,77	91,25	92,13	94,47	95,07
50-54	«бэби-бумеры»	94,96	95,33	95,47	96,04	97,59
55-59		102,18	100,2	98,84	98,5	96,66
0-4	центениалы	100,42	99,77	96,53	95,90	93,74

Примечание: составлено автором по [5, С. 63].

Проведенный в таблице 1 анализ позволяет выделить следующие тенденции развития населения области. На фоне сокращения населения области в целом необходимо выделить два типа возрастных групп: увеличивших (+84,82 тыс. человек) и сокративших свою численность (-139,69 тыс. человек) в анализируемом периоде.

Самые возрастные группы «бэби-бумеров» существенно увеличили свою численность (+38,21 тыс. человек или 45,06%), в частности: 1) «70+» (+18,92 тыс. человек или 22,31%) на фоне возрастания ежегодных темпов роста до 103,5% (+6,22%) и 2) «65-69» (+16,11 тыс. человек или 19%). Это обусловлено аналогичным сокращением наиболее молодых «бэби-бумеров» (-37,38 тыс. человек или 26,76%).

Близкие к «бэби-бумерам» все группы «неизвестного поколения» увеличили свою численность на 23,74 тыс. человек или 28%.

«Миллениумы» или «игреки» в наибольшей степени сократили свою численность (-82,82 тыс. человек или 59,29%) за счет существенного сокращения численности в полной мере трудоспособных возрастных групп: 1) «25-29» -45,94 тыс. человек или 32,88% при существенном снижении ежегодных темпов до 92,27% (-6,48%); 2) «20-24» -36,88 тыс. человек или 25,4% при увеличении ежегодных темпов до 95,07% (+5,3%). При этом наиболее юная («15-19») группа «миллениумом» незначительно возросла на 6,03 тыс. человек или 7,11% при возрастании ежегодных темпов до 102,36% (+4,46%).

«Центениалы» увеличили численность своих более старших групп: 1) «10-14» +13,54 тыс. человек или 15,97% при незначительном увеличении ежегодных темпов роста до 102,72% (+1,38%); 2) «5-9» +3,28 тыс. человек или 3,87% при снижении ежегодных темпов до 100,07% (-1,43%). При этом в 2016 году сформировалась и постоянно усиливает-

ся серьезная негативная тенденция сокращения «центениалов» первых годов жизни («0-4») -19,49 тыс. человек или 13,95% при сокращающихся темпах роста до 93,74% (-6,68%).

В итоге население старше трудоспособного возраста увеличилось (+30,73 тыс. человек) на фоне существенного сокращения трудоспособного населения (-83,95 тыс. человек) и сокращения населения моложе трудоспособного возраста (-1,68 тыс. человек).

Динамика рассмотренных показателей свидетельствует о не радужной картине – возрастающем «старении» населения Волгоградской области, наглядно отражено на рисунке 3.

Говоря о трудовых ресурсах в период реализации Стратегии социально-экономического развития Волгоградской области (2020-2030 годы), то прогнозируется миграционный отток по всем вариантам прогноза. Согласно низкому варианту прогноза (наиболее вероятно) ежегодный миграционный отток составит порядка -4,47 тыс. человек (при максимальных значениях -5,4 тыс. человек в 2024 году – год окончания 1 этапа Стратегии). По прогнозируемому миграционному оттоку Волгоградская область занимает I место «антирейтинга» среди субъектов Южного федерального округа [1].

Здесь, прежде всего, необходимо отметить, что важны все возрастные группы населения и их интересы и потребности должны учитываться при разработке программ и мероприятий, как социально-экономического, так и инвестиционного развития области. При этом наиболее активная роль отводится так называемым «миллениумам». Группы населения, относящиеся к данной категории, в рассматриваемом периоде показали наибольшую отрицательную динамику и в значительной степени обусловили «старение» населения области.

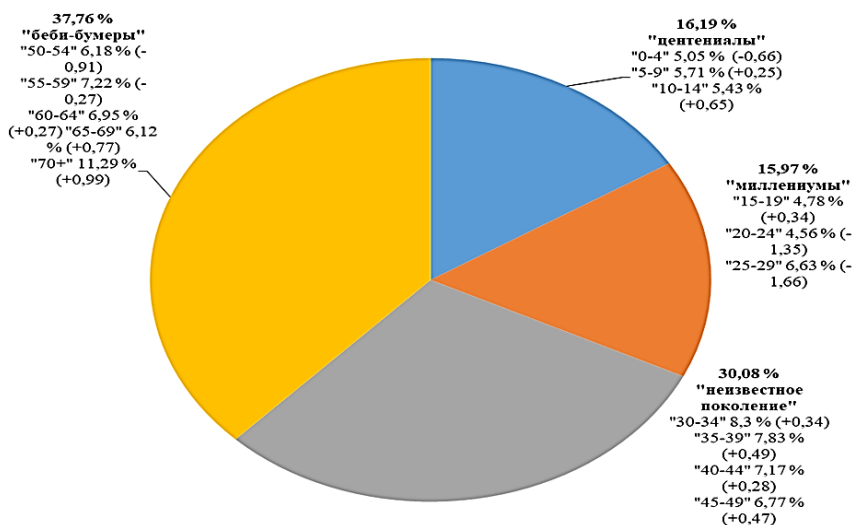

Рисунок 3 – Возрастная структура населения Волгоградской области в 2019 году

Учитывая, что уезжают из региона, как правило, люди молодого возраста, то можно сделать следующий пессимистический вывод. В 2021-2030 годах в поисках более высоко оплачиваемой работы, реализации своих профессиональных и жизненных планов из региона будут уезжать «миллениумы», а также подростки и получившие образование «центениалы». Ключевыми причинами оттока населения Волгоградской области, в первую очередь среди поколения миллениалов и центениалов являются следующие:

- 1) низкий уровень реальных располагаемых доходов населения;
- 2) существенное сокращение числа предприятий и, соответственно, рабочих мест;
- 3) «завышенные ожидания» миллениалов от будущей работы по стартовому уровню зарплаты и характеру занятости на рабочем месте;
- 4) своеобразная «всеобщая пропаганда» выезда из региона как «единственного разумного и правильного решения в жизни» со стороны родителей, зна-

комых, некоторых СМИ.

В сложившихся условиях всем участникам социально-экономических и инвестиционных отношений в регионе необходимо формировать проактивную стратегию своей деятельности. Основной целью такой деятельности должно выступить формирование «окна возможностей» по всем направлениям взаимодействия «государства-бизнеса-общества».

Заключение

Проведенное исследование позволило сделать выводы.

В ближайшее десятилетие перед Волгоградской областью стоят кардинальные задачи развития инвестиционной сферы, что определено целевыми показателями Стратегии социально-экономического развития региона. Ключевым стимулом и одним из основных условий достижения инвестиционных целей выступают трудовые ресурсы.

Автором построена модель взаимодействия инвестиционной сферы и трудовых ресурсов Волгоградской области в рамках приоритетов, обозначенных в Стратегии социально-

экономического развития Волгоградской области до 2030 года. И выявлена тесная взаимосвязь развития инвестиционной сфере и трудовых ресурсов Волгоградской области, и сделан вывод об экстраполяции указанной тенденции на период реализации Стратегии.

В работе на основе сравнительного анализа выявлена разнонаправленная динамика показателей инвестиций на душу населения и численности населения Волгоградской области в анализируемом и прогнозном периодах. При этом естественная убыль и миграционный отток обусловили «старение» населения как основную тенденцию развития трудовых ресурсов области. Возрастными группами, в наибольшей степени сократившими свою численность и обусловившими «старение» населения региона, являются составляющие основу поколения так называемых «миллениумов» группы «25-29» и «20-24». «Миллениумы» уезжают из области, и данная тенденция прогнозируется в будущем. Определены ключевые причины оттока «миллениалов» и подрастающих «центениалов».

При достижении заявленных целей инвестиционного развития Волгоградской области возникает необходимость реализации проактивной стратегии деятельности всех участников социаль-

но-экономических и инвестиционных отношений в регионе. При этом роль координатора указанной активизации принадлежит региональным органам власти и управления, деятельность которых должна быть сконцентрирована по направлениям: 1) стимулирование рождаемости; 2) сдерживание миграционного оттока из региона молодых граждан и квалифицированных специалистов.

В сложившихся условиях разрешение системы усугубившихся проблем «инвестиционная сфера – трудовые ресурсы» в Волгоградской области возможно лишь на основе мощного импульса регионального инвестирования. Причем результирующие объемы инвестиционных вложений в региональную экономику (153,1 тыс. руб.) должны быть достигнуты к концу реализации 1 этапа (2024 год) Стратегии социально-экономического развития Волгоградской области. Это осуществимо лишь на основе реализации комплекса крупномасштабных прорывных инвестиционных проектов федерального значения в отраслях перспективной экономики региона, что позволит дополнительно активизировать малое и среднее инвестирование. В противном случае не избежать пересмотра целевых показателей Стратегии социально-экономического развития региона.

Литература

1. «Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 года»: статистический бюллетень [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285> (дата обращения: 25.01.2021).
2. Проект Стратегии социально-экономического развития Волгоградской области до 2030 года / Минэкономразвития РФ. 140 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/file/7e0a1d10a3d6345a26b20dbf8028b865/proekt_vo.pdf (дата обращения: 15.01.2021).
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: Стат. сб. / Росстат. М. 2020. 1242 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/fimgAF33/Region_Pokaz_2020.pdf (дата обращения: 15.02.2021).
4. Социально-экономическое положение Волгоградской области в январе 2021 года: доклад. Волгоград: Волгоградстат, 2021. 35 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://volgastat.gks.ru/official_stat_publications (дата обращения: 15.02.2021).
5. Статистический ежегодник Волгоградская область 2019: сборник. Волгоград: Волгоградстат, 2020. 764 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://volgastat.gks.ru/storage/mediabank/sVFFSjMt/Областной%20доклад_012021.pdf (дата обращения: 15.02.2021).
6. «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года», утв. распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 31.08.2019) / Приложение 1. Волгоградская

- область [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/a9a8829957039ec9b107964246492da0b48069c7/ / (дата обращения: 25.01.2021).
7. Шалыгина Н.В. Игреки и центениалы: новая ментальность российской молодежи // Власть. 2017. № 1. С. 164-167.
 8. Drobotova O.O. Investment factor in the development of Volgograd Region economy: rating assessments and main trends // Proceedings of the Volgograd State University International Scientific Conference «Competitive, Sustainable and Safe Development of the Regional Economy» (CSSDRE 2019) (Volgograd, May 15-17, 2019). Volgograd State University. [Publisher: Atlantis Press], 2019. P. 244-249. (Ser. Advances in Economics, Business and Management Research; vol. 83) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/cssdre-19/125909717>.

УДК 332.146.2

Стратегическое управление энергоэффективностью промышленных предприятий: теория, методология, практика

Т.А. Забазнова, доктор экономических наук, доцент,
Т.В. Секачева, доцент кафедры «Экономика и финансы»,
С.Е. Карпушова, кандидат социологических наук, доцент, профессор РАЕ,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
Высшего образования Волгоградский государственный технический университет,
Сбряковский филиал, Волгоградская область

В нашей стране затраты на топливо и энергию составляют от 10 до 40% себестоимости продукции. Такой высокий уровень энергоёмкости увеличивает затраты предприятия, связанные с производством продукции, и, как результат, снижает его конкурентоспособность. Поэтому реализация энергосберегающих программ на промышленных предприятиях становится первоочередной задачей. Стратегическое управление энергоэффективностью позволит поэтапно оптимизировать работу и значительно сократить расходы предприятия.

В статье проведены анализ и оценка активности промышленного предприятия АО «Себряковцемент» с учетом оценки энергоёмкости его деятельности. Для развития существующей системы управления энергозатратами промышленного предприятия предложена модель на основе стандарта ИСО.

Промышленность, высокая энергоёмкость, управление энергозатратами, программа энергосбережения, модель, стандарт ИСО, энергоэффективность.

Development of the energy management system of an industrial enterprise (on the example of company «Sebryakovcement»)

T.A. Zabaznova, Doctor of Economics, Associate Professor,
T.V. Sekacheva, docent of the Department of «Economics and Finance»,
S.E. Karpushova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Professor of the Russian Academy of natural sciences,
Federal state budget educational institution of Higher education Volgograd State Technical University,
Sebryakovsky branch, Volgograd region

In our country, the cost of fuel and energy is from 10 to 40% of the cost of production. High energy consumption of products should be recognized as the main problem, due to the fact that it has an impact on increasing the cost of production and, as a result, on reducing the competitiveness of enterprises. Therefore, the implementation of energy-saving programs at industrial enterprises becomes a priority. Strategic management of energy efficiency will allow you to gradually optimize the work and significantly reduce the costs of the enterprise.

The article analyzes and evaluates the activity of the industrial enterprise of company «Sebryakovcement», taking into account the assessment of the energy intensity of its activities. In the development of the existing energy management system of an industrial enterprise, a model based on the ISO standard is proposed.

Industry, high energy intensity, energy management, energy saving program, model, ISO standard, energy efficiency.

Промышленность – самый энергоёмкий сектор национальной экономики России [6]. В связи с этим снижение и оптимизация энергозатрат промышленных предприятий на основе эффективных систем управления является ключевым фактором повышения конкурентоспособности не только этих предприятий, но промышленных кластеров и

агломерационных территорий [5]. Поэтому развитие системы промышленного энергоменеджмента является важной и актуальной задачей, без решения которой невозможно в полной мере реализовать программу модернизации и технологического развития российской экономики.

Проблемы управления энергоэффективностью и энергозатратами в промышленности исследованы Беккером Л.Н., Ковалем С.П., Савиным К.Н., Трембицким С.М. др. Однако не все вопросы обеспечения снижения энергоемкости в этом секторе решены в полной мере.

Цель исследования обоснование развития системы управления энергозатратами на промышленном предприятии АО «Себряковцемент» как фактора повышения ее эффективности.

Стратегическое развитие энергосбережения на предприятиях во многом зависит от наличия у них собственных финансовых источников. Именно финансовый механизм лежит в основе реализации энергетической эффективности хозяйствующих субъектов. Снижение уровня энергозатрат на промышленном предприятии предполагает модернизацию производства и внедрение инноваций, что в свою очередь требует значительных финансовых вложений. Важным аспектом современного положения дел является то, что затраты, которые выделяются на промышленном предприятии на развитие энергоэффективности слишком малы, это является причиной повсеместного использования старых технологий, характеризующихся перерасходом энергоресурсов.

Можно выделить несколько направлений энергосбережения на предприятии (рис. 1).

1) фондоэффективность, которая рассматривается как потенциал энергосбережения инфраструктуры промышленных предприятий: зданий и сооружений. Неэффективное использование и даже энергетический перерасход, связанный с обслуживанием этого фонда, обусловлен наличием большого количества неиспользуемых отапливаемых площадей. При этом можно говорить о без контрольном потреблении коммунальных услуг, приводящее к потерям и утечками тепловой энергии.

2) на трудоэффективность работников оказывает влияние научный прогресс, поскольку он является резуль- тативным фактором внедрения инноваций, в том числе энергосберегающих [13]. Внедрение инноваций в производственный процесс позволит увеличить ежегодные темпы роста производительности труда.

3) материалоеффективность связана с характеристиками применяемого сырья. Как показала практика, любое сырье может быть переработано таким способом, который позволит снизить энергозатраты.

Представленные на рисунке 1 направления являются составными элементами деятельности предприятия как системы. Поэтому взаимодействие структурных частей усиливает возможности каждого элемента системы. Используя в совокупности все три направления энергоэффективности, предприятие сможет получить синергетический эффект.

Закон синергии может быть реализован по каждому из трех направлений в отдельности и тогда у предприятия будет в запасе потенциал, который в любой момент оно сможет реализовать. Если же компания совершенствует одновременно три направления, то генерация идеи энергоэффективности на всех уровнях обеспечит ему лидерские позиции на рынке. Синергетический менеджмент направлен на использование высокотехнологичных разработок, применение которых позволит взаимно усилить эффективность его деятельности и значительно расширить возможности. Синергетическое взаимодействие структурных составляющих будет осуществляться как комплексная интегрированная система развития, сочетающая в себе несколько направлений и обеспечивающая конкурентоспособность, инновационность, качество продукции, и позволяющая создать механизм изменения структуры

производственного цикла с целью снижения энергозатрат.

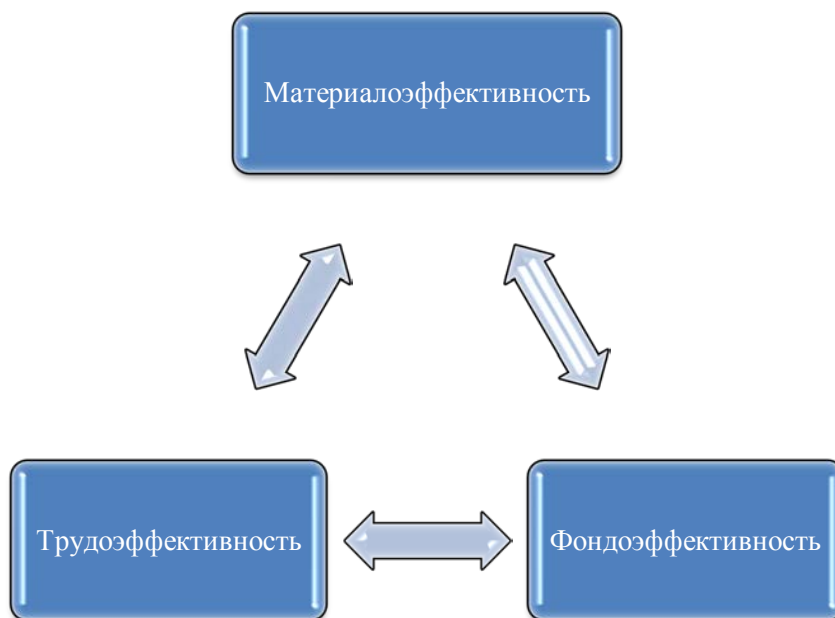

Рисунок 1 – Основные направления энергосбережения на предприятии

Идея энергоэффективности получила в последние годы дополнительный импульс к конкретным действиям, что стимулировало рост конкуренции на внутреннем и внешнем рынках. Конкурентный анализ отраслей наглядно продемонстрировал, что тратить меньше при аналогичном или даже большем объеме производства готовой продукции вполне реально.

Меры, направленные на повышение энергоэффективности производственных предприятий, должны рассматриваться с точки зрения экономического роста. Поэтому, необходимо создать единую нормативную базу для проведения политики энергосбережения на всех уровнях – от отдельного предприятия до региона. Кроме того, необходимо учитывать экологичность производства и возможность улучшения социально-экономического положения. Главное,

чтобы это не была бесцельная экономия, которая вредит производству.

В рамках энергосберегающей политики промышленных предприятий необходимо найти решения некоторых проблем:

во-первых, необходимо оценить уровень топливно-энергетических потерь;

во-вторых, определить причины, которые способствуют энергопотерям;

в-третьих, выявить возможный потенциал энергосбережения по видам энергоносителей;

в-четвертых, оценить перспективы энергосберегающих мероприятий.

Разработка энергосберегающих методов, в рамках которых проводятся технико-экономические оценки целесообразности реализации тех или иных энергосберегающих мероприятий предполагает проведение реструктуризации предприятия или модернизации произ-

водственных мощностей. Кроме того, необходимо проведение обязательной всесторонней модерации деятельности предприятий промышленного сектора экономики, позволяющей получить объективную оценку их состояния и определить неэкономичный режим работы оборудования.

Повышение энергоэффективности может быть достигнуто в том случае, если есть четкое понимание алгоритма действий, нацеленного на достижение поставленной цели, и позволяющего добиться оптимального решения:

1. Для оценки фактического энергопотребления и потерь используется специально разработанная и проверенная методика проведения энергоаудитов. В ходе проверки следует уделять особое внимание техническому состоянию предприятия, режиму работы производственных линий и электрооборудования, а также изучать все тонкости технологического процесса для определения его слабых сторон.

Анализ также поможет понять:

- насколько выгодно хозяйствующему субъекту покупать энергоресурсы у поставщиков или есть возможность рассмотреть другие варианты;

- насколько эффективно и правильно они используются;

- выбрать оптимальную модель детального контроля за процессом энергопотребления;

- оценить возможность внедрения более современных технологий.

2. Разработка индивидуальной программы энергосбережения, составными элементами которой являются экономически обоснованные мероприятия по обеспечению рационального использования и экономии энергоресурсов.

3. Реализация основных мероприятий утвержденной программы.

Для этого могут быть использованы наиболее выгодные для промышленных предприятий методы финансирования, либо собственные средства, либо заемные ресурсы.

4. Изучение данных мониторинга о состоянии производственных объектов позволит не только сделать выводы о реальных показателях экономики и о том, насколько они соответствуют запланированным проектным данным.

Цементная промышленность является крупным потребителем энергии и определяется как энергетически насыщенная отрасль. Оптимальным использованием энергии считается использование того минимального количества, который обеспечит необходимое качество выпускаемой продукции. Рост энергозатрат заставляет принимать срочные меры, направленные на замену действующего технологического оборудования на более прогрессивное и менее энергоемкое. В последние годы именно решение этой проблемы становится для цементных заводов проблемой номер один. Безусловно, что ее решение является не только финансово затратным, но и еще и долгосрочным.

Себряковский цементный завод основан в 1949 году. 28 сентября 1953 года зажжён рабочий факел в первой вращающейся печи. В 1992 году на базе Себряковского цементного завода создано Акционерное Общество «Себряковцемент» [8]. В настоящее время завод выпускает девять марок цемента, имеет собственную сырьевую базу, состоящую из разведанных месторождений мела (936,53 млн. тонн) и глины (256, 7 млн. тонн).

Проанализируем экономические показатели деятельности АО «Себряковцемент» за период 2011-2019 гг.[11] (рис. 2-3).

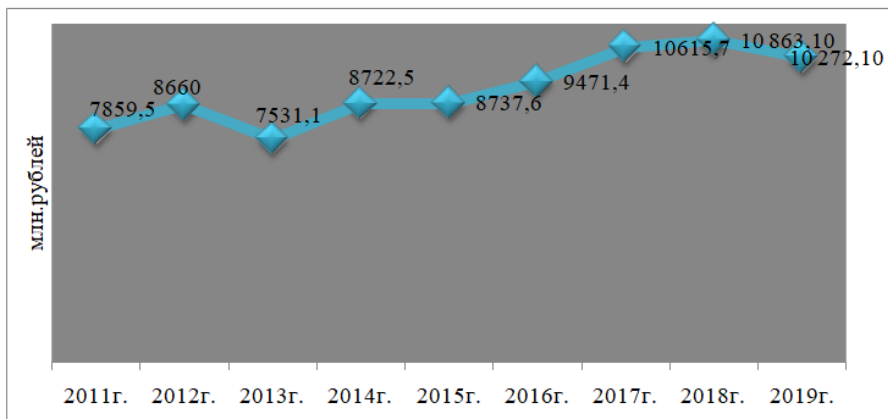

Рисунок 2 – Анализ динамики выручки АО «Себряковцемент» за 2011-2019 гг. [11]

Исследуя представленные в таблице показатели, можно сделать выводы о том, что его значение не являются стабильными, но начиная с 2014 года, выручка АО «Себряковцемент» растёт умеренными темпами из года в год. Анализируя темп роста выручки, можно констатировать, что в 2012 году он составил 10%, в 2013 году вместо роста произошло снижение на 13%, в 2014 году – показатель увеличился на 15%, в 2015 году – всего лишь на 2%, но уже в 2016 году темп роста составил 40%, а в 2017 году – 30%, в 2018 году темп роста замедляется и составляет 2%, а в 2019 году наблюдается снижение этого показателя на 6%.

Самым информативным и показательным параметром стабильного и устойчивого роста компании является умение развиваться за счет собственных средств. Поэтому анализ чистой прибыли является наиболее объективным. Исследование данного показателя позволяет сделать вывод о том, что темп его роста в 2012 году составил 5%, но уже в следующем 2013 году его значение снизилось сразу на 42%, в 2014 году его снижение продолжается соответственно на 2%, аналогичная ситуация наблюдается в 2015 году (на 9%). И только в

2016 году наблюдается увеличение этого показателя на 41%, 2017 году – на 30%. Однако, 2018 год характеризуется снижением чистой прибыли на 37%, а в 2019 году еще на 21%.

Таким образом, результатом текущего положения дел является использование морально и физически устаревшего оборудования и энергозатратной технологии производства цемента, поэтому АО «Себряковцемент» необходимо принимать срочные меры, направленные на повышение эффективности производства. Это станет возможным только если предприятие сможет снизить затраты на производство, повысив качество выпускаемой продукции.

Для решения указанных задач на цементном заводе необходимо реализовать программу энергосбережения (рис. 4). В процессе выполнения программы предполагается не только максимальное использование существующей инфраструктуры завода, но и повышение уровня автоматизации технологических процессов. Важно отметить, что решая проблему дефицита топлива на заводе возможно использование его альтернативных видов [4].

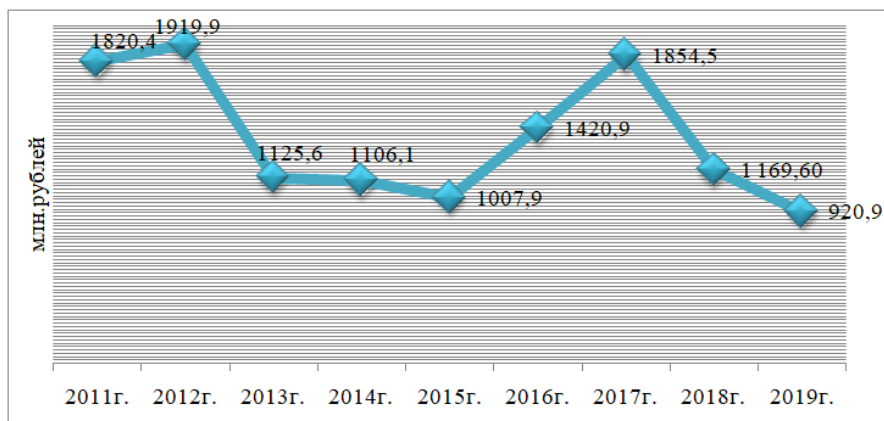

Рисунок 3 – Анализ чистой прибыли АО «Себряковцемент» за 2011-2019 гг. [11]

Основные направления программы энергосбережения:

1. Разработать механизм внедрения современных энергосберегающих технологий и уменьшения энергопотребления [1], который позволит заводу снизить уровень затрат, связанных с производством продукции. Цементный завод совместно с датской фирмой FLSmidth, реализует проект постепенного перехода на сухой способ производства цемента [9] с производительностью 3575 тонн клинкера в сутки.

2. Повышение качества выпускаемой продукции, посредством совершенствования системы контроля технологического процесса [3] и внедрения современных поточных анализаторов. А использование комплексной автоматизированной системы управления на производственной линии по подготовке сырьевых смесей и процессам обжига клинкера «сухим» способом производства, позволит сертифицировать систему менеджмента качества, соответствующую ГОСТ ISO 9001-2011.

3. Расширение ассортимента выпускаемой продукции. На предприятии выпускается 9 видов-марок цемента, кроме того, разрабатываются и внедряются технологии производства новых видов цементов. Все марки цемента проходят добровольную сертификацию.

4. Снижение негативного воздействия на окружающую среду – приоритетная задача. Необходимо заменить все пылеулавливающие установки в технологических передлах завода, что позволит минимизировать объемы вредных выбросов в атмосферу. В результате значения этого показателя будут соответствовать допустимым технологическим нормативам выбросов [7]. Только за счет внедрения «сухого» способа производства можно снизить газовые выбросы на 40% [2].

С точки зрения анализа развития промышленных предприятий, ориентируясь на перспективу его цели и задачи, необходима трансформация существующей традиционной системы управления энергозатратами, основанной на снижении их доли в структуре себестоимости. Существующая система должна быть дополнительно развита и усовершенствована путем внедрения системы энергоменеджмента на основе стандарта ISO 50001.

Модель предлагаемой системы управления энергозатратами на основе стандарта ISO 50001 представлена на рисунке 5. Основным отличием стратегического управления от традиционной модели является выделение функциональных зон:

во-первых, на стратегическом уровне формируются цели и задачи соответствующие государственной энергополитике [10];

во-вторых, тактический аспект, подразумевает проведение внутреннего энергоаудита,

в-третьих, оперативное управление энергозатратами: мониторинг, контроль, корректировка.

Это позволит построить систему с четким выделением трех уровней управления энергозатратами и соответствующих распределению в действующей организационно-управленческой структуре АО «Себряковцемент».

Рисунок 4 – Комплексная реализация программы энергосбережения на АО «Себряковцемент»

Таким образом, предлагаемая система энергетического менеджмента на АО «Себряковцемент» (рис. 5), представляет собой совокупность решений, действий, мер по управлению энергопотреблением и позволяющая повысить энергоэффективность производственных процессов, операционной деятельности промышленного предприятия на всех этапах его жизненного цикла.

Система энергоменеджмента промышленных предприятий основана на принципе оптимальной структуры затрат (рис.6), при которой на энергозатраты должно приходиться не более 20%.

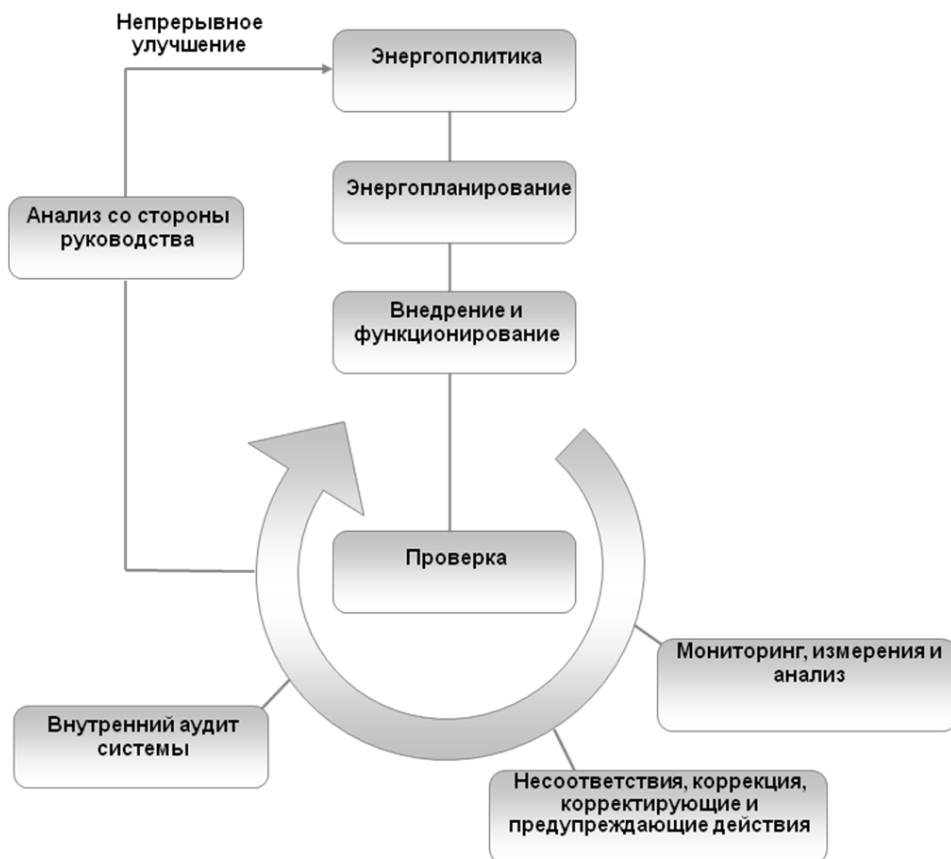

Рисунок 5 – Модель системы управления энергозатратами промышленного предприятия на основе стандарта ISO 50001

Рисунок 6 – Система управления энергозатратами промышленного предприятия на основе стандарта ISO 50001

Практика внедрения системы энергоменеджмента реализуется благодаря четырем последовательным этапам:

Этап 1. Аудит системы управления организации, позволяющий не только сократить общий перечень проблемы, но и сократить анализ проблемного поля предприятия.

Этап 2. Разработка системы энергоменеджмента и внедрение её в

организации (в соответствии со стандартом ISO 50001).

Этап 3. Энергомониторинг и проведение анализа эффективности системы энергетического менеджмента на основе данных внутренних аудитов. Предсертификационный аудит.

Этап 4. Сертификационный аудит [2].

Рисунок 7 – Основные этапы внедрения системы управления энергозатратами [3]

Создание на предприятии системы энергоменеджмента положительно скажется не только на его имидже и деловой репутации, но и позволит предприятию получить дополнительные конкурентные преимущества. Эти мероприятия выполняются каждым субъектом Российской Федерации в соответствии с федеральным законом № 261 от 23 ноября 2009 года «Об энергосбережении и повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4]. Кроме того, их реализация представляет собой многоуровневый процесс, зависящий также от взаимодействия бизнеса и власти [13]. Результативным вектором такого взаи-

модействия будет баланс энергоэффективности и энергосбережения хозяйствующих субъектов. Предприятие, внедрившее и сертифицировавшее систему энергетического менеджмента, приобретает возможность:

- интенсификации производства за счет оптимизации и совершенствования производственного цикла;
- управления энергопотреблением и повышение энергоэффективности [12];
- мониторинг и контроль текущего потребления энергии, оценка и реализация имеющегося потенциала, направленного на улучшение результативности энергосбережения;

– получения максимальной отдачи от мероприятий по энергосбережению в виде финансовой выгоды, подтверждающей целесообразность внедрения системы энергоменеджмента.

Основные этапы внедрения системы управления энергозатратами на основе стандарта ISO 50001:2011 представлены на рисунке 7.

Таким образом, стратегическое управление энергоэффективностью в современных условиях становится ключевым фактором снижения энергоемкости промышленных предприятий. Изучив специфику производства в цементной промышленности на примере конкретного предприятия АО «Себряковцемент» и проведя краткий анализ его деятельности, были сделаны аналитические выводы о целесообразности регулирования существующей системы управления энергозатратами предприятия и необходимости ее усовершенствования, путем внедрения системы энергоменеджмента на основе стандарта ISO 50001.

Отличием данной модели от традиционной является ведение функ-

циональных зон, позволяющих построить систему с четким выделением трех уровней управления энергозатратами и соответствующих распределению в действующей организационно-управленческой структуре АО «Себряковцемент». Предлагаемая система энергетического менеджмента позволит не только разрабатывать решения по управлению энергопотреблением и повышению энергоэффективности всех производственных процессов и операционной деятельности промышленного предприятия, но и реализовывать их на всех этапах его жизненного цикла. Кроме того, внедрение системы энергетического менеджмента по стандарту ISO 50001 позволит адаптировать и увязать инновационное развитие цементной отрасли с активным управлением энергозатратами предприятия, поможет сформировать механизм снижения энергоемкости производства цемента, способствует эффективному использованию всех видов ресурсов предприятия, а так же уменьшению выбросов в атмосферу.

Литература

1. ГОСТ Р 51541-99 «Энергосбережение. Энергетическая эффективность. Состав показателей. Общие положения» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1200025650> (дата обращения 26.02.2021 г.).
2. ГОСТ Р 51380-99 «Энергосбережение. Методы подтверждения соответствия показателей энергетической эффективности энергопотребляющей продукции их нормативным значениям» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1200025650> (дата обращения 26.02.2021 г.).
3. ГОСТ Р 51379-99 «Энергосбережение. Энергетический паспорт промышленного потребителя топливно-энергетических ресурсов. Основные положения. Типовые формы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1200025650> (дата обращения 26.02.2021 г.).
4. Федеральный закон от 23.11.2009г. № 261-ФЗ « Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 04.10.2014) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93978/ (дата обращения 26.02.2021 г.).
5. Об утверждении государственной программы волгоградской области «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности Волгоградской области на период до 2020 года» (с изменениями на: 03.05.2017) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/423907054> (дата обращения 10.02.2021 г.).
6. Паспорт государственной программы Российской Федерации «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности на период до 2020 года» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://minenergo.gov.ru/node/441> (дата обращения 10.02.2021 г.).
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 09.12.2020 № 2055 «О предельно допустимых выбросах, временно разрешенных выбросах, предельно допустимых нормативах вредных физических воздействий на атмосферный воздух и разрешениях на выбросы загрязняющих веществ в атмосферный

- воздух» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012150010/> (дата обращения 07.04.2021 г.).
8. АО «Себряковцемент» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sebcement.ru/> (дата обращения 25.02.2021 г.).
 9. Беккер Л.Н., Трембицкий С.М. Методы и технические решения по снижению энергозатрат в строительной индустрии [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.abok.ru/for_spec/articles.php?nid=156 (дата обращения 21.01.2021 г.).
 10. Барыбина О.В. Основные направления энергетической стратегии России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ul0355.42.spylog.com>.
 11. Завод в цифрах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sebcement.ru/proizvodstvo/zavod-v-cifrah/> (дата обращения 25.02.2021 г.).
 12. Лялин А.М., Пфайфер Н.В. Стандартизация энергетического менеджмента в России // Вестник ГУУ. 2015. № 9 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/standartizatsiya-energeticheskogo-menedzhmenta-v-rossii> (дата обращения: 25.02.2021).
 13. Секачева Т.В., Забазнова Т.А., Ерохина Е.А. Стратегия устойчивого развития регионов // Экономика и предпринимательство. 2017. № 4-2 (81-2). С. 1094-1100.
 14. Стороженко В.В. Инновации при формировании стратегии энергоменеджмента на предприятии // КЭ. 2014. № 8 (92) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsii-pri-formirovanii-strategii-energomenedzhmenta-na-predpriyatii> (дата обращения: 25.02.2021).

УДК 332.1

Системная диагностика современной региональной промышленности

С.К. Кочина, кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры «Теории и методологии науки»,

ФГБОУ ВО «Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова», г. Белгород

Системная диагностика позволяет исследовать региональные промышленные объекты с позиций многоаспектного анализа деятельности (производство, финансовое положение, инновационная активность, кадровый состав, инвестиционная привлекательность, уровень цифровизации деятельности, маркетинговая и сбытовая политика и т.д.). Таким образом, данный диагностический метод дает объективную оценку регионального промышленного комплекса, способствует разработке мер и инструментария по решению выявленных проблем, несоответствий и выбору стратегии развития региональной промышленности.

Региональная промышленность, системная диагностика, параметры.

System diagnostics of modern regional industries

S.K. Kochina, candidate of Economics, associate professor,
associate professor of the department of theory and methodology,

FGBOU VO «Belgorod State Technological University named after V.G. Shoukhov», Belgorod

System diagnostics allows you to investigate regional industrial facilities from the perspective of multi-dimensional analysis of activities (production, financial situation, innovative activity, personnel composition, investment attractiveness, level of digitalization of activities, marketing and sales policy, etc.). Thus, this diagnostic method gives an objective assessment of the regional industrial complex, contributes to the development of measures and tools to solve the identified problems, inconsistencies and the choice of a strategy for the development of regional industry.

Regional industry, system diagnostics, parameters.

Процесс экономического развития страны всегда сопровождается региональным неравенством. Чаще всего это явление характерно в периоды резких циклических колебаний национальной экономики. На сегодняшний момент – такое наблюдается в экономических системах переходного периода.

Если говорить о нашей стране, то происходящие экономические явления и процессы оставляют свой отпечаток практически на всех сферах деятельности: институциональной, социально-экономической, промышленной, политической, экологической, научно-инновационной и т.д., что, в целом, и создает эту разнородность в региональном развитии [6, С. 14].

Региональное неравенство характеризуется существенным отличием в количественном и качественном отношении по основным критериям и показате-

лям. Разрыв по ключевым параметрам между лидирующими, передовыми регионами и отстающими может достигать нескольких раз. Одним из таких параметров является динамика промышленного производства.

Весомой причиной нестабильного развития национального промышленного сектора является присутствие регионального неравенства в уровне развития промышленных отраслей. Вследствие этого, рассмотрение вопросов о специфических чертах развития определенного субъекта, а также укреплении позиций уровня промышленного сектора представляется нам значимым аспектом в направлении, нацеленным на ликвидацию неравенства среди регионов [5, С. 233].

Для проведения анализа региональной промышленности нужно иметь набор количественных и качественных

характеристик – индикаторов, т.к. на нее оказывает влияние немало условий и факторов.

Если рассматривать работы современных российских исследователей-экономистов, то можно заключить, что они в основном посвящены сравнительному анализу развития регионов в контексте социально-экономического аспекта, исследованию причин, порождающих неравенство субъектов по этим показателям. В итоге, не освещаются теоретические вопросы, связанные с установлением факторов и условий, ориентированных на ликвидацию регионального промышленного неравенства, нацеленных на формирование и развитие производственного потенциала и т.д. [7, С. 32].

Мы ориентируемся на то, что промышленный комплекс является движущей силой развития региона, предпосылкой возрождения экономического, технического и технологического потен-

циала всей страны.

Одним из эффективных и распространенных методов анализа состояния промышленного комплекса считают системную диагностику.

Если говорить в общем, о диагностике, то ее причисляют к процедурам исследовательской деятельности, позволяющей по характерным «симптомам» выявить «диагноз» данного производственного объекта.

Сам термин «системная диагностика» внедрен в научный оборот не так давно в целях аккумуляции ранее выявленных видов диагностики и обобщения уже имеющегося опыта, результатов в этой области для создания полной характеристики изучаемого объекта.

Любая диагностическая процедура имеет ряд этапов или стадий в своем содержании, исключением не является и системная диагностика региональной промышленности (рис. 1).

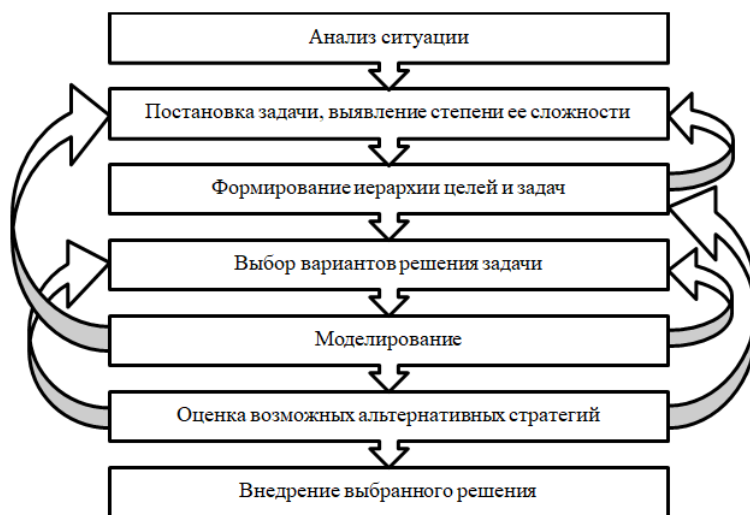

Рисунок 1 – Этапы проведения системной диагностики

На основе итогов системной диагностики вырабатываются рекомендации по проведению мероприятий и воплощению управленческих решений в таких областях, как производственный потенциал, инвестиционная привлека-

тельность, финансы, маркетинг и логистика, организационно-управленческая деятельность, инновационная активность промышленных предприятий [5, С. 235].

Помимо того, что метод системной диагностики нацелен на определение

проблем и противоречий в деятельности промышленных объектов, он дает рекомендации для устранения «узких и слабых мест», дальнейшего развития и повышения эффективности деятельности исследуемого предприятия.

В итоге заключим, что системная диагностика региональной промышленности осуществляется с целью выявления возможных вариантов (источников) увеличения производственного потенциала, создания высоко конкурентоспособного продукта регионального производства, роста инновационной активности и инвестиционной привлекательности, наращивания привлекательности региона для потенциальных внутренних и внешних партнеров, а также в целях выбора стратегических и оперативных управленческих решений для достижения высокой результативной деятельности регионального промышленного комплекса [3, С. 32].

От мотивов, поставленных задач и стратегии высшего звена управления промышленных объектов напрямую зависит выбор алгоритма проведения системной диагностики, а также определение набора оцениваемых параметров деятельности. Отталкиваясь от этой мысли, системная диагностика может проводиться для анализа всего предприятия в целом и для отдельного спектра деятельности.

Системный подход к такой аналитико-диагностической работе связан с периодом времени, в рамках которого планируется проводить диагностику исследуемого объекта.

Системная диагностика региональной промышленности предусматривает анализ и оценку состояния производственных региональных объектов на конкретном рынке, возможностей к адаптации в соответствии с изменяющимися рыночными конъюнктурными условиями и внешними и внутренними факторами, учитывая различного рода

риски [1, С. 137].

Соответственно различают:

- краткосрочную системную диагностику (оценивает структуру, состав, качество оборотного капитала и текущих обязательств);

- среднесрочную (определяет резервы увеличения собственного капитала);

- долгосрочную (оценивает фактор мобильности и ликвидности активов и пассив организации в ракурсе долгосрочного периода, определяет резервы усиления инвестиционной деятельности для реализации стратегических целей и проектов, долгосрочной инновационной активности [2, С. 214].

В конечном счете, мы можем утверждать, что системная диагностика региональной промышленности – многоаспектный анализ параметров функционирования исследуемых объектов (промышленных предприятий), предоставляющий возможность увидеть цельную картину объекта исследования, определить слабые места и основные диспропорции в развитии промышленности, а также сформировать и предложить схему решения по устранению проблем (табл. 1).

Перечень, предлагаемых к исследованию параметров в рамках проведения системной диагностики региональной промышленности, создает целостное представление об исследуемом объекте, ориентируясь на совокупность системных задач данного процесса аналитической деятельности. Что в итоге позволит установить проблемные и слабые по эффективности бизнес-процессы промышленного комплекса, которые необходимо будет устранить или скорректировать, в целях улучшения положения, разработки стратегии развития современной региональной промышленности, которая будет ориентирована на тенденции национальной экономики [5, С. 240].

Таблица 1 – Содержание системной диагностики региональной промышленности

Аспект диагностики	Исследуемые параметры
1	2
Кадровые и интеллектуальные ресурсы	Уровень и качество интеллектуально-кадрового потенциала; информационно-знанию ресурсы; система повышения квалификации, а также система стимулирования и поощрения деятельности работников
Организационно-управленческая деятельность	Организационно-управленческая структура; структура и сумма расходов на содержание, обслуживание руководящего и административного звена менеджмента; распределение полномочий и функций между организационными звеньями
Маркетинг	Лояльность покупателей; занимаемая доля на рынке; эффективность рекламы; сила бренда; сбытовая политика; качество и эффективность маркетинговых мероприятий и коммуникаций
Инвестиционная привлекательность	Политика в области инвестиционной деятельности; эффективность использования инвестиционных приемов и инструментов для реализации и финансирования инвестиционных проектов различного уровня; доля инвестиций от зарубежных партнеров; уровень инвестиционного климата
Финансовое состояние	Финансовые показатели деятельности (прибыль, рентабельность, ликвидность баланса, размер убытков и т.д.); ресурсы для формирования денежного капитала, а также возможные варианты его применения
Инновационная активность	Количество функционирующих инновационных групп и бизнес-структур; количество ноу-хау, патентов и научных разработок, доведенных до конечного потребителя; обеспеченность интеллектуальной собственностью и профессиональными кадрами
Производственно-хозяйственная деятельность	Эффективность использования производственных, материальных и трудовых ресурсов, структура себестоимости и ее величина
Внутренняя среда	Корпоративная и организационная культура; достижение поставленной миссии и стратегии; доступность необходимой информации; административно-хозяйственная структура
Внешняя среда	Рыночная инфраструктура; доля рынка, занимаемая конкурентами; уровень потребительского спроса и покупательской способности; рыночная конъюнктура; круг основных и потенциальных партнеров; уровень рисков от влияния внешних факторов
Нормативно-правовая база	Специфика региональных принципов налогообложения; отраслевые барьеры входа на рынок и выхода из него; уровень поддержки государственных институтов и учреждений; действующие и принимаемые законы и распоряжения в области промышленности
Интеллектуально-электронные, информационно-коммуникационные технологии	Наличие и уровень используемых Интернет-платформ и сервисов; применение интеллектуально-цифровых технологий в деятельности; уровень развития электронной торговли

Для проведения объективной системной диагностики региональной промышленности следует обратить при-

стальное внимание на этапы сбора, анализа и применение информационно-аналитической базы исследования.

Важно заметить, что для проведения процедуры системной диагностики необходимо иметь достаточного уровня информационную базу, различного рода документацию (начиная от нормативно-правовых актов и заканчивая технической документацией, регламентирующей данный вид отрасли), структурировать и агрегировать весь перечень исследуемых параметров, но нельзя упускать следующий аспект – умение воспользоваться всей совокупностью данных, т.е. правильно ее истолковать и применить для соответствующих целей [1, С. 137].

Этап осуществления системной диагностики региональной промышленности обеспечивает необходимым объемом информации, базой данных представителей промышленного комплекса для выработки альтернативных управленческих решений, а также их реализации [4, С. 180].

Существует множество методов применяемых в рамках системной диагностики. Обозначим основные группы методов в зависимости от исследуемого параметра, применяемых при диагностировании региональной промышленности:

- количественные – определяют положение анализируемого объекта в прошлом периоде, настоящее время и возможные перспективы в будущем; предполагают оценку значимых параметров в деятельности регионального промышленного комплекса; позволяют, исходя из полученных количественных оценок и предельных значений определить оптимальную структуру объекта диагностики с учетом состояния регионального и национального рынков и социально-экономических условий, тенденций. В данном случае диагностике подвергаются следующие параметры: производство, маркетинг, сбыт, финансовое положение, инновационная активность и т.д. К количественным методам относят метод «Дельфи», статистические методы, методы исследования операций и т.п.;

- качественные – необходимы для прогнозирования факторов и условий, способных повлиять на состояние и эффективность региональной промышленности; выявления слабых мест в управлении объектом, а также потенциальных перспектив для развития; планирования и проектирования деятельности на основе имеющихся прогнозов, рисков и возможностей. К исследуемым параметрам относят кадровое и интеллектуальное обеспечение, нормативно-правовую базу, внутреннюю среду и т.д. Примерами таких методов могут служить: метод «сценариев», метод «мозгового штурма», морфологический анализ и др.;

- цифровые и методы моделирования – позволяют отследить уровень и выявить характер управленческих процессов данной экономической системы (регионального производства); спрогнозировать степень влияния структурных изменений на общее состояние национальной экономики; оценить эффективность применения на предприятии современных электронных интеллектуальных программ и цифровых инструментов. В этом случае исследуемыми параметрами могут являться, например, внешняя среда, информационно-коммуникационные технологии, организационно-управленческая деятельность и т.д. К таким методам можно отнести кибернетические модели, CRM-система, инструменты виртуальной реальности и 3-D моделирования.

Исходя из вышесказанного, итоги системной диагностики позволяют:

- выявить основные причины имеющихся региональных проблем в экономической, социальной, инвестиционной, производственной, инновационной и др. областях;

- применять полученное структурированное содержательное описание региональной экономической и производственной системы для дальнейшего управления субъектом;

- определить имеющиеся возможности для развития промышленного комплекса, а также ряд ограничений, рисков для реализации целей и выбранной стратегии;

- осуществлять руководство предприятием путем выбора и осуществления требуемых управленческих решений, ориентируясь на установленные тренды и анализ проблемных областей по каждой отрасли, входящих в совокупность регионального промышленного комплек-

са;

- перенять передовой опыт других субъектов страны и зарубежных партнеров, в целях недопущения подобных негативных событий;

- акцентировать внимание региональных властей и управленческого аппарата на разработку оперативных и стратегических решений для наиболее уязвимых и проблемных областей региональной промышленности.

Литература

1. Геращенко Т.М., Дембовская О.А., Лисова О.М. Место и особенности исследования внешней среды в системной диагностике промышленных предприятий // Вестник АПК Ставрополя. 2017. № 4(28). С. 135-139.
2. Ждид А., Дюжилова О.М. Системный анализ структуры региональной промышленности и факторов влияния на ее эффективность // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2019. № 2. С. 211-219.
3. Николаев М.А., Махотаева М.Ю. Анализ стратегий развития промышленного комплекса региона // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2016. № 4 (246). С. 29-41.
4. Пономарева Т.Н., Дубино Н.В. Управление конкурентоспособностью промышленного предприятия: подходы к оценке и выбору показателей // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. 2016. № 1. С. 178-184.
5. Фурщик М.А., Марков С.В. Системная диагностика региональной экономики: задачи, информация, методы [Электронный ресурс] // Сб. «Труды ИСА РАН». 2006. Т. 22. С. 232-250. Режим доступа: <http://www.isa.ru/proceedings/images/documents/2006-22/232-250.pdf> (дата обращения: 24.03.2021).
6. Черкашин А.К., Мяззлец А.В. Характеризация развития региональной экономики с учетом макроэкономических факторов и условий // Экономика и математические методы. 2017. Т. 53. № 4. С. 13-25.
7. Щетинина Е.Д., Кочина С.К. Маркетингово-диагностический скрининг факторов развития регионального промышленного комплекса // Экономический вектор. СПб. 2020. № 4(23). С. 32-38.

УДК 338.242

Антикризисное государственное регулирование в условиях новых вызовов и ограничений

Л.А. Кравченко, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории,
И.А. Троян, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории,
Институт экономики и управления (структурное подразделение),
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,
г. Симферополь, Республика Крым

В статье рассмотрены основные общественные изменения в современном мире, которые привели к необходимости трансформации научной концепции антикризисного регулирования. Проблема кризиса рассмотрена с позиции теории цикличности, выделены теории экономических циклов. На основе анализа научных подходов авторами предложено определение антикризисного государственного регулирования. Предложена модель антикризисного государственного регулирования, отражающая цель, предметно-объектную специфику, приоритетные направления, инструменты и принципы формирования и реализации.

Кризис, антикризисное государственное регулирование, Covid-19, социально-экономическая политика.

Anti-crisis state regulation in the face of new challenges and restrictions

L.A. Kravchenko, Ph.D. in Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Economic Theory,
I.A. Troyan, Ph.D. in Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Economic Theory,
Institute of Economics and Management (structural subdivision),
V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

The article examined the main social changes in the modern world, which led to the need to transform the scientific concept of anti-crisis regulation. The problem of the crisis was considered from the position of the theory of cyclicity, the theories of economic cycles were highlighted. The authors proposed the definition of anti-crisis state regulation, which was based on the analysis of scientific approaches. The model of anti-crisis state regulation was proposed, reflecting the goal, subject-object specifics, priority areas, tools and principles of formation and implementation.

Crisis, anti-crisis state regulation, Covid-19, socio-economic policy.

Введение

В современных условиях кризисы порождаются новыми вызовами, на которые необходимо государству отвечать, но теоретические решения, разработанные различными учеными ранее, могут оказаться недостаточными для решения текущих проблем. Распространение экономического кризиса, вызванного COVID-19, а также неспособность практического применения классического набора инструментов социально-экономической политики вызывают необходимость обновления теории антикризисного государственного регулирования.

Современные научные исследования влияния распространения COVID-

19 на социально-экономические положения стран мира в большей степени носят эмпирический характер и ограничены недостаточностью теоретических выводов и положений. Это связано, прежде всего, с весьма незначительным временным периодом исследования данной проблематики, а также высоким уровнем неопределенности и турбулентности экономических процессов. Как в отечественной, так и в зарубежной практиках недостаточное внимание уделено собственно теоретическим аспектам антикризисного государственного регулирования с учетом изменившихся условий.

Целью данной работы является исследование теорий и лучших практик антикризисного государственного регу-

лирования в зарубежных странах и разработка предложений по формированию эффективных мер противодействия негативным социально-экономическим последствиям в национальной хозяйственной системе в условиях распространения COVID-19.

Основной текст

Кризис является важной фазой экономического цикла, неотъемлемой составляющей непрерывного процесса общественного развития и драйвером эволюционных и революционных изменений в социальной, научно-технической, экономической сферах.

Термин «кризис» сам по себе имеет много значений, при этом, важно понимать, что каждая кризисная ситуация уникальна сама по себе. В зависимости от типа и природы происхождения, масштабов и особенностей проявления, кризис имеет различный уровень управляемости. Это обусловлено также различными подходами к пониманию кризиса и цикличности в целом и соответственно теориями экономических циклов. По временному критерию существуют теории малых, средних и больших экономических циклов (табл. 1).

Таблица 1 – Классификация теорий экономических циклов

Название	Авторы	Продолжительность	Сущность теории
<i>Теории малых циклов</i>			
Теория финансового (коммерческого) цикла	Джон Китчин	2-4 года	Экономический цикл связывают с динамикой относительной величины запасов товарно-материальных ценностей на предприятиях
Теория экономического цикла Уэсли Митчелла	Уэсли Митчелл	3-3,5 лет	Кризис рассматривается как многофакторный процесс, каждый уникален и имеет собственные причины и объяснения
<i>Теории средних циклов</i>			
Теория деловых циклов Жугляра	Клемент Жугляр	7-11 лет	Инвестиционные (деловые) циклы обусловлены воспроизводством активной части основного капитала. Причина кризисов – в сфере нарушения денежного обращения, банковского кредита и госфинансов
Экономические циклы К. Маркса	Карл Маркс	10-14 лет	Циклы обусловлены периодичностью обновления основного капитала, заменой производственных фондов
Теория «циклов амортизации сооружений»	Саймон Кузнец	В среднем 20 лет	Циклы связаны с возобновлением пассивной части основных фондов, преимущественно сооружений
<i>Теории больших экономических циклов</i>			
Теория циклов конъюнктуры	Николай Кондратьев	40-60 лет	Главная движущая сила длинноволновых циклов – радикальные изменения в технологической базе общественного производства, его структурная перестройка
Теория логистических циклов	Джон Форрестер	200 лет	Причина циклических колебаний – в появлении новых видов энергии и материалов
Теория тысячелетних циклов	Элвин Тоффлер	1000-2000 лет	Связана с закономерным развитием цивилизации

Кризисные процессы являются индикатором диспропорций и несовершенства системы общественного развития, а в современном мире имеют экономическую основу. Особенности кризиса

определяют специфику антикризисного государственного регулирования. Корни антикризисного управления лежат в чрезвычайных ситуациях и стихийных бедствиях. Первые системные воззрения

на природу антикризисной политики государства обоснованы Дж.М. Кейнсом в кейнсианской теории, в которой он рассматривал такие меры политики, как увеличение государственных расходов, снижение налогового бремени, стимулирование спроса [5]. Круговорот экономических идей подтверждает возврат к кейнсианской доктрине в современной экономической политике развитых стран [8]. Для эффективного управления кризисом на макроуровне необходимо четкое распознавание природы, масштаба, остроты сфер и последствий проявления кризиса. Для этого используют всю систему макроэкономических показателей в динамике, а также мониторинг антикризисного развития.

Рассматривая кризис как некий перелом или переходное состояние, можно выделить две основные цели, а также соответствующие им виды антикризисного государственного регулирования: адаптация (модернизация или перестройка) до момента возникновения новых свойств и недопущение и/или нивелирование влияния кризисной ситуации на систему государственного регулирования экономики, а также параметров ее функционирования.

По нашему мнению, первый случай следует отнести к целям стратегического уровня, так как он отвечает за развитие и совершенствование системы государственного регулирования экономики. При этом адаптационный тип антикризисного государственного регулирования отличается большой потребностью во временном ресурсе. Исходя из этого, главными инструментами для него являются прогнозирование и моделирование. В случае с нивелированием последствий кризиса мы имеем дело с тактическим уровнем, который отвечает за обеспечение достаточного количества такого ресурса, как время.

Однако на практике, антикризисное регулирование – это проактивный системный процесс, который включает в

себя и борьбу с кризисом до его возникновения, и во время кризиса, и после него. Среди российских ученых существуют несколько подходов к пониманию антикризисного государственного регулирования. Так, согласно фундаментальному подходу антикризисное регулирование – это управление социально-экономической системой, при котором происходят контролируемые процессы предвидения кризисов, снижения их отрицательных последствий, а также ликвидация причин кризиса для снятия барьеров дальнейшего развития [3, С. 16] Довольно часто рассматривают антикризисное управление не как управление непосредственно кризисом, а как составную часть стратегического управления на всех фазах цикла развития...как в случае появления признаков неблагоприятных изменений, так и превентивно [1, С. 55]. Кроме того, антикризисное регулирование включает в себя целевые меры, направленные также на анализ и прогнозирование критически волатильных ситуаций [7, С.71].

Антикризисное государственное регулирование – это комплекс мер, методов и инструментов целенаправленного влияния органов государственной власти на социально-экономическое и финансовое положение страны с целью стабилизации и обеспечение устойчивости экономики в условиях рисков и макроэкономической нестабильности. В данном определении выделяются два важных момента. Первый – это действия государства, направленные непосредственно на преодоление причин кризиса, смягчение его последствий и уменьшение глубины, достижение предварительно заданных параметров экономического роста. Второй – это действия государства, направленные на предупреждение кризиса (превентивная политика) и сохранение темпов экономического роста путем оперативного выявления признаков кризисного состояния, нейтрализации и обеспе-

чения устойчивости к внутренним и внешним угрозам и вызовам.

Основными традиционными принципами антикризисного государственного регулирования являются экономическая эффективность и социальная ответственность, целенаправленность, непрерывность, информационная объективность, предсказуемость, отсутствие универсальных антикризисных решений. При этом границы антикризисного государственного регулирования определить трудно, т. к. они зависят от институциональных особенностей страны и уровня ее экономического развития.

Следует помнить, что государство неспособно преодолеть циклический характер развития экономики и полностью устранить противоречия общественного воспроизводства. Кроме того, как показывает практика, точно спрогнозировать кризис довольно трудно, еще труднее – обеспечить его управляемость, что обусловлено ограниченностью мер государства. Также следует учитывать, что между их применением и получением необходимого результата проходит значительное время. Исследования зарубежных ученых доказывают, что между применением инструментов денежно-кредитной политики и получением эффекта в условиях спада временной лаг составляет 5-20 месяцев, в период роста – 10-24 месяца. С наибольшим опозданием действуют инструменты фискальной политики (в частности использование налогов), что в значительной мере обусловлено продолжительностью законодательного процесса.

В современных условиях пандемия привела к серьезным изменениям в макроэкономической ситуации в большинстве стран. Все более строгие ограничения на деятельность приводят к снижению валового внутреннего продукта по всей Европе и США, в то время как экономическая активность медленно возвращается в норму в Китае и Южной Корее. Однако эти макроэкономические

показатели не отражают необычный характер текущей ситуации.

В условиях современного экономического кризиса траектория экономического роста (спада) является маловероятно прогнозируемой. Примечательно, что по состоянию на январь 2020 Международным валютным фондом (МВФ) был спрогнозирован рост мирового ВВП с 3% в 2019 году до 3,4% в 2020 году и до 3,6% к 2021 году [10]. Но сейчас все прогнозы резко изменились. Так, согласно базовому прогнозу Всемирного банка, в 2021 году ожидается сокращение мирового ВВП на 5,2% – этот спад в мировой экономике станет самым глубоким за многие десятилетия [9].

Вероятно, что следует ожидать наращивание темпов рецессионных процессов в глобальной экономике и соответственно дальнейшую корректировку (ухудшение) прогнозных сценариев экономического и социального положения стран. Однако важно понимать, что своевременные эффективные меры антикризисного регулирования позволяют уменьшить глубину кризисных процессов и минимизировать негативные социально-экономические последствия для общества.

Модель антикризисного государственного регулирования в различных странах в прошлые десятилетия в целом была направлена на стимулирование найма безработных и инвестирование. Однако сегодняшние реалии показывают, что ни снижение процентных ставок, ни формирование целевых стимулов не смогут заставить летать самолеты, эффективно работать организации сферы услуг, а главное, возобновить потребительский спрос до прежнего уровня. Важную роль в возобновлении экономической активности должна сыграть взвешенная целенаправленная адекватная политика в области здравоохранения.

Каждая страна имеет свои приоритеты в антикризисном регулирова-

нии. Однако кризис, вызванный распространением пандемии, сформировал общие черты проводимого антикризисного регулирования. Сейчас многие правительства благоразумно пытаются воспрепятствовать бережливости, убивающей потребление, что является типичным потребительским ответом на неопределенность. Более высокие государственные расходы и политические инициативы помогают поддерживать потенциал экономики, в том числе в частном секторе. Фирмы – это больше, чем просто финансовые и юридические лица. Волна банкротств нарушила многие деловые отношения и истощила некоторые накопления знаний, которые имеют решающее значение для сложной современной экономики. Снижая стоимость и увеличивая доступность кредита, политики могут предотвратить эту ненужную катастрофу.

Важно отметить, что и бизнес, и государство эффективно адаптируется к условиям, обусловленным распространением коронавирусной инфекции COVID-19, что отчасти связано с началом четвертой промышленной революции и активизации процессов цифровизации. Так, 83% бизнеса масштабировали «удаленную работу», 84% – ускорили цифровизацию, 50% – ускорили автоматизацию рабочих процессов [2]. Очевидно, что сейчас время для государственной активности, а не для фундаментализма свободного рынка. Тем не менее, поддержание доходов без соответствующего производства создаст потенциальную денежную проблему, избыток денег в экономике по сравнению с предложением вещей, которые можно купить на них. Согласно традиционной монетарной теории, этот дисбаланс приведет к росту цен. Однако, вспышка инфляции сейчас маловероятна, потому что деньги, которые нельзя потратить на недоступные вещи, такие, как обеды в ресторанах и приятные праздники, скорее будут сэкономлены, чем использованы для переби-

вания ставок других покупателей за то, что доступно. В целом, меры противодействия негативным социально-экономическим последствиям распространения COVID-19 во всех без исключения странах мира реализуются в рамках стабилизационной макроэкономической политики, которая включает социальную, денежно-кредитную, бюджетную и фискальную составляющие.

Антикризисные меры, рекомендованные Организацией экономического сотрудничества и развития, направленные на уменьшение экономических потерь от распространения COVID-19 включают следующие основные инструменты [11]:

- в социальной сфере: ресурсоснабжение медперсонала; поддержка уязвимых социальных слоев населения; изменение условий труда и организации рабочего места, в том числе обеспечение дистанционной формы выполнения трудовых функций; государственная поддержка в медицинском и социальном страховании;

- в налогово-бюджетной сфере: налоговые виды поддержки в обеспечении лекарственными препаратами, медицинским оборудованием и т.п.; налоговые каникулы для малого и среднего бизнеса; увеличение государственных расходов на медицинское финансирование и на меры поддержки бизнеса; активизация государственного инвестирования;

- в денежно-кредитной сфере: сдерживание инфляционных процессов, поддержка ликвидности национальной валюты; снижение процентных ставок и т.п.

- в странах Европейского Союза наиболее распространенными мерами антикризисного государственного регулирования являются [6]:

- активная государственная финансовая поддержка (безвозвратные гранты, льготные займы под низкие или нулевые процентные ставки, займы лик-

видности, облегчение доступа к внешнему финансированию через гарантии, отсрочка платежей по займам);

– специальные меры по поддержке стартапов (промежуточное финансирование, гарантии, ссуды, налоговые меры, поддержка ликвидности, прямые инвестиции в акционерный капитал и т. д.);

– фискальная поддержка в виде отсрочки сбора налогов и сборов, предоставление налоговых льгот;

– административная поддержка (повышение гибкости административных процедур, ослабление определенных ограничений, упрощение нормативных требований и разрешений, требуемых от предпринимателей);

– активизация государственных закупок, упрощение и ускорение процедуры госзакупок;

– временное снижение арендной платы и авансирование платежей поставщикам услуг;

– техническая помощь и другие вспомогательные консультационные услуги для местных экономических агентов.

В основе формирования любого антикризисного государственного регулирования лежит поиск причин возникновения кризисных явлений, а также перспектив охвата, глубины и направлений распространения последствий. Национальные и региональные последствия кризиса COVID-19 весьма неоднородны и имеют значительные последствия для управления кризисами и ответных мер политики. Мировой опыт показывает, что модели антикризисного регулирования, предоставляют различные потенциальные возможности для прогрессивных социально-экономических изменений. При этом, целесообразно выявить ключевые аспекты построения модели антикризисного государственного регулирования (рис. 1).

Рисунок 1 – Модель антикризисного государственного регулирования в условиях распространения Covid-19

Рисунок 2 – Сферы государственного антикризисного регулирования в период распространения COVID-19

Отечественные ученые подчеркивают, что ключевым условием успешности антикризисных мер должна стать социально-экономическая политика, направленная на поддержание платежеспособного спроса граждан и малого предпринимательства на продукцию, услуги крупного бизнеса [4, С. 60]. Таким образом, проводимое государством антикризисное регулирование требует использования широкого набора дополнительных инструментов для поддержки экономики: некоторые предназначены для компенсации сокращения спроса, а другие – для поддержки секторов, фирм и семей, которые наиболее пострадали от распространения Covid-19 (рис. 2).

Важным в реализации антикризисного регулирования сегодня является использование инструментов электронного правительства и цифровых инноваций для упрощения, гармонизации и ускорения практики государственных закупок. Также следует учитывать риск

чрезмерного рассредоточения финансирования в множестве небольших, но долгосрочных инфраструктурных проектов.

По нашему мнению, следует продолжить изучение процессов развертывания государственных антикризисных мер и оценки их результативности. Особое внимание целесообразно уделить изучению специфики среды, в которой используются эти меры, что даст возможность дальнейшего сравнения и сопоставления с условиями, которые свойственны экономике России. В отличие от других государств за последнее десятилетие российская экономика столкнулась со стагнацией и отсутствием роста реальных доходов. Россия вошла в кризис в худших по сравнению с другими условиями. Пандемия COVID-19 в России затронула порядка 4,17 млн компаний и ИП от общего числа 6,05 млн, то есть до 67% малых, средних и крупных предприятий и ИП [2]. Приоритет следует отдавать предотвращению закрытия больше-

го числа жизнеспособных малых и средних предприятий, предотвращению массовых увольнений и оказанию поддержки гражданам, оставшимся без источников дохода. При низком уровне долга правительство может увеличить объем заимствований, не рискуя подорвать долгосрочную макроэкономическую стабильность. Проблема в том, что у российских инвесторов, вероятно, будут ограниченные возможности для покупки государственных облигаций, в то время как иностранные инвесторы покидают Россию, поскольку они уже покинули другие развивающиеся рынки. Таким образом, мы считаем целесообразным, чтобы государство значительно расширило антикризисную программу, финансируя ее за счет средств ФНБ, внутренних резервов и заемных средств.

Заключение

Таким образом, в социально-экономической сфере правительства оказывают масштабную финансовую поддержку для защиты компаний, домашних хозяйств и уязвимых групп населения, объявив о крупных пакетах государственных инвестиций. В них приоритет отдается трем направлениям: укреплению систем здравоохранения; цифровизации; ускорению перехода к углеродно-нейтральной экономике. Современная экономическая реальность в условиях вызовов и ограничений, обусловленных Covid-19, подтверждает очень важный факт – развитие экономических теорий не является ни линейным, ни конечным. Это порождает необходимость обновления и актуализации теории антикризис-

ного государственного регулирования. Следовательно, антикризисное государственное регулирование – это особый тип регулирования экономики, при котором используются механизмы прогнозирования, диагностики и мониторинга кризисных явлений, применение методов и инструментов социально-экономической политики с целью снижения и нивелирования последствий кризиса для обеспечения устойчивого общественного развития. Это означает, что современная модель антикризисного государственного регулирования должна носить более гибкий и адаптивный характер, учитывать внутренние факторы влияния, национальные особенности и условия реализации, а также дифференциацию социально-экономических последствий влияний экономического кризиса, вызванного распространением Covid-19. Эффективная реализация антикризисных мероприятий должна осуществляться комплексно и согласованно со всеми составляющими экономической политики государства: ценовой, структурной, инвестиционной, социально-экономической и т.д. Кроме того, она должна основываться на принципе сотрудничества между ведомствами, муниципалитетами и регионами в стране, чтобы минимизировать разрозненные ответы и конкуренцию за ресурсы, в том числе в сфере закупок. Еще один ключевой фактор формирования современной теории антикризисного регулирования – это параллельная цифровизация государственных мероприятий, включая активизацию цифрового правительства.

Литература

1. Бобылева А.З., Львова О. А. Формирование системы стабилизационных и антикризисных мер на федеральном и региональном уровне в современной России // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. № 58, С. 54-82. doi: 10.24411/2070-1381-2016-00042 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-sistemy-stabilizatsionnyh-i-antikrizisnyh-mer-na-federalnom-i-regionalnom-urovne-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 26.03.2021).
2. Государственное регулирование в условиях COVID-19 Вып. 12 Минэкономразвития России, 26 октября 2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://economy.gov.ru/material/file/2655f6ef194267c79b1364ff50182d6d/gos_regulirovanie_v_usloviyah_covid19_v12.pdf (дата обращения: 26.03.2021).
3. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006. 493 с.

4. Измайлова М.А. Кризис 2020 года как индикатор социальной ответственности российского государства // Вопросы региональной экономики. 2020. № 3(44). С. 56-61.
5. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2008. 960 с.
6. Комитет регионов ЕС, Ежегодный региональный и местный Евробарометр ЕС. 2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cor.europa.eu/en/our-work/EURegionalBarometerDocs/4370-Barometer%20optimized.pdf> (дата обращения: 26.03.2021).
7. Мовчан И.В. Антикризисное управление как императив современной экономической политики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2015. № 4. С. 70-74.
8. Djuraskovic J., Radovic M., Konatar Radonjic M. The Controversies of Modern Macroeconomic Theory in the Context of the Global Economic Crisis // Journal of Central Banking Theory and Practice, Central bank of Montenegro, 2018. vol. 7(2), pp. 49-72. DOI: 10.2478/jcbtp-2018-0012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cbeg.me/repec/cbk/journal/vol7no2-3.pdf> (дата обращения: 26.03.2021).
9. Global Economic Prospects. Pandemic, Recession: The Global Economy in Crisis. Overview. June 2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/global-economic-prospects> (дата обращения: 26.03.2021).
10. IMF, World Economic Outlook, January 2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/01/20/weo-update-january2020> (дата обращения: 26.03.2021).
11. OECD, OECD Economic Outlook, Interim Report, March 2020, OECD Publishing, Paris [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.1787/16097408> (дата обращения: 26.03.2021).

УДК 657.6.012.16

Анализ и обобщение подходов к определению предмета экономической экспертизы

Д.А. Пименова, аспирант,
АНО ОВО Центрозоюза РФ, «Российский университет кооперации», г. Москва,
А.Е. Суглобов, профессор департамента аудита и корпоративной отчетности,
доктор экономических наук, заслуженный экономист Российской Федерации,
Т.Ю. Демина, доцент департамента экономической безопасности и управления рисками,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Учитывая опыт авторов, накопленный в результате производства и рецензирования экономических экспертиз, в статье предложены следующие вопросы для рассмотрения:

- *Что понимается под «предметом экспертизы»;*
- *Аккумулируем ведомственные подходы в определении предмета экономической экспертизы;*
- *Аккумулируем существенные подходы в определении предмета экономической экспертизы применимо к сфере интересов административного права, гражданского права и уголовного права при раскрытии экономических правонарушений;*
- *Предлагаем определение предмета экономической экспертизы по востребованным направлениям в расследовании экономических правонарушений.*

Предмет экономической экспертизы, предмет судебной экспертизы, эксперт.

Analysis and generalization of approaches to defining the subject of economic expertise

D.A. Pimenova, Ph.D. student, Russian University of Cooperation, Moscow,
A.E. Suglobov, Full Professor of the Audit and Corporate Reporting Department, ScD in Economics,
Honored Economist of the Russian Federation,
T.Y. Demina, Associate Professor at the Department of Economic Security and risk management,
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Taking into account the experience of the authors, accumulated as a result of the production and reviewing of economic examinations, the article suggests the following questions for consideration:

- *What is meant by the «subject of expertise»;*
- *We accumulate departmental approaches in determining the subject of economic expertise;*
- *We accumulate essential approaches in determining the subject of economic expertise applicable to the sphere of interests of administrative law, civil law and criminal law in the disclosure of economic offenses;*
- *We offer the definition of the subject of economic expertise in the areas in demand in the investigation of economic offenses.*

Subject of economic expertise, forensic subject, expert.

Понимание предмета судебной экспертизы является основополагающим прежде всего с точки зрения правильной трактовки процессуальных положений. Понимание предмета судебной экспертизы также является основой для раскрытия теоретических положений судебной экспертизы с точки зрения ее деления на классы, рода и виды, и разграничения сугевого наполнения понятий «предмет», «объект» и «задачи» судебной экспертизы.

Несмотря на то, что процессу-

альное законодательство указывает на необходимость четкого понимания всеми участниками процесса термина «предмет судебной экспертизы» с точки зрения его практического применения, сам термин законом не раскрыт. Так, в статьях УПК РФ, ГПК РФ и АПК РФ указывается на права эксперта в рамках предмета судебной экспертизы, а именно:

- согласно пп. 1 п. 3 ст. 57 УПК РФ эксперт вправе знакомиться с материалами уголовного дела, относящимися к предмету судебной экспертизы. Те же

положения предусмотрены и в п. 3 ст. 85 ГПК РФ, и п. 3 ст. 55 АПК РФ.

- в ст. 55 АПК РФ отсутствует слово «предмет», однако сохраняется общий смысл наделения эксперта правом знакомиться с материалами дела, относящимися к предмету экспертизы, установленным в УПК РФ и ГПК РФ, а именно: «Эксперт вправе с разрешения арбитражного суда знакомиться с материалами дела, участвовать в судебных заседаниях, задавать вопросы лицам, участвующим в деле, и свидетелям, заявлять ходатайство о представлении ему дополнительных материалов»;

- согласно пп. 3 п. 3 ст. 57 УПК РФ эксперт вправе участвовать с разрешения лица, назначившего экспертизу, в процессуальных действиях и задавать вопросы, относящиеся к предмету судебной экспертизы;

- согласно пп. 4 п. 3 ст. 57 УПК РФ эксперт вправе давать заключение в пределах своей компетенции, в том числе по вопросам, хотя и не поставленным в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования;

- согласно п. 2 ст. 205 УПК РФ эксперт не может быть допрошен по поводу сведений, ставших ему известными в связи с производством судебной экспертизы, если они не относятся к предмету данной судебной экспертизы.

В науке предмету судебной экспертизы уделялось существенное внимание в научных трудах Л.Р. Шляхова, Ю.К. Орлова, Н.А. Селиванова, Ю.Г. Корухова, Т.В. Аверьяновой, Е.Р. Росийской и др. [1,4,16,17,18,21].

Вместе с тем единой трактовки понятия «предмета судебной экспертизы» нет и в науке. Так, в научных трудах понятие предмета судебной экспертизы отождествлялось с:

- обстоятельствами дела, подлежащими установлению с помощью специальных познаний (объект экспертизы);
- информация, нашедшая отра-

жение / записанная на материальных носителях (как бумажных, так и электронных), и представленная на экспертизу в качестве объектов исследования;

- решаемыми судебной экспертизой задачами;

- методами и методиками проведения исследования в процессе решения поставленных в экспертизе задач.

Все вышеперечисленное, по мнению авторов, связано с теми вопросами, которые поставлены перед экспертом. В зависимости от фактов (обстоятельств), установление которых необходимо правоприменителям для доказывания в рамках процесса, формулируются вопросы судебной экспертизы. Поставленные вопросы позволяют правильно определить правоприменителем класс, род и вид судебной экспертизы для очерчивания границы компетенции эксперта, решающего узкие задачи. Эксперт, обладающий специальными познаниями в области решаемых задач, на основе своих знаний и опыта выбирает методы и методики проведения исследования, всесторонне и объективно раскрывающие фактические обстоятельства, подлежащие установлению в судебной экспертизе.

Таким образом, с практической точки зрения предмет судебной экспертизы определяется вопросами правоприменителя с целью установления обстоятельств дела, подлежащих доказыванию на основе материалов дела с применением специальных познаний эксперта.

Принятое определение предмета судебной экспертизы опирается на объект экспертизы и экспертного исследования и на содержание вопросов, поставленных правоприменителем на экспертизу.

Придерживаясь приведенных выше трактовок предмета судебной экспертизы, авторами рассмотрен вопрос анализа и обобщения различных подходов к определению предмета экономической экспертизы.

Во-первых, необходимо вспомнить, что экономическая экспертиза является классом экспертных исследований. Согласно положениям Федерального закона № 73-ФЗ от 31 мая 2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и УПК РФ, вопросы, решаемые в процессе ее производства, требуют применения специальных познаний в области экономики. В ходе назначения судебно-экономической экспертизы правоприменитель раскрывает механизм совершения правонарушения, а эксперт, используя свои специальные познания, на основе оперируя представленными материалами дела (информации, отраженной в материальных носителях и представленной в качестве объектов исследования), производит исследование с целью получения абсолютных либо относительных, величин, устанавливающих категоричные либо условные выводы о механизме конкретного правонарушения. Эксперт обосновывает свои выводы законодательно. Результатом исследования является заключение судебной экономической экспертизы. Выводы эксперта, полученные по результатам исследования, не могут быть оформлены иным документом, кроме заключения эксперта. Заключение эксперта используется лицом, назначившим экономическую экспертизу, уже в качестве доказательства в процессе арбитражного, гражданского или уголовного дела [7].

С точки зрения тождества предмета с объектами исследования предметом экономической экспертизы могут являться материальные носители информации такие как: первичные документы, аналитические и синтетические регистры, бухгалтерская, управленческая или финансовая отчетность, выгрузки электронных данных из сертифицированных информационных программ. К предмету исследования также могут относиться и протоколы допросов и черновые записи, в случае если правоприменитель призна-

ет указанную информацию достоверной и непосредственно относящейся к решению поставленных задач. Главными требованиями к предмету исследования являются их материальная природа и связь с устанавливаемыми фактами (обстоятельствами) дела.

Однако, рассмотрим подход к определению предмета экономической экспертизы как «сутового» элемента исследования. В принципе, можно говорить, что предмет экономической экспертизы – это «атом» в структуре вида экспертизы. Что может быть предметом? А предметом могут быть:

- финансовые операции,
- аналитические показатели,
- процесс отражения в учете и

формирования отчетности, да в общем, любые конкретные факты экономической деятельности, требующие экспертного анализа.

Предмет исходит из задач, поставленных в экспертизе с учетом особенностей исследования в рамках экономических правонарушений. В целом определение предмета экспертизы носит довольно субъективный характер в зависимости от выбранного подхода к исследованию объекта оценки. По данной причине необходимо определить основной критерий выбора подхода и методологическую базу – задачи экспертизы.

Экспертные задачи сопряжены с необходимостью привлечения специалистов, обладающих специальными познаниями в разных областях экономики, при обязательном условии наличия соответствующей компетенции и знания особенностей производства экспертизы, то есть мыслить как правоприменитель, и понимать специфику механизма анализа объекта для проведения экспертизы.

Такого рода специалисты работают как в специализированных государственных судебно-экспертных учреждениях, так и в частном секторе (жесткого круга квалификационных ограничений для возможности стать экспертом в зако-

нодательстве не установлено).

Так, государственная судебно-экспертная деятельность в России регламентируется следующими ведомствами:

- Министерстве юстиции Российской Федерации,
- Министерстве внутренних дел Российской Федерации,
- Министерстве обороны Российской Федерации,
- Министерстве здравоохранения Российской Федерации,
- Министерстве чрезвычайных ситуаций Российской Федерации,
- Федеральной службе безопасности Российской Федерации,
- Федеральной таможенной службе Российской Федерации,
- Следственном комитете Российской Федерации.

Каждая из указанных государственных судебно-экспертных систем функционирует по профилю своей деятельности. К негосударственным судебно-экспертным учреждениям относятся некоммерческие организации, основанные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и Федеральным законом от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»:

- некоммерческие партнерства,
- автономные некоммерческие организации,
- а также частные учреждения.

Почему для определения предмета экспертизы важно очертить круг субъектов проведения экспертизы? В связи с выделением одного из подходов к анализу предмета экспертизы – ведомственный подход предмета рода экспертизы.

Классификация экспертиз возможна по нескольким уровням:

- высший уровень – класс экспертиз, базирующийся на определении отрасли специальных познаний,
- далее – род и вид экспертиз, характеризующиеся используемыми ме-

тодами и объектами исследования;

- более детальное деление возможно на подвиды экспертиз в случае возможности выделения конкретных методов и объектов исследования.

Так в экономическом классе экспертиз выделяют такие рода экспертиз как бухгалтерская, финансово-экономическая, стоимостная и налоговая (возможны иные авторские варианты). В каждом виде экономической экспертизы могут быть выделены виды экспертиз, например, в финансово-экономической экспертизе такими видами являются кредитная и аналитическая экспертизы. Подвиды, к примеру, кредитной экспертизы могут разделяться на финансовые инструменты, с помощью которых совершены противоправные действия (наличные деньги, деньги на расчетных счетах, ценные бумаги и т.д.).

На законодательном уровне ведомств, осуществляющих экспертную деятельность, четко определены рода (виды) экспертиз, которые выполняются в данных учреждениях. Исчерпывающая характеристика задач, решаемых в том или ином роду (виде) экспертиз и позволит определить предмет рода экспертизы, а значит и квалификационные требования к компетенции эксперта по данному роду экспертиз. Так в законодательно утвержденных перечнях родов (видов) экспертиз, выполняемых в судебно-экспертных учреждениях МВД России, Минюста России и Следственного комитета РФ, предусматриваются [2,8,14,15]:

- бухгалтерская экспертиза;
- финансово-кредитная экспертиза;
- финансово-аналитическая экспертиза;
- налоговая экспертиза;
- оценочная (стоимостная) экспертиза.

В зависимости от рода (вида) экспертиз выделяют следующие предметы экономической экспертизы:

– предметом бухгалтерской экспертизы является исследование данных, содержащихся в записях бухгалтерского учета;

– предметом финансово-аналитической экспертизы является исследование финансового состояния;

– предметом финансово-кредитной экспертизы является исследование соблюдения принципов кредитования;

– предметом налоговой экспертизы является исследование исполнения обязательств по исчислению налогов и сборов;

– предметом оценочной (стоимостной) экспертизы является исследование фактических данных с целью определения стоимости имущества.

Стоит отметить, что такой закрытый перечень предметов исследования экспертов-экономистов государственных экспертных учреждений весьма ограничен.

За решением экспертных задач, которые выходят за пределы компетенции экспертов, работающих в государственных экспертных подразделениях Российской Федерации, заинтересованные лица вынуждены обращаться к экспертам негосударственных учреждений судебных экспертиз или вообще к частным экспертам.

Таким образом, следует рассмотреть более широкий подход к анализу предмета экспертизы – сущностный подход.

Так, обратимся, в общем, к сфере интересов административного права, гражданского права и уголовного права при раскрытии экономических правонарушений. В зависимости от вида правонарушения, находящегося в производстве (мошенничество, хищение, кража, криминальное банкротство или злоупотребление полномочиями в сфере предпринимательской деятельности), а также с учетом типа субъекта, в отношении которого проводится расследование

(предпринимательский сектор экономики, государственный сектор экономики, банковская сфера), экономические расследования включают:

– правонарушения в сфере административного права

- глава 14 Кодекса РФ об административных правонарушениях «Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций»;

- глава 15 Кодекса РФ об административных правонарушениях «Административные правонарушения в области финансов, налогов и сборов, страхования, рынка ценных бумаг, добычи, производства, использования и обращения драгоценных металлов и драгоценных камней».

- правонарушения в сфере гражданского и уголовного права

- раздел VIII Уголовного кодекса РФ «Преступления в сфере экономики»

- глава 21 «Преступления против собственности»;

- глава 22 «Преступления в сфере экономической деятельности»;

- глава 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях».

В современной преступной практике в качестве способа совершения экономических преступлений выступает:

- умышленное сокрытие преступником достоверной финансовой информации, манипуляции с финансовой отчетностью;

- взяточничество и коррупция;

- превышение должностных полномочий вопреки законным интересам коммерческой или иной организации и нанесение вреда данной организации либо другим лицам;

- безвозмездный вывод активов, который ведет к уменьшению имуществ-

венной массы (незаконное присвоение активов);

– неэквивалентное для предприятия отчуждение активов и искусственное занижение/завышение стоимости актива;

– проведение операций, результатом которых является замещение ликвидных активов на неликвидные активы;

– мошенничество в сфере закупок;

– выдача заведомо невозвратных кредитов (займов) лицам, предоставившим в качестве подтверждения своей кредитоспособности отчетность либо иные оправдательные документы с искажениями;

– невыплата (выплата меньшей суммы) стоимости доли в уставном капитале.

Учитывая потребности в расследовании экономических правонарушений по востребованным направлениям, авторы предлагают выделить следующие предметы экономической экспертизы:

- по направлению расследования бухгалтерских правонарушений

• установление фактов не отражения или подлога первичных бухгалтерских документов,

• установление фактов искажения в бухгалтерском учете отражения хозяйственных операций,

• установление фактов искажения в бухгалтерской, управленческой и финансовой отчетности,

• установление фактов несоответствия отражения операций действующим нормам законодательства,

• моделирование (приведение) бухгалтерского учета и финансовой отчетности к достоверным показателям путем исключения искаженных данных;

- по направлению расследования в сфере финансов

• установление негативных отклонений в фактических показателях, характеризующих приобретение, распре-

деление и расходование активов, доходов и иных благ организации, способствовавших нарушению финансовой политики и приведению к неудовлетворительному финансовому состоянию;

• отслеживание денежных потоков с высоким фактором риска (легализация (отмывание) денег и иного имущества, полученного преступным путем);

• отслеживание ключевых факторов риска в процедуре закупок (в том числе оценка благонадежности контрагентов);

- по направлению расследования финансово-кредитных правонарушений

• установление фактов отклонений в сфере финансирования и кредитования, в том числе необоснованного образования и расходования денежных фондов, одобрение кредита неплатежеспособному заемщику, а также несвоевременное обслуживание собственных кредитов;

• установление фактов противозаконного ведения банковской деятельности;

- по направлению расследования налоговых правонарушений

• установление фактов искажения в налоговом учете;

• отслеживание ключевых факторов риска по затратам компании на расчеты с контрагентами (в том числе расчетам с завышенным ценником либо фиктивным расчетам);

• установление фактов несоответствия расчета налога действующим нормам законодательства;

- по направлению расследования в сфере оценочно-стоимостных правонарушений [6]

• установление фактов искажения стоимости активов и обязательств. В качестве активов и обязательств рассматриваются объекты гражданских прав, в отношении которых законодательством Российской Федерации уста-

новлена возможность их участия в гражданском обороте. К ним могут относиться как материальные объекты (вещи либо имущество), так и нематериальные объекты (имущественные и неимущественные права, информация, работы и услуги, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность)).

Подводя итог, нельзя утверждать

о наличии четких законодательно установленных подходов к определению предмета экспертизы. Нет единого подхода и в экспертных кругах. Авторами сделана попытка представить подходы к определению предмета экономической экспертизы на основе анализа и обобщения законодательства в сфере экономических правонарушений, законодательства в сфере регулирования экспертной деятельности, а также экспертной практики.

Литература

1. Аверьянова Т.В., Россинская Е.Р. Энциклопедия судебной экспертизы. М.: Юрист, 1999. 335 с.
2. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». 2019. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55315/ (дата обращения: 21.05.2021).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». 2019. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 21.05.2021).
4. Корухов Ю.Г. Криминалистическая диагностика для экспертов: науч.-практ. Пособие: М.: РФЦСЭ, 2007. 227 с.
5. Мусин Э.Ф. Судебно-экономическая экспертиза в уголовном процессе: учеб. пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2017. 273 с.
6. Новикова Т.Ю. Востребованность оценочной экспертизы в системе МВД России // Вопросы региональной экономики. 2016. № 3 (28). С. 138-141.
7. Новикова Т.Ю. Эволюция экспертных задач в условиях трансформации механизмов совершения экономических преступлений // Вопросы экспертной практики. 2019. № S1. С. 475-478.
8. О внесении изменений в приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации»: приказ МВД России от 18.01.2017 № 15 [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». 2017. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215539/ (дата обращения: 21.05.2021).
9. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». 2019. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения: 21.05.2021).
10. О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». 2019. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 21.05.2021).
11. О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе: пост. Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 23 от 04 апр. 2014 г [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». 2014. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162155/ (дата обращения: 21.05.2021).
12. О судебной экспертизе по уголовным делам: пост. Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 28 от 21 дек. 2010 г. [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «ГАРАНТ». 2010. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12081630/> (дата обращения: 21.05.2021).
13. О судебной экспертизе по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16.03.1971 N 1 [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». 1971. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=5702> (дата обращения: 21.05.2021).
14. Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России: приказ Минюста России от 27 дек. 2012 г. № 237 [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». 2018. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_141682/ (дата обращения: 21.05.2021).

15. Об утверждении Порядка определения, пересмотра уровня квалификации и аттестации экспертов федерального государственного казенного учреждения «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» на право самостоятельного производства судебных экспертиз: приказ СК России от 24.07.2020 № 77 [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». 2020. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_359829/ (дата обращения: 21.05.2021).
16. Орлов Ю.К. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве: учебное пособие. М.: Судебная экспертиза: общие понятия, 2004. Вып. 2. 23 с.
17. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма, 2006. 656 с.
18. Селиванов Н.А. Спорные вопросы судебной экспертизы // Соц. законность. 1978. № 5. С. 63-66.
19. Словарь основных терминов судебных экспертиз. М.: ИПК РФЦСЭ, 2007. С. 71.
20. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». 2017. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/ (дата обращения: 21.05.2021).
21. Шляхов А.Р. Судебная экспертиза: организация и проведение. М., 1979. 8 с.

УДК 332.025

Определение целевого состояния цифровизации системы управления муниципальной собственностью (на примере города Перми)

Е.В. Рожков, соискатель кафедры экономики предприятий,
Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Актуальность темы статьи, изучаемая автором, бесспорна. Исследование автора основано на необходимости применения цифровизации в процессах по управлению муниципальной собственностью, как это происходит в разных странах являющимися лидерами в развитии муниципалитетов. Статья преследует цели показать необходимость применения современных процессов в управлении городской собственностью, необходимость доверять людям, проживающим в границах города и которые хотят, чтобы местные органы власти прислушивались к их мнению.

Муниципальная собственность; цифровизация.

Determination of the target state of digitalization of the municipal property management system (using the example of Perm city)

E.V. Rozhkov, Applicant, Department of Economics of Enterprises of FSBUVO,
Ural State University of Economics (Ural State Economic University), Yekaterinburg

The relevance of the topic of the article studied by the author is undeniable. The author's study is based on the need to apply digitalization in municipal property management processes, as is the case in different countries as leaders in the development of municipalities. The article aims to show the need to apply modern processes in the management of urban property, the need to trust people living within the boundaries of the city and who want local authorities to listen to their opinions.

Municipal property; digitalization.

1. Введение

В последние годы, мировыми учёными, стали обсуждаться проблемы создания стоимости для развивающихся стран при взаимодействии с глобальными цифровыми платформами, в том числе и вопросы создания стоимости государственного и муниципального имущества при их цифровизации. Цифровая революция, прошедшая в развитых зарубежных странах, позволила крупным городам во всём мире не только создать стоимость, но и создать предпосылки к её удержанию, чтобы потенциал цифровой экономики мог быть использован для всех. В мировой экономике сложились несколько основных моделей управления собственностью [54; 57; 65], к которым относятся: европейская, немецкая, англо-американская и китайская [47] и они показывают, что эффективность управления муниципальной собственностью [59; 60] заложена в национальной и истори-

ческой особенности того или иного государства [65].

В XXI веке новые крупные и современные города с применением цифровизации в управлении городской собственности строятся в основном в странах Азии, среднего и ближнего Востока [53]. В странах ЕС уже реализуются наукоемкие высокотехнологические НИ-ОКР, которые являются наиболее актуальными исходя из существующей необходимости, и автором статьи сделана попытка разобраться на примере города Перми, на сколько, рост стоимости муниципальной собственности является актуальным критерием в оценке эффективности процессов цифровой трансформации в системе муниципального управления.

Для увеличения стоимости государственного имущества в цифровой экономике в России используются цифровые данные и цифровые платформы,

которые способствуют собирать, использовать и анализировать большое количество машиночитаемой информации – цифровых данных [52]. Также, использование цифровых платформ позволяет устанавливать связь между множеством сторон для взаимодействия в Интернете. Рост цифровых платформ в отдельно взятом муниципальном образовании, связан с способностью собирать и анализировать цифровые данные о собственности, об имуществе и как они позволяют повысить их стоимость. Муниципальные образования во многом лучше подготовлены к решению имеющихся проблем по повышению стоимости муниципального имущества, и связанных с этим ролью цифровых платформ, на которых собираются все данные, чем те муниципальные образования, которые имеют ограниченные возможности. Ограниченная готовность может быть связана, как и с обеспечением Интернета, нехваткой соответствующих кадров, с технологическими [18] и финансовыми аспектами (регулирующие ведомства стремятся снизить дотационную бюджетную поддержку муниципалитетов) [14], так и с недостаточностью нормативно-правовой базы. В настоящее время нормативно-правовая база по управлению муниципальной собственностью не достаточно доработана [25] и требует изменений, и сегодня она не представляется критерием роста стоимости муниципальной собственности как оценкой процессов цифровой трансформации [38] системы муниципального управления.

Задача исследования состоит в выявлении сущности публичного управления муниципальной собственностью. Теоретико-методологическая актуальность данной работы заключается в том, что экономистами не рассматривается вопрос публичности при управлении имуществом муниципального образования как приоритетным в современных реалиях.

Недостаточность разработки данных вопросов предопределили актуальность, практическую значимость проблемы и задачи, которые авторы обозначили в статье. Данная цель определила необходимость решения следующей задачи: выявить сущность управления городской собственностью как современного экономического процесса и определить состояние системы управления муниципального имущества при цифровизации. Новизна статьи состоит в определении правового регулирования образующихся экономических отношений и важности методического подхода к решению образующихся проблем при публичном управлении муниципальной собственностью.

2. Обзор литературы

Вопросы, связанные с публичным управлением муниципальной собственностью, изучались такими учёными как: Земсковой И.А. [17], Князевым М.Н. [23], Мамбетоморовым А.А. [28], Митрофановой И.В. [33] и др.

Информационно – коммуникативная инфраструктура позволяет позиционировать систему публичного управления не как централизованную иерархию, а как сетевую организацию властно-административных единиц, связанных друг с другом системой горизонтальных связей, подотчётных и прозрачных для граждан [32; 47]. Метлицкий Р.Л. рассматривает публичное управление муниципальной собственностью в виде общественного контроля и соответствующего протестного поведения. Под самим протестом понимается форма участия в управлении и оценке обсуждаемого вопроса [30].

Считается, что вовлечение граждан в процесс управления государством теоретически должно повышать доверие к органам государственной власти и местного самоуправления, а также, обеспечивать устойчивое развитие общества [61; 64].

Абрамова О.Г. изучает переход от традиционной модели управления собственностью на более гибкую – публич менеджмента (PM). Определено, что произошли значительные изменения в обществе и отношениях «правительство – общественность», применяемость «парадокса Нейсбита» и концепции «предпринимательского правительства». Представлено, что современный подход к реформированию органов публичной власти акцентирован на способностях быть более чувствительными к индивидуальным предпочтениям гражданина-пользователя [1].

Игнатьева О.А. и Плетнев А.В. рассматривают в городе Москва существующие на технологическом уровне механизмы привлечения рядовых граждан, на примере приложения «Активный гражданин» [19].

В Испании, в соответствии с Законом «Об общей административной процедуре государственной администрации», применяемом, как в отношении правительства, администрации автономных сообществ, местной администрации с одной стороны, так и физических лиц с другой стороны, а также несовершеннолетних граждан, которые вправе осуществлять свои права. А реализация процедурных правоотношений осуществляется через институт представительства заинтересованных лиц [39].

Административная реформа России полагает внедрение принципов «нового публичного управления» [11]. Общая характеристика муниципального образования город Пермь. Город Пермь (городской округ) является краевым центром Пермского края. Общая площадь – 799,68 кв.м., протяжённость вдоль реки Кама – 70 км. (третье место в России, уступает только С-Петербургу и Сочи) и ширина – до 40 км. По состоянию на 01.01.2020 года на территории города постоянно проживает – 1 055 400 человек (четырёхнадцатое место в России). Большая часть городских жителей региона

проживает в городе Перми[31]. В составе муниципального образования объединены 7 внутригородских районов, ЗАТО «Звёздный» и посёлок Н. Ляды (в составе Свердловского района) и подчинены два сельских населённых пункта – станция «Адищево» и «Казарма 30 км». 49% территории города Перми занимают парки, лесопарки, скверы, бульвары и городские леса (1 место в России по таким трём группам показателей как: доступность лесов, формирования комфортной городской среды и устойчивости).

Несмотря на то, что город Пермь участвует в реализации нескольких национальных проектов («Жильё и городская среда», «Безопасные и качественные автомобильные дороги», «Демография» и «Культура»), их осуществление не возможно только по указанию «сверху – вниз» и организацией работы только на муниципальном уровне – органами местного самоуправления, а имеется необходимость принимать во внимание и мнение местных жителей.

Автор статьи рассматривает развитие города Перми, как развитие Пермской агломерации с учётом стратегического планирования в градостроении. Особую роль развития города в этом плане играют крупные проекты, которые дают возможность получить дополнительное финансирование из федерального бюджета [5].

Также, необходимо отметить, что виды муниципальной собственности определены ч. 3 статьи 215 Гражданского Кодекса Российской Федерации, а именно: муниципальные предприятия, муниципальные учреждения, средства местного бюджета и иное муниципальное имущество, не закреплённое за муниципальными предприятиями (МП) и муниципальными учреждениями (МУ) [20, С. 149]. Некоторые учёные дают разные определения понятию «управление муниципальной собственностью». Например, Катов В.В. [23, С. 21], даёт следующее определение: «управление

муниципальной собственностью» – это управление деятельностью в интересах местного сообщества, связанное с установлением правил, условий использования муниципального имущества с учётом общественных ценностей [22, С. 21].

В соответствии с муниципальной программой «Управление муниципаль-

ным имуществом города Перми», местными органами власти реализуются поставленные перед ними задачи. Результаты по реализации этой программы за последние годы представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты программы «Управление муниципальным имуществом города Перми»*

№ п/п	Наименование цели программы, подпрограммы, задачи, показатели конечного результата	Ед. изм.	2019	2020	2021	2022
					(в плане)	(в плане)
1	Доля имущества, находящегося в реестре муниципального имущества города Перми	%%	96,4	96,2	96,2	96,2
2	Объём задолженности в бюджет города Перми по арендной плате за имущество (без учёта пени и штрафов)	млн. руб.	125,2	124,0	105,4	89,6
3	Площадь пустующих помещений находящихся в составе имущества муниципальной казны	тыс. кв. м.	200,5	232,7	-	-
4	Снижение площади пустующих помещений, находящихся в составе имущества муниципальной казны более 1 года, на 15% ежегодно	тыс. кв. м.	-	-	192,9	163,9
5	Процент снижения расходов на содержание и обслуживание объектов нежилого муниципального фонда	%%	-	-	10	10

*Источник – Составлено автором по данным

Как видно из данных представленных в таблице 1, управление муниципальным имуществом ведётся не на идеальном уровне, имеются недостатки, а именно: доля имущества, находящегося в реестре муниципального имущества, за последние годы не достигает 100%; объём задолженности в бюджет по арендной плате за имущество (без учёта пени и штрафов) в 2020 году снизился по сравнению с 2019 годом на 1,2 млн. руб. (0,99%); в 2020 году, площадь пустующих помещений находящихся в составе имущества муниципальной казны составляла 232,7 тыс. кв. м., и по сравнению с 2019 годом произошёл рост на 32,2 тыс. кв. м. (+ 16%).

Также, учитывается и другое муниципальное имущество. Количество общедоступных муниципальных библиотек год от года не изменяется и составляет 41-42 шт. в 2015-2018 годах. Кроме того, в состав муниципальной собственности входят: 29 МАУ учреждений культуры и дополнительного образования; 29 МАУ учреждений физической культуры, детско-юношеских спортивных школ и дополнительного образования; 133 школы; 18 МАУ ДО; 31 МУ и МКУ. Также, увеличивается количество детских садов и соответственно мест в них (в 2019 году + 1000 мест, в 2020 году + 1187), не только за счёт строительства новых (в 2021 + 435 места, в 2022 году + 450 мест) и реконструкции имеющихся (в 2022

году + 200 мест), но и за счёт передачи зданий детских садов в муниципальную собственность (в 2020 году, ПАО «Ростелеком» передало в собственность Администрации города Перми – два детских сада, ранее находящихся в собственности компании. Также, строительные организации, такие как: «Орсо групп», «Девелопмент-ЮГ», «КОРПРОС-Пермь» и «ПЗСП» при строительстве детских садов в районах массовой застройки передают их в собственность муниципалитета).

Площадь земель в границах муниципалитета оставалась неизменной в 2015-2017 годах и составляла 70,95 тыс. га, но в 2018 году площадь уменьшилась и составила 70,82 тыс. га. В основном это было связано с переходом земельных участков в частную собственность. Департаментом земельных отношений города Перми проводятся аукционы на право заключения договоров аренды земельных участков (под жилые дома, коммерческую недвижимость и индивидуальное жилищное строительство). На 01.04.2020 года земельные участки Перми находятся по 2661 адресу. На

01.09.2019 года было заключено 3407 договоров аренды с юридическими лицами и 2011 договоров аренды с физическими лицами на общую сумму платежей в год – 93 млн. 580 тыс. руб. за 11,4 млн. кв. м. Также, за 1 полугодие 2020 года, Администрацией города Перми и собственниками земельных участков подписано 62 договоров об их изъятии и соответственно строений, находящихся на них в муниципальную собственность.

Продажа муниципального имущества осуществляется на основании решения Пермской городской Думы и проводится на аукционе в электронной форме (электронная площадка – универсальная торговая платформа ЗАО «Сбербанк-АСТ»). Сейчас происходит внесение изменения в генеральный план по развитию территорий, которые проходят публичные слушания и общественные обсуждения, предусматривающие изменения, путём использования интернет ресурса доступного для населения.

Информационная система учёта имущества администрации города Перми представлена в таблице 2.

Таблица 2 – Информационная система Департамента имущественных отношений*

Наименование ИС	Цели создания ИС	Принадлежность	Ведомственная принадлежность
муниципальная информационная система персональных данных департамента имущественных отношений администрации города Перми «Автоматизированная информационная система управления муниципальным имуществом «SAUMI»	автоматизация и оптимизация управления основными видами деятельности департамента имущественных отношений: ведение имущественного реестра движимого и недвижимого имущества, ведение реестра договоров аренды, купли-продажи, безвозмездного пользования, концессионных соглашений, автоматизация учёта начислений и платежей по договорам	муниципальная	ведомственная

* Источник: Составлено по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю.

В таблице 2 представлены данные по муниципальной информационной системе персональных данных «Автоматизированная информационная система

управления муниципальным имуществом «SAUMI».

Цифровая трансформация системы муниципального управления при-

звана создавать качественно новую систему оказания муниципальных услуг, повысить результативность и эффективность деятельности публично-правовых преобразований; оптимизировать бюджетные расходы на реализацию муниципальных функций и т.д. [29]. Следовательно, при управлении муниципальной собственностью логично будет применять программно-целевое управление [12] и создать технологическую платформу (в противовес классической цепи создания стоимости) [36]. Соответственно, при её создании (технологической платформы) необходимо будет учитывать не только сбор и внесение данных, но и превращение данных в информационные продукты с добавленной стоимостью, а держателем технологий (ядром платформы) будет местный муниципалитет.

3. Методы исследования

В исследовании были осуществлены сбор, анализ, синтез и обработка данных и использовался метод наблюдений, в рамках которого было определено, какие цели необходимо достичь, какие явления и процессы необходимо достичь при публичном управлении муниципальной собственностью. Проведён анализ собранной информации, согласно которому, было определено о необходимости применения программно-целевого подхода для сбора информации. При программно-целевом подходе выявляется проблема, затем цель, предполагающая решение и соответственно задачи её решения. На основании поставленных задач разрабатывается примерная программа и мероприятия по её реализации, подтверждающиеся соответствующими бюджетными расходами. Завершающим этапом будет контроль реализованных мероприятий на разных этапах [10] (планирование, выделение бюджетных средств, реализация первой части, второй части и завершающей части запланированных мероприятий).

В городе Перми реализация программы «Умный город» находится под личным контролем руководства, к основным подпрограммам которой относятся:

1. Цифровая платформа «Активный горожанин» по вовлечению жителей к решению вопросов городского развития.
2. «Цифровой двойник» города [40];
3. «Умное» ЖКХ;
4. Умный городской транспорт.

Управлять этой программой целесообразно в методологии системного подхода, рассматривающей её в контексте устойчивого развития, как сложную, социальную и динамическую структуру. При этом следует применять такие основы организации управления, как: реализация потенциала коллективного интеллекта на основе данных в распределённых человеко-машинных цифровых системах и т.д. [27]. Принимая это во внимание, в исследовании, к расчёту уровня экономического роста и оценке его качества можно применить социальный подход. Социальный подход - рассматривает качество роста как повышение качества жизни.

4. Результаты исследования Световая среда

С каждым годом, появляются всё новые подходы в области светового дизайна для развития смарт-города. И сама сфера освещения городской среды становится площадкой для работы не только световых дизайнеров, но и учёных, исследователей и IT-специалистов. В особенности, жителями города Перми обращается внимание на новогоднее городское украшение – освещение и подсветка различными светоиллюминационными элементами (украшение новогодних ёлок в разных районах города, подсветка зданий муниципальных учреждений и жилых домов, установка светового фонтана, украшения в виде освещения городских арок и фонарных столбов и т.д.).

Жилищная сфера

При реализуемых экономических процессах в нашей стране, соответственно происходит изменение и в сфере ЖКХ [31; 2]. Но, потребители услуг ЖКХ, а это все жители города, ощущают лишь ежегодное повышение их стоимости (на уровне инфляции в соответствии с «тарифной политикой»), а надёжность снабжения ресурсами остаётся на прежнем, не высоком, уровне. И когда речь заходит о необходимости замены приборов учёта на более дорогие, современные и «интеллектуальные», у населения это отражается в виде негативной реакции.

Энергоснабжение. В настоящее время на территории города Перми функционируют несколько источников электрической энергии (ПАО «РусГидро» и ПАО «Т Плюс») и несколько подстанций ПС 220 кВ. Сбыт электрической энергии осуществляет ПАО «Пермская энергосбытовая компания».

Дороги и транспорт

Департамент дорог и благоустройства города Перми занимается организацией дорожной деятельностью в отношении автомобильных дорог местного значения на территории города Перми и обеспечение безопасности дорожного движения. Уже сегодня приходится внедрять проекты интеллектуальных городских дорог и в первую очередь под этим подразумевается информация о дорожном движении в режиме реального времени.

Например, встроенные микросхемы в шинах могут передать информацию датчикам, установленным на дорогах, что поможет отслеживать транспортные потоки и соответствующим образом управлять ими. Ремонт и строительство дорог в городе Перми производится в соответствии с нацпроектом «Безопасные и качественные автомобильные дороги».

После публичных слушаний, департаментом градостроительства и архитектуры города Перми было подписано

заключение о продлении ул. Крисанова (от ул. Пушкина до ш. Космонавтов) и расширении ш. Космонавтов на участке дороги у центрального рынка в срок до 2023 года. Всего в 2020 году произведён ремонт на 21 объекте улично-дорожной сети общей площадью 228,6 тыс. кв. м. По качеству строительства и ремонту дорог, а также уборке дорог жители Перми обращаются в местные органы власти через соцсети – в Центр управления региона (всего, в границах города – 2695 улиц, бульваров, шоссе, проездов и заездов). Кроме того, при реализации проекта «Зелёное кольцо» (развитие долин малых рек, включая обустройство общей структуры кромочных улиц), проекты всех документов проходят обсуждение и воркшопы с местным населением близлежащих жилых домов на территории прилегающих микрорайонов.

Также, учитывая особое внимание населения к развитию городского беспилотного транспорта [9; 48; 51; 52; 53; 55] необходимо учитывать потребность в нём. Или, например, при рассмотрении возможности строительства (установки) эстакадного моно-транспорта от центра города до Международного аэропорта «Большое Савино».

Инновации и цифровые технологии

Вплоть до последнего времени, в нашей стране, развитие малого инновационного предпринимательства в российской экономике находилось в неблагоприятных условиях в течение многих лет, когда основное внимание государство уделяло добывающим отраслям [13]. Принято считать, что с экономической точки зрения в нашей стране реализуется рыночная система хозяйствования рынка, а следовательно, всё большую значимость для сферы услуг приобретает инновационное развитие экономики [26].

Производителям современных технологий необходимо непрерывно держать руку на пульсе и следить за новейшими разработками в своём и смеж-

ных сегментах [3] и этим компаниям необходимо самим формировать рынок спроса, путём рекламирования своей продукции, участия на конференциях и выставках [58]. Преобладание малого и среднего частного бизнеса создаёт благоприятные условия для внедрения новых эффективных цифровых технологий, которые способствуют развитию как экономики регионов в общем, так и муниципального образования, в частности. А задача государства сводится к ликвидации барьеров и созданию условий для роста и развития [4].

Цифровизация городов России сталкивается с проблемой внедрения на их территории локальных цифровых сервисов (сервис доставки еды (Delivery-Club), сервис такси (Яндекс-такси, Gett), сервис доставки товаров (DPD, TNT), информационное сопровождение городских активностей (Afisha, Timerpad)). Цифровизация является условием обеспечения социального благополучия, реализации новых стартапов, разработки и внедрения новых технологий и инноваций [7].

Появление высокоэффективных поисковых систем, позволяющих пользователям искать нужную им информацию, появилось благодаря развитию социальных сетей и развитию технического прогресса [22; 62; 63]. Сегодня происходит

поиск в оптимальном сочетании рыночных и государственных механизмов управления [14].

К положительному моменту относится выпуск российского видеосервера (Domination Высота), разработанного Пермской компанией «Випакс» на базе процессора «Эльбрус», который может обеспечить приём, хранение и воспроизведение видео- и аудиосигнала. Видеосервер обеспечивает высокий уровень защищённости данных и может использоваться местными органами власти при соответствующих процессах по управлению муниципальной собственностью.

Современные реалии

К основным проблемам публичного управления муниципальной собственностью в городе Перми, можно отнести, во-первых, отсутствие эффективных механизмов распоряжения придомовой территории (находящейся в собственности муниципального образования), во-вторых, низкий уровень реализации системы обращения с ТКО. Информационные данные о собственности, выделенные в научной литературе и нормативно-регламентирующих документах не эквивалентны по составу, качеству и количеству [24].

Ряд показателей по управлению собственностью города Перми представим в таблице 3.

Таблица 3 – Показатели по управлению муниципальной собственностью Перми*

№ п/п	Показатель	По годам					
		2015	2016	2017	2018	2019	2020
1	Ввод в действие жилых домов (тыс. кв.м. общей площади)	565,5	548,2	544,2	556,4	-	-
2	Доходы от сдачи в аренду имущества (млн. руб.)	-	-	-	-	111,3	114,7
3	Доходы от сдачи в аренду имущества, находящегося в оперативном управлении органов управления (млн. руб.)	-	-	-	-	0,785	0,816
4	Доходы от предоставления на платной основе парковок (парковочных мест), расположенных на дорогах общего пользования (млн. руб.)	-	-	-	-	96,141	96,141

Источник: Пермьстат, 2020

Как видно из таблицы 3, за последние годы, общая площадь возводимых новых домов не превышает 565,5 тыс. кв.м. В 2016 году площадь возводимого жилья снизилась на 15,3 тыс. кв. м. (-2,7%) по сравнению к 2015 году. В 2017 году площадь возводимого жилья снизилась на 21,3 тыс. кв.м. (-3,76%) по сравнению к 2015 году. Соответственно, по данным за 2019 и 2020 годы тенденция может продолжиться. Доходы от сдачи в аренду муниципальной собственности, поступающие в городской бюджет, за последние годы увеличивается, в т.ч. доходы от предоставления на платной основе парковок (парковочных мест), расположенных на дорогах общего пользования.

Метод оценки муниципального имущества (определение стоимости муниципального имущества) [15; 43] может опираться на некоторые парадигмы, которые могут быть получены в результате статистической обработки данных (например – рыночная стоимость имущества, подобному объекту исследования). И при дальнейшей работе по сбору информации, можно столкнуться с фактом, что значения рыночных цен на оцениваемое имущество окажутся скорее случайными, нежели детерминированными.

Соответственно, приходя к логическому заключению, автор не то что предполагает, а обоснованно доказывает – если административные структуры, в чьём ведении находится муниципальная собственность, будут применять современные подходы (автоматические, основанные на новых цифровых платформах) к обоснованию стоимости имущества, то цена будет не приблизительная, а точная в системе он-лайн.

Концепция NPG С. ОСБОРН

Например, знаменитым профессором С. Осборн, для определения новой композиции стейк-холдеров в современной политике, т.е. предоставления гос. услуг был применён термин «Новое публичное управление» (NPG). Сама «Кон-

цепция NPG С. Осборн» рассматривает аренду собственности в виде продолжающихся в течение длительного времени взаимодействия между государством и частным бизнесом [16].

Неэффективность традиционных управленческих решений

Существующая триада полномочий: владение, пользование и распоряжение – является основополагающей и характерной для всех видов собственности, но у муниципальной собственности свои особенности – имеются правомочия собственника имущества, способствующие её нормальному функционированию - управление и контроль [20]. В качестве положительного примера развития муниципального образования, можно привести развитие города Екатеринбурга, в соответствии Долгосрочным прогнозом развития муниципального образования «город Екатеринбург» и городов спутников до 2035 года, разработанным Институтом экономики УрО РАН [8] и для города Перми возможно применение системы взаимосвязанных жилых микрорайонов. Также, ориентация на потребителя в современной кастомизированной экономике создаёт предпосылки для появления широкого ряда рыночных ниш, применения предпринимателями инновационных процессов и различных продуктов [34]. По мнению авторов, сегодняшние планы по управлению муниципальным имуществом рассчитанные на 3 года не совсем корректны и необходимо проводить планирование как минимум на 5 (10) лет с учётом стратегии социально-экономического развития города до 2030 года.

Государственное управление цифровизацией

Внедрение цифровизации в России происходит комплексно, с учётом возможностей субъектов федерации в области информационных технологий. Под такими технологиями понимают количество IT-специалистов и государственных служащих, которые владеют

информационными технологиями; объём средств на развитие информационных технологий; доступность граждан к информационному пространству и заинтересованность государства и общества [35]. Сам процесс цифровизации даёт государству информационный суверенитет, т.е. независимость информационных систем и использование отечественного программного обеспечения, в итоге, выгодно для взаимодействия общества и бизнес-сообщества с государством, оперативность предоставления гос. и муниципальных услуг [6].

Например, сегодня, Корпорация «Ростех» оказывает методологическую и экспертную поддержку Прикамью на стадии предпроекта будущего технологического IT-ландшафта и построения целевых моделей рынка. Также, применение цифровых технологий в бюджетной сфере («Библиотека сервисов», «Электронное образование», «Электронное здравоохранение», «Безбумажный документооборот», «Автоматизация финансовых процессов – системы планирования и учёта») – в муниципальных структурах будет отказ от бумажного документооборота, а предоставление различных справок станет в электронном виде. В дальнейшем, при сформированной благоприятной среды для качественного развития IT-сектора, население получит возможность пользоваться цифровыми продуктами отечественных разработчиков в различных социально – значимых сферах экономики. Организационно-логическая схема процесса цифровой трансформации представляется созданием цифровых сервисов и услуг, созданных на основе комплекса мероприятий, основанных на цифровой трансформации системы управления [41].

Новая модель управления

К основным признакам новой модели управления относятся:

- расширение и усложнение корреляции и взаимодействия публичного управления, самоуправления, корреля-

ции и взаимодействия публичного порядка и автономного внеправового нормативного порядка;

- публичное управление становится объектом всё более интенсивного и перманентного контроля со стороны общества [37; 56].

Также, разработка информационных систем по модели государственно-частного партнёрства (ГЧП) или посредством концессионного соглашения даст начало появлению большого количества нового частного цифрового бизнеса и развитию уже существующего, посредством их подключения к широкой государственной инфраструктуре [50; 54]. Например, используемый проект «Управляем вместе», благодаря которому жители города Перми могут сообщить в электронном виде обо всех недостатках в управлении муниципальной собственностью, и что немало важно, также, в электронном виде получить ответ: кто и когда займётся устранением замечаний. Проект «Управляем вместе» состоит из нескольких блоков: «Приоритетные мероприятия программы развития» (городские жители выбирают и голосуют за очередность благоустройства города); «Открытые данные» (данные от органов местного самоуправления); «Сообщайте о проблемах».

5. Заключение

В статье автором были рассмотрены процессы, проходящие сегодня по усовершенствованию управлением имуществом муниципального образования город Пермь. Стоит отметить, что анализ показал о готовности городского населения меняться и самим принимать участие в управлении городским имуществом. Непрерывный мониторинг данных (Big Data), развитие IT-сектора позволит на муниципальном уровне: улучшить процесс управления муниципальной собственностью (в ЖКХ это внедрение технологий «умного видеонаблюдения»); упростить предоставление муниципальных услуг; и т.д.

В работе обосновано, что потенциал развития публичного управления муниципальной собственностью на примере города Перми имеет место не только быть и развиваться, но и развиваться в ускоренном темпе, как принято говорить, быть «локомотивом» развития. В связи с этим, есть необходимость в преобразовании существующей модели управления муниципальной собственности, сделать её более доступной для горожан и предоставления большей возможности, как в

регулировании существующих проектов, так и в проектах, которые только готовятся к реализации. Параллельно, на государственном уровне должны проходить соответствующие институциональные преобразования, которые позволят регионам менять существующую нормативно-правовую базу, регулирующую процессы в области управления государственной и муниципальной собственностью.

Литература

1. Абрамова О.Г. Развитие подходов к изучению современных концепций государственного управления // Направления социально-экономического развития региональной экономики. Материалы международного научно-практического «круглого стола». 2016. С. 224-229.
2. Андреева А.В. Эффективность взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления при управлении государственным имуществом // Студенческий. 2019. № 27-2(71). С. 43-46.
3. Бабанова Ю.В., Ляковская Е.А., Гончарова М.В. Исследование закономерностей развития инновационного продукта // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». 2019. Т. 13. № 1. С. 102-109.
4. Боркова А.А. Анализ цифровой экономики Российской Федерации в 2018-2020 г.г. // Молодой учёный. 2020. № 20 (310). С. 405-406.
5. Власова Н.Ю. Факторы и тенденции развития социально-экономического пространства крупнейших российских городов // Научные труды вольного экономического общества России. 2018. Т. 209. № 1. С. 353-364.
6. Гавва Д.С., Резер Т.М. Цифровизация государственного и муниципального управления: механизмы обратной связи // Материалы VI Международной научно-практической конференции «Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий». Екатеринбург, 27-28 апреля 2020 года. С. 266-270.
7. Головченко В.И. Региональный аспект решения проблем цифровой экономики в современной России // Научно-практический журнал Базис. 2019. № 1(5). С. 64-68.
8. Гончарик А.А. Городская идентичность и стратегическое планирование города Перми // Современный город: власть, управление, экономика. 2018. № 1. С. 190-196.
9. Грунвальд А., Железняк В.Н., Середкина Е.В. Беспилотный автомобиль в свете социальной оценки техники // Технологод. 2019. № 2. С. 41-51. DOI: 10.15593/perg.kipf/2019.2.04.
10. Денисов Ю.П., Стаурский С.С. Феномен публичной власти в России в контексте современных трансформационных процессов // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9. № 4 (33). С. 17-21.
11. Домбровская И.А. Проблемы внедрения инновационных управленческих технологий в системе государственного и муниципального управления // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 11. С. 232-236.
12. Дубровский В.Ж., Бурак А.А. Опыт и перспективы программно-целевого управления сложно организованными экономическими системами // Современные управленческие технологии: от теории и методологии к практическим решениям. Монография. Екатеринбург. 2016. С. 60-78.
13. Дубровский В.Ж., Кирюхина И.В. Развитие инновационного предпринимательства в регионе в контексте общемировых тенденций // Известия УрГЭУ. 2016. № 4 (66). С. 52-65.
14. Дубровский В.Ж., Орлова Т.С., Ярошевич Н.Ю. Формирование конкурентной среды в инфраструктурных отраслях с естественно-монополевой компонентой // Управленец. 2014. № 6 (52). С. 30-33.
15. Ершов А.В., Типнер Л.М. Система показателей планирования и стимулирования роста стоимости компании // Проблемы обеспечения безопасности развития современного общества. Сборник трудов IV международной научно-практической конференции. Екатеринбург. 2014.
16. Загорский В.С., Липенцев А.В. Эволюция подходов к исследованию современных концепций государственного управления // Вестник государственного и муниципального управления. 2013. № 2. С. 13-22.
17. Земскова И.А. Качество электронных государственных услуг как основа развития цифровой экономики регионов // Наука и общество. 2019. № 1 (33). С. 52-58.

18. Зотов В.Б., Голованов В.И. Проблемы финансового обеспечения в муниципальных образованиях и направления повышения уровня самостоятельности местной власти // Научный информационно-аналитический журнал Муниципальная академия. 2018. № 51. С. 57-61.
19. Игнатьева О.А., Плетнев А.В. Сверхновые тренды цифрового управления // Коммуникативные стратегии информационного общества: труды XI Междунар. науч.-теор. конф., 25-26 октября 2019 г. // СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС. 2019. С. 69-71.
20. Калинин А.Н. Отличия содержания права муниципальной собственности от частной собственности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 1 (126). С. 147-150.
21. Капустина Л.М., Лазуков М.В. Трансформация маркетингового управления в цифровую эпоху // Менеджмент и предпринимательство в парадигме устойчивого развития. Материалы II Международной научно-практической конференции. Екатеринбург. 2019. С. 70-73.
22. Катов В.В. Управление муниципальной собственностью в рыночных условиях // Учёные записки. 2017. № 2 (22). С. 18-23.
23. Князев М.Н. Совершенствование оценки эффективности управления муниципальными образованиями // Вестник НГАУ. 2016. № 3 (40). С. 218-223.
24. Кононова О.В., Павловская М.А. Технологии цифровой экономики в проектах умный город: участники и перспективы // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2018. Т. 14. № 3. С. 692-706.
25. Лебедев Ю.А. Цифровая трансформация государственного и муниципального управления в Российской Федерации: проблемы и тенденции развития // Муниципальная академия. 2020. № 4. С. 25-28.
26. Логинов М.П., Усова Н.В. Особенности управления инновациями в сфере услуг // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 3(425). Экономические науки. Вып. 64. С. 120-131.
27. Львов Л.В. Организационные основы управления «умным городом» // Актуальные проблемы экономики, бизнеса, образования и культуры. Материалы Всероссийской научно-исследовательской конференции. Челябинск. 2019. С. 84-88.
28. Мамбетоморов А.А., Алмасбекова Ж.О. Цифровые технологии как фактор формирования информационной среды новой экономики // Наука и инновационные технологии. 2020. № 15 (15). С. 138-143.
29. Манина М.В. О цифровом государственном управлении в России // Цифровая экономика и финансы. Материалы III международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург. 2020. С. 44-48.
30. Метлицкий Р.Л. Общественный контроль за деятельностью органов публичной власти как гарантия конструктивности протестного поведения граждан // Вопросы российского и международного права. 2016. Том 6. № 11А. С. 39-47.
31. Мешков В.А., Мешкова С.В., Мокроносов А.Г. Социально-экономическое развитие малых и средних городов Пермского края // Актуальные вопросы современной экономики. 2013. № 1. С. 91-98.
32. Мирошниченко И.В. Экосистема интерактивных механизмов сетевого публичного управления в контексте развития публичной политики в России // КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН: политика, экономика, культура. 2014. № 1(38). С. 56-72.
33. Митрофанова И.В., Иншакова Е.И., Рябова И.А., Щербина А.Б. Цифровизация социоэкономического комплекса южного федерального округа: первые итоги реализации национальной программы // Региональная экономика. Юг России. 2019. Т. 7. № 4. С. 70-87.
34. Мокроносов А.Г., Анисимов А.В. Совершенствование институциональной среды стратегического проектирования нематериальных активов территории // Труды ВЭО России. 2019. Т. 215. № 1. С. 239-263.
35. Мухаметов Д.Р. Модели платформ вовлечения граждан для создания в России умных городов нового поколения // Вопросы национальной экономики. 2020. Т. 10. № 3. С. 1605-1622.
36. Орехова С.В. Технологические платформы и новая промышленная политика в России // JOURNAL OF ECONOMIC REGULATION (Вопросы регулирования экономики). 2017. Том 8. № 4. С. 6-19.
37. Понкин И.О. Понятии и концепте «хорошего управления» («GOODGOVERNANCE») // Государственная служба. 2013. № 4 (84). С. 39-42.
38. Прокопова Л.И. Разработка комплексных мероприятий по повышению эффективности системы управления муниципальным образованием на основе цифровой трансформации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. Т. 10. 2020. № 4. С. 226-234.
39. Рогачева О.С. Административные процедуры и эффективное публичное управление (на примере закона Испании «Об общей административной процедуре государственной администрации») // Научно-практический журнал. 2017. № 2 (10). С. 89-96.
40. Рожков Е.В. Инновации для городской среды (на примере Пермской агломерации) // Муниципалитет: экономика и управление. 2020. № 4 (33). С. 54-64.
41. Семячков К.А. Этапы становления цифровой экосреды современных городов // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. № 2 (62). 2020. С. 3.

42. Сергейко А.Н. Зарубежный опыт эффективного управления государственной и муниципальной собственностью // ВЕСНИК МАГПЛЕУСКАГА ДЗЯЖАУНАГА УНІВЕРСІГЭТА ІМЯ А. А. КУЛЯШОВА, СЕРЫЯ Д.ЭКАНОМІКА. 2019. № 1 (53). С. 18-31.
43. Трусова Н.Е. Разработка модели анализа финансовых факторов создания стоимости компании // Научные записки молодых исследований. 2014. № 3. С. 1-2.
44. Цхададзе Н.В., Лепская В.В. Формирование искусственного интеллекта и цифровой экономики в России. III Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция «Тенденции развития Интернет и цифровой экономики». 2020. С. 144-147.
45. Шемякина В.А. Новые города XXI века. Новые видения и возможности // Градостроительство и урбанистика. 2017. № 1 (38). С. 256-271.
46. Ballesterio F., Perez M. El papel del Estado ante la digitalizacion de la economia. Estrategia digital // ICE, Ministerio de Economia, industria y Competitividad. Julio-Agosto. 2017. no. 897. pp. 113-130.
47. Bellamy C. From Automation to Knowledge Management: Modernizing British Government with ICTs // International Review of Administrative Sciences. 2002. Vol. 68. no. 1. P. 213.
48. Bonnefon J.-F., Shariff A., Rahwan I. The Social Dilemma of Autonomous Vehicles // Science. 2016. Vol. 352. Iss. 6293. pp. 1573-1576.
49. Camero A., Alba E. Smart City and information technology: A review // Cities. 2019. Vol. 93. pp. 84-94.
50. Cavalcante S., Kesting P., Ulhoi J. Business model dynamics and innovation: Reestablishing the missing linkages. Management Decision. 2011. no. 49 (8). pp. 1327-1342.
51. Deng B. Machine ethics: The Robot's Dilemma // Nature. 2015. Vol. 523. Iss. 7558. pp. 24-26.
52. Gold N., Colman A. M., Pulford B.D. Cultural Differences in Responses to Real-Life and Hypothetical Trolley Problems // Judgment and Decision Making. 2014. Vol. 9. no. 1. pp. 65-76.
53. Greene J. D. Our Driverless Dilemma // Science. 2016. Vol. 352. Iss. 6293. pp. 1514-1515.
54. Hajiheydari N., Zarei B. Developing and manipulating business models applying system dynamics approach // Journal of Modeling in Management. 2012. no. 8 (2). pp. 155-170.
55. Hampel J., Kropp C., Zwick V. Zur gesellschaftlichen Wahrnehmung des voll autonomen Fahrens und seiner möglichen nachhaltigkeitsbezogenen Implikationen. Ergebnisse einer Repräsentativbefragung // TATuP. 2018. Vol. 27. no. 2. pp. 38-45.
56. Hughes O.E. Public Management and Administration: An Introduction. Third Edition. New York: Palgrave Macmillan. 2003. 303 p.
57. Yigitcanlar T., Foth M., Kamruzzaman M. Towards Posr - Anthropocentric Cities: Reconceptualizing Smart Cities to Evade Urban Ecocide // Journal of Urban Technology. 2019. no. 2. pp. 147-152.
58. Levit T. Marketing myopia / T. Levit // Journal of Library Administration. 1984. V. 4. no. 4. pp. 59-80.
59. Rabari C., Storper M. The Digital Skin of Cities: Urban Theory and Research in the Age of the Sensored and Metered City, Ubiquitous Computing and Big Data // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2015. Vol. 8. issue 1. pp. 27-42.
60. Rahman K.S. Regulation informational infrastructure: Internet platforms as the new public utilities // Georgetown Law Technology Review. 2018. Vol. 2(2). pp. 234-251.
61. Rotberg R. Good Governance Means Performance and Results // Governance: An International Journal of Policy, Administration and Institutions. 2014. no. 27 (3). pp. 511-518.
62. Santanu K. D., Gouri S. L. Traditional marketing vs digital marketing: An analysis // International Journal of Commerce and Management Research. 2016. Vol. 2. Issue 8. pp. 5-11.
63. Saura J. Palos-Sanohez P., Suarez L. Understand the Digital Marketing Environment with KPIs and Web Analytics // Future Internet. 2017. Vol. 9. issue 76.
64. Stoker G. Public Value Management. A New Narrative for Networked Governance? // American Review of Public Administration. 2006. Vol. 36. no. 1. P. 3.

УДК 338.2

Региональные проблемы развития транспортно-логистической системы в Российской Федерации

А.В. Федотов, доктор экономических наук, профессор кафедры управления,
А.А. Окоелеых, специалист лаборатории таможенного контроля,
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза,
летчика-космонавта А.А. Леонова», г. Королев, Московская область

В статье рассматриваются проблемы функционирования транспортно-логистической системы в регионах Российской Федерации. Одной из важнейших задач, стоящих перед федеральными и региональными властями является развитие транспортно-логистической системы регионов. Возникает ряд сложных проблем, таких как: транснационализация товарных рынков из-за углубления кооперации и специализации производства, увеличение количества позиций товарной номенклатуры. Учитывается параллельный рост потребляемой массы продукции, внедрение инновационных технологий в логистические цепочки поставок и другие возникающие изменения.

Транспортные взаимосвязи, логистика доставки грузов, региональная сеть, проблемы функционирования системы, инновации.

Regional problems of transport and logistics system development in the Russian Federation

A.V. Fedotov, Doctor of Economics, Professor of the Department of Management,
A.A. Okolelykh, Specialist of the Laboratory of Customs Control,
State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow Region
«Technological University named after twice Hero of the Soviet Union,
pilot-cosmonaut A.A. Leonov», Korolev, Moscow region

The article deals with the problems of functioning of the transport and logistics system in the regions of the Russian Federation. One of the most important tasks facing the federal and regional authorities is the development of the transport and logistics system of the regions. There are a number of complex problems, such as: the transnationalization of commodity markets due to the deepening of cooperation and specialization of production, an increase in the number of items in the commodity nomenclature. It takes into account the parallel growth of the consumed mass of products, the introduction of innovative technologies in the logistics supply chain and other emerging changes.

Transport relationships, logistics of delivery of goods, regional network, problems of functioning of the system, innovation.

Введение. Транспортно-логистическая система в условиях современного рынка является одним из главных звеньев торговой цепи. В связи с этим, необходимым условием является постоянный рост данной сферы. Однако, практически невозможно достичь стабильного развития без разработки подходящей стратегии, позволяющей создать надежную структуру коммерческой деятельности в регионах.

Данная тема актуальна из-за возрастающей роли транспорта и логистики в развитии экономики регионов Россий-

ской Федерации. Зачастую критерий доставки является ключевым критерием при выборе поставщика, так как своевременная доставка помогает эффективной работе предприятий, снижая, временные и денежные издержки.

Основными целями разрабатываемой системы можно назвать обеспечение грамотной коммуникации, удобной транспортной скоординированности и интеграции с общими системами всех участников производственного и торгового процесса.

Методы. Исследования проводились с использованием данных транспортных предприятий, статистических органов и других информационных источников. Применялись теоретические и практические методы. В частности, сравнительный анализ, синтез, группировки и обобщения, а также эмпирические методы наблюдения и сопоставления имеющихся данных.

Результаты. Эволюция транспортно-логистической системы в Российской Федерации происходит определенными темпами, однако, по-прежнему, отечественная транспортно-логистическая система отстает от западной. Одним из главных факторов заторможенности развития является нехватка законченных бизнес-проектов, в которых ясно выражены функции, выполняемые каждым из участников, интегрированных в процесс доставки грузов. Сотрудникам могут поручаться те обязанности, в которых они не обладают достаточными навыками и компетенциями, из-за чего работа не осуществляется на приемлемом уровне.

Помимо этого, существуют и другие факторы, которые тормозят развитие транспортно-логистической системы в Российской Федерации, например: малоустойчивость экономики страны, сохранение иностранных санкций, плавающие темпы роста различных сфер производства, низкий уровень качества транспортной инфраструктуры, неудовлетворительное состояние производственно-технической базы, демпинг со стороны конкурентов и, продолжающаяся пандемия COVID-19, которая препятствует передвижению материальных и людских ресурсов.

Одной из новых граней транспортной логистики является формирование транспортно-логистических центров, оказывающих услуги широкого спектра, включая таможенные, брокерские, а также на которых возможно выделить необ-

ходимое для экспедиторских компаний пространство.

Образование транспортно-логистических комплексов в регионах влечёт за собой цепочку проблем. Одной из таких проблем является поиск подходящего участка для постройки транспортно-логистического терминала. К тому же большое количество средств уходит на подключение коммуникаций, получение необходимых разрешений и восстановление (или строительство) дорог и транспортных развязок. Однако, любая неточность при проектировании или анализе рыночных потребностей региона провоцирует значительные убытки. Но даже после постройки центра проблемы не исчезают. Часто наличие низкого уровня договоренности между контрагентами, приводит к увеличению расходов по всем направлениям деятельности логистического центра.

Важной проблемой развития транспортно-логистической системы регионов, становится недостаток собственных финансовых, материальных и трудовых ресурсов, а также переизбыток законодательных препятствий и ограничений, сдерживающих новые начинания в данной сфере.

В большинстве регионов Российской Федерации транспортная инфраструктура находится на низком уровне и практически не имеет тенденций к развитию. Ярче всего это выражается в сфере автомобильных дорог. Одной из наислабейших в данной сфере является Магаданская область, на ее примере можно рассмотреть высокую дифференциацию проблем транспортно-логистической системы [2].

Дороги в представленной области практически дезинтегрированы, ввиду постоянного потока грузовых транспортных средств, отдаленного нахождения от центра государства и недостаточного финансирования региона в данной сфере.

Помимо этого, для города, имеющего важные морские связи с дру-

гими городами Российской Федерации и другими государствами, главным предметом становятся проблемы с морской сферой транспортно-логистической системы. Для Магадана это наиболее острый вопрос, так как многие крупные компании высказали своё недовольство, связанное с несвоевременной загрузкой и отгрузкой грузов, которые прибывают в морской порт Магадан.

Вследствие проведения транспортно-прокурорской проверки было выявлено, что перебои с переработкой перемещаемых грузов происходили из-за нескольких причин, как организационно-технического, так и административного характера. Основной причиной являлось безответственность грузополучателей, из-за которых произошло переизбыток контейнеров и повлекший за собой большие очереди на разгрузку, которую в свою очередь вызвали ненужные траты и дополнительные издержки [3].

Также актуальной проблемой в Магаданской области остается Магаданский рыбный порт. Это очень важный, но не самый известный транспортно-логистический объект. Уровень его состояния приближается к критически низкому. На дне перед портом находятся более 35 затопленных судов. Из-за возможного наличия в них топлива появляется опасность для других судов и опасность для окружающей среды, что затрагивает не только экономику, но и экологию.

Исходя из вышеизложенных фактов, можно утверждать, что медленный темп развития транспортно-логистической системы регионов вызван, в большинстве случаев нехваткой финансирования, слабой материально-технической базой и нехваткой трудовых ресурсов. Бюджет регионов уходит на исправление имеющихся проблем, а не на внедрение инноваций и развитие транспортно-логистической сферы.

Если Магаданская область является отдаленным регионом Российской

Федерации, имеющей проблемы присущие и другим отдаленным регионам, то Московская область является флагманом развития транспортно-логистической системы России и отличается наибольшей динамикой своего развития. Однако и данный регион имеет существенные проблемы. Исторически так сложилось, что Москва и Московская область явились центральным звеном и перевалочным пунктом, откуда грузы распределялись и транспортировались в другие регионы Российской Федерации. Большие транспортные потоки создавали сложности управления данными перевозками, имели место задержками в пути и дополнительные транспортные расходы.

За последние десятилетия эта проблема еще более усугубилась. Так, имеет место следующая картина, если в большинстве регионах Российской Федерации наблюдается резкое уменьшение количество населения, действующих предприятий, квалифицированных кадров, капиталовложений и соответственно грузовых потоков, то в Москве и Московской области наблюдается обратный процесс, существенный рост перевозок, который также сопровождается значительными проблемами.

Развернутое за последнее годы крупномасштабное новое строительство и реконструкция дорог в Московской области, уже не способно решить проблему свободного трафика транспортных средств. Транспортный поток стремительно растет за счет неконтролируемого притока транспорта из других регионов Российской Федерации, роста населения, жилищного строительства. Имеет место парадоксальная ситуация, когда новое строительство дорог и автострад уже не дает ожидаемого эффекта. Транспортно-логистическая проблема не только не решается, но даже наоборот лишь усугубляется. К этому следует добавить, что любая нештатная ситуация в виде природных катаклизмов, стихийных бедст-

вий приводит к остановке движения с вытекающими тяжелыми последствиями.

Вместе с тем, следует отметить, что в этом направлении присутствуют и положительные моменты, с помощью которых транспортно-логистическая система в Российской Федерации в следующие несколько лет должна прогрессировать. В подтверждение данных слов можно привести определенные достижения: развитие системы подготовки специалистов и различных технических средств, связанных с инновационными системами движения, а также строительством новых дорог и транспортных развязок.

За прошедшее время транспортно-логистический рынок в Российской Федерации сильно изменился, но осталось значительное количество нерешенных проблем: от более местных, связанных с ограниченным ресурсом финансовых средств, до общероссийских, выраженных в недоработке законодательной базы в данной сфере. Остаются опасения по работе региональных таможенных управлений и подвластных им структур, по коррупции в органах местного самоуправления, по закрытости состояния дел в представленной отрасли и бесконечный подъем цен на все виды топлива и технического обслуживания транспортных средств.

Министерство экономического развития Российской Федерации характеризуют российский транспортно-логистический рынок как неокрепший, но растущий и многообещающий. Участники рынка возлагают надежды на развитие предпринимательства в транспортно-логистическом секторе экономики Российской Федерации, ведь, потребительский спрос в этой сфере неустанно растет, инвестиционный климат становится более благоприятным для внедрения инноваций в логистику и макроэкономические показатели страны прогнозируются к росту.

Проведенные исследования показали, что особенно стоит обратить внимание и на прогресс автомобильно-транспортной отрасли в логистике. Важнейшими факторами в данной, конкретной области являются дороги, а точнее их протяженность, качество, улучшение и многоплановость экономики Российской Федерации. Наиболее привлекательными для экспедиторов видами транспорта в последние годы являются автомобильные и железнодорожные. К слову, первые постепенно и уверенно движутся к доминированию в отрасли. Ссылаясь на общедоступные данные, можно с уверенностью утверждать, что грузооборот, основанный на автотранспорте, стабильно быстро растет, опережая все возможные прогнозы. Наиболее ярко это отражается с 2018 года. Приток объемов перевозок в автомобильный сегмент из железнодорожного, с этого года, увеличивался быстрее, чем раньше.

На рисунке 1 приводится динамика объемов коммерческих грузоперевозок на разных видах транспорта в процентном соотношении в промежутке между 2017-2020 годом, с прогнозом на 2021 год. Приведенные данные показывают, что имеет место рост доли автомобильных перевозок, в то же самое время наблюдается некоторое снижение доли железнодорожных перевозок в общем объеме перевозок грузов.

Автотранспорт ключевое звено в транспортно-логистической цепи. Но появляется новая проблема, связанная с межотраслевыми отношениями, когда каждый из контрагентов стремится взять ответственность на себя. Однако отрасль автомобильного транспорта прогрессирует и имеет положительные темпы развития [4].

Неравномерное распределение объемов грузоперевозок разными видами транспорта обусловлено огромным множеством экономических, социальных и природных условий развития каждого отдельного региона, различным уровнем

транспортной доступности инфраструктуры регионов Российской Федерации и разных условий перевозок для каждого вида транспорта. Также имеет влияние разнообразные специализации каждого региона с разной доступностью видов транспорт.

Кроме того, следует отметить, что уровни развития транспортной инфраструктуры в регионах различны, из чего следует невозможность формирования единого транспортно-экономического пространства на всей территории Российской Федерации [5].

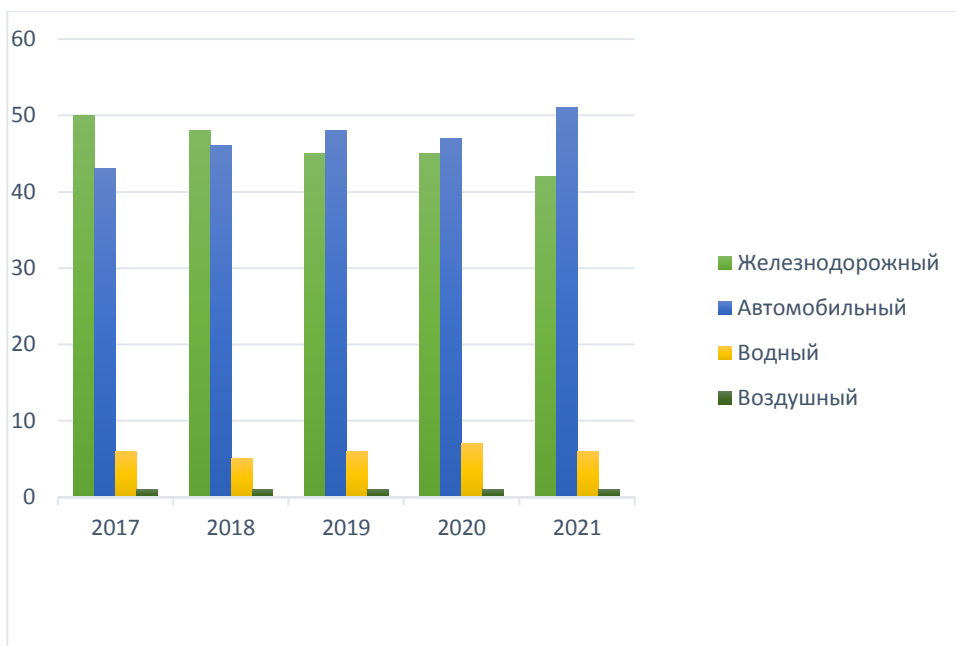

Рисунок 1 – Показатели объемов коммерческих грузоперевозок на разных видах транспорта в процентном соотношении в промежутке между 2017-2020 годом, с прогнозом на 2021 год (по данным Министерства транспорта Российской Федерации) [1]

Решением многих проблем транспортно-логистической системы может стать внедрение инноваций, цифровизация и применение информационных технологий. Цепочки доставки не могут правильно работать без должной организации. В современном мире совершенствование технологий происходит довольно быстро. Цифровая экономика влияет на множество отраслей: банковскую, транспортную, энергетическую и многие другие. Но не так много внимания уделяется сфере цифровизации экономики с целью роста инновационных

направлений логистики. В данной сфере имеются значительные резервы роста.

Возникает необходимость повсеместного внедрения таких современных систем, как GPS, ГЛОНАСС, Espace Cat. Использование данных инновационных технологий, позволяет отслеживать перемещение грузов в режиме реального времени, что повышает качество и эффективность при перевозке и доставке товаров [6].

Транспорт занимает важнейшую позицию в экономической системе Российской Федерации. Логистика проявляет всестороннее влияние на многие эко-

номические сферы государства. Регионы, в которых роль транспортно-логистической системы понимается правильно, наиболее быстро и эффективно развиваются во всех сферах жизнедеятельности общества.

Неправильная оценка и торможение развития логистики вытекают из непонимания роли государства в этой отрасли экономики. Особая черта логистики состоит в возможности представления её как сферы материального производства и тогда она также имеет вспомогательную функцию дополнительной инфраструктуры.

Транспортная доступность ключевой фактор при выборе места производства в определенном регионе. Вся сеть логистики в Российской Федерации неравномерно расположена, в связи с хаотично распределенной плотностью населения страны. Большинство федеральных трасс находятся в западной части страны, откуда идет большой поток товаров в иностранные государства [7].

Транспортно-логистическая отрасль, как и все сферы экономики Российской Федерации, требует притока капиталов из-за рубежа, но иностранные компании-инвесторы не готовы вкладываться в инновационные российские бизнес-проекты из-за невозможности прогнозирования экономической ситуации. Поэтому техническое оснащение во всех регионах отстает от западных из-за недостатка разработок и возможности воплощения инноваций в жизнь [7].

Таким образом, региональные проблемы развития транспортно-логистической системы в Российской Федерации накладывают значительное влияние на темпы экономического развития, обеспечение населения, а также предприятий товарной и материально-технической продукцией. Имеются значительные резервы роста, особенно с помощью внедрения современных информационных технологий.

Заключение. Внедрение инноваций в сферу логистики происходит с помощью цифровизации и информатизации. Транспортно-логистическая система во многих регионах Российской Федерации имеет перспективу в ускоренном темпе развития данной отрасли. Требуется дальнейшая разработка актуальных бизнес-проектов в области логистики и их приоритетное финансирование. Для достижения показателей роста логистические цепочки должны отвечать системным требованиям и эффективно управляться.

Кроме того, первоочередной задачей государственной политики является решение региональных проблем развития отдаленных от центра регионов Российской Федерации. Главное, что может сделать государство в данной сфере это: увеличение финансирования, ужесточение наказаний за халатное отношение, борьба с коррупцией, поддержка инновационных проектов и улучшение законодательного аспекта, связанного с развитием логистики.

Литература

1. Статистика | Министерства транспорта Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mintrans.gov.ru/ministry/results/180/documents> (дата обращения: 19.11.2020).
2. Лебедев Е.А. Инновационные процессы в логистике: монография / Лебедев Е.А., Миротин Л.Б., Покровский А.К., под общ. ред. Л.Б. Миротина. Москва: Инфра-Инженерия, 2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rosmedlib.ru/book/ISBN9785972902866.html> (дата обращения: 18.11.2020).
3. Логистика в транспортных системах: учебное пособие Рашит Сатаров, Григорий Левкин – Москва: Проспект, 2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rucont.ru/file.ashx?guid=15a85ae2-3f0e-4676-88d0-93fff1b5f0a> (дата обращения: 22.11.2020).
4. Коммерческая логистика. Нестер Нагапетьянц, Нина Каменева, Виталий Поляков, Василий Синяев, Рафаэль Нагапетьянц, И. Кетнер 2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44015631> (дата обращения: 20.11.2020).

5. Организация перевозок специфических видов грузов: учебное пособие / Н. А. Троицкая, М. В. Шилимов. 2-е изд., испр. Москва: КНОРУС, 2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cdn1.ozone.ru/multimedia/1022665531.pdf> (дата обращения: 21.11.2020).
6. Логистика и управление цепями поставок. Сборник научных трудов под редакцией В.В. Щербакова, Е.А. Смирновой. Том. Выпуск 2(15) 2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36687865> (дата обращения: 19.11.2020).
7. Информационное обеспечение логистической деятельности торговых компаний: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / В.Э. Новиков. М.: Издательство Юрайт, 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://static.my-shop.ru/product/pdf/185/1846080.pdf> (дата обращения: 21.11.2020).

УДК 338.43.637

Молочное хозяйство в инфраструктуре национальной продовольственной безопасности

Р.Р. Хабипов, заместитель министра сельского хозяйства и продовольствия РТ по экономике и аграрным преобразованиям, г. Казань,

Т.Ю. Серебрякова, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и информационных технологий, Чебоксарский кооперативный институт (филиал) АНООВО Центросоюза России «Российский университет кооперации», г. Чебоксары,

С.А. Хмелев, доктор экономических наук, профессор АНООВО Центросоюза России «Российский университет кооперации», г. Мытищи, Московская область

В торговле молоком преобладает импорт над экспортом, что влияет на продовольственную безопасность страны. Обоснована возможность увеличения производства молока в России на основе структурных сдвигов среди видов организационно-правовых форм хозяйств, работающих в молочном животноводстве. Предложены меры по улучшению деловой активности в племенной работе и увеличению производства молока на основе внедрения инновационных проектов. Предлагается расширить предпринимательскую деятельность животноводов в молочном скотоводстве, повысить качество работы по увеличению доли племенного молочного скота.

Молочное животноводство, импорт, экспорт, безопасность.

Dairy farming in the national food security infrastructure

R.R. Khabipov, Deputy Minister of agriculture and food of the Republic of Tatarstan for economy and agricultural transformation, Kazan,

T.Yu. Serebryakova, Doctor of Economics, Professor of the Department of Economics and Information Technologies, Cheboksary Cooperative Institute (branch) of the ANOVO Centrosoyuz of Russia «Russian University of Cooperation», Cheboksary,

S.A. Khmelev, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Research Center of the Russian Federation «Russian University of Cooperation», Mytishchi, Moscow region

The milk trade is dominated by imports over exports, which affects the country's food security. The possibility of increasing milk production in Russia is justified on the basis of structural changes among the types of organizational and legal forms of farms operating in dairy farming. Measures to improve business activity in breeding work and increase milk production based on the introduction of innovative projects are proposed. It is proposed to expand the entrepreneurial activity of livestock breeders in dairy cattle breeding, to improve the quality of work to increase the share of breeding dairy cattle.

Dairy farming, import, export, security.

Сельское хозяйственное развитие территорий для отечественного экономического развития остается важнейшим вопросом. В числе первоочередных проблем является восстановление молочного животноводства и переработки его продукции. Начиная с 2014 года, особую актуальность этому придает необходимость устранения проблемы зависимости нашего государства от импорта продовольственной продукции, продуктов земледелия. Так остро подобная потребность возникла в свете обеспечения

продовольственной и экономической независимости нашей страны и отдельных территорий от внешних источников продовольствия в свете экономической безопасности Российской Федерации. Вполне корректно в этой связи заявлять о необходимости обеспечения экономической безопасности каждого региона, рассматривая каждый ее элемент. Одним из элементов – факторов экономической безопасности страны и региона является продовольственная независимость, под которой понимается способность региона

(страны) обеспечивать продуктами сельского хозяйства и их переработки потребности населения, и, соответственно, потребности перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию отраслей. Рассматривая сельскохозяйственное производство как комплекс факторов обеспечения экономической безопасности, можно построить декомпозицию с двух сторон. С одной стороны – декомпозиция экономической безопасности – выделение направления продовольственной безопасности. С другой стороны – по отраслевому признаку сельскохозяйственного производства можно выделить области ее обеспечения: животноводство, растениеводство, землепользование и т.п. Каждая составляющая может быть рассмотрена как фактор обеспечения безопасности территории, страны.

Важнейшим направлением животноводства является содержание крупного рогатого скота и производство молока. Для республики Татарстан это направление является одним из традиционных, требующих пристального внимания местных органов власти для его развития и поддержания, для стимулирования предпринимательства в этой сфере, подорванного в годы перестройки. Данные проблемные аспекты исследуются учеными-экономистами в трудах Гордеева А.В., Суглобова А.Е. [4], Максеева О.В. Кауровой А.В. Нечитайлова А.С., Ткача А.В. [7], Розановой Т.П., Нечитайлова А.С., Ткача А.В. [11]. Ученые глубоко исследуют вопросы наращивания производства продукции животноводства на основе изменения структуры экономических субъектов, содержащих КРС и занимающихся производством молочной продукции. Одним из способов наращивания этой отрасли животноводства является привлечение в данную отрасль иных типов организаций, в том числе путем создания фермерских хозяйств, использования потенциала организаций потребительской кооперации. Последний аспект обладает хорошим потенциалом,

учитывая роль организаций потребительской кооперации и ее развитую структуру в сельских территориях, традиции и наличие необходимых материальных и трудовых ресурсов. Данные вопросы обосновываются в трудах Кауровой О.В., Малолетко А.Н., Ткача А.В. Максеева А.А., Диановой В.Ю., Суглобова А.Е., Нибиевой А.Р., Жуковой О.И., Жукова А.С. [3,5,6,8,9,10,12].

Важной предпосылкой, влияющей на развитие отечественного молочного скотоводства, является повышенный спрос на молочную продукцию в системе продовольственного обеспечения России. Для удовлетворения спроса на молочную продукцию работникам молочного хозяйства необходимо активно развивать молочное скотоводство, ориентируясь при этом на внедрение инноваций для достижения положительных экономических результатов, чтобы занять достойное место на молочном рынке в условиях конкуренции, поставляя свою продукцию населению с учетом предпочтительного спроса. Существенный урон развитию молочного хозяйства в стране был нанесен в период массовой приватизации, когда без всякой научной подготовки и необходимых расчетов были разорваны кооперационные и интеграционные связи между производителями сельскохозяйственной продукции и перерабатывающими предприятиями.

Получившие свободу действий молокоперерабатывающие предприятия в тот период стали занижать закупочные цены на сырое молоко. В результате предприятия молочного направления стали терпеть убытки, так как затраты на производство молока не окупались выручкой от его реализации. Не найдя поддержки во властных структурах различных уровней в животноводстве начали вырезать коров. Уменьшение численности коров сопровождалось уменьшением выхода приплода и всего крупного рогатого скота. Все эти ошибочные действия привели к тому, что в стране сложился острый дефицит в молочной продукции.

Ставка на крестьянские (фермерские) хозяйства не оправдалась. Ликвидация молочно-товарных ферм и других комплексов крупного рогатого скота породила на селе безработицу, что повлекло за собой массовый отток населения в города и промышленные центры. Сейчас делаются попытки с помощью крестьянских (фермерских) хозяйств как-то оживить деятельность в сельской местности. Многие потерянное приходится возвращать с большими трудовыми затратами.

В настоящее время тема о развитии молочного хозяйства на селе становится предметом дискуссий, когда речь заходит о социально-экономическом развитии сельских территорий. Мелкие формы хозяйствования в молочном секторе многих стран позволяют повысить качество жизни на селе, сохранить сельские территории и сельский ландшафт. Предприниматели в молочном хозяйстве способствуют развитию сельских поселений, формированию особой общности крестьянства, которые имеют свои традиции, специфический сельский уклад жизни. Фермеры в сельском хозяйстве способствуют сохранению самобытных культурных ценностей российской действительности. Добросовестные предприниматели молочного сектора демонстрируют бережное отношение к производству, нацелены на эффективное и долговременное использование природных ресурсов для развития отечественного молочного производства, развития других отраслей сельского хозяйства. Одним из направлений предпринимательства в молочном производстве на селе выступает развитие сельского туризма, освоение и популяризация производства экологически чистой продукции, развитие местной промышленности и самобытных ремесел с учетом особенностей регионов России. Развитие малого сельского предпринимательства в условиях рыночных отношений в решении этих вопросов может сыграть важнейшую роль. В этой связи местным органам власти в регионах целесообразно для сохранения сельских территорий уделить

повышенное внимание модернизации хозяйственной системы молочного сектора экономики, создать необходимые условия для конкурентоспособного молочного производства различных направлений специализации и объемов производства. Следует подчеркнуть, что сельский предприниматель в отрасли молочного скотоводства своей деятельностью ориентирует производителей на выживание в рыночных условиях, преподает пример успешной работы при опоре на собственные силы с привлечением сельчан, создавая им новые рабочие места, повышая трудовую занятость. Предпринимательство крестьянских (фермерских) хозяйств в молочном скотоводстве, как и в других отраслях сельского хозяйства, является тем звеном, с помощью которого можно сохранить российскую деревню, поднять уровень социального и экономического её развития.

В современных условиях для эффективной предпринимательской деятельности в молочном животноводстве России, получения прибыли от производства молочной продукции необходимо добиваться повышения продуктивности коров, снижения себестоимости продукции. Для этого следует использовать достижения науки, применять современные технологии, обновлять молочное стадо за счет увеличения в нем доли племенного молодняка молочных пород. На эффективность деятельности молочного скотоводства влияет надежность каналов сбыта произведенной продукции. На молочном рынке необходимо дифференцировать сегменты по ассортименту молочной продукции, по разнообразию услуг маркетологов и сервиса.

Для работников молочного хозяйства главным объектом деятельности выступает рынок молока и молочной продукции, представляющий собой структуру экономических взаимоотношений, которые формируются в ходе производства, процессе обращения и распределения пищевых молочных продуктов. Работники молочного хозяйства

могут выстраивать взаимоотношения в сфере маркетинга при определении наиболее выгодных каналов реализации, выборе групп потребителей молочных продуктов, предприятий оптовой и розничной торговли, мониторинга цен на молочную продукцию у конкурентов, определении гарантированных источников, поставляющих молоко-сырье.

В инфраструктуре молочного рынка формируется в совокупности определенная организационно-экономическая система эффективного сбора и распределения молочной продукции в широком ассортименте. Осуществляется сбалансированное и бесперебойное взаимодействие сельскохозяйственных производителей, молокоперерабатывающих предприятий и потребителей конечной молочной продукции. Основными видами молочных продуктов, поставляемых на продовольственный рынок отечественными производителями, выступают молоко различной жирности, сливочное масло, сырные продукты и другие. Мотивирующим фактором, влияющим на ассортимент молочных продуктов, является спрос потребителя на производимую продукцию. В связи с этим предпринимателям молочного хозяйства необходимо ориентироваться на достижение положительных экономических результатов, чтобы занять достойное место на молочном рынке в условиях конкуренции, поставляя свою продукцию населению с учетом предпочтительного спроса.

Международный опыт предпринимательства фермеров в молочном хозяйстве свидетельствует о снижении административного давления и предоставлении им большей самостоятельности. Так, в США власти выделяют фермерам молочной отрасли значительные средства, что сопровождается быстрым ростом производства молока. В Австралии запрещено принятие законов, усложняющих работу предпринимателей, а действующие нормативно-правовые акты регулируют рост эффективности рынков в интересах потребителей. В Германии

правительство поддерживает предпринимателей молочной отрасли для обеспечения равных условий и высокого уровня конкуренции на продовольственном рынке. Во Франции аграрные предприниматели, работающие в слабых периферийных регионах, получают льготные кредиты на формирование материально-технической базы, модернизации производства. В зарубежных странах в развитии молочного хозяйства участвуют муниципальные власти, формируют производственную базу с коммуникациями, которую в последующем продают предпринимателям за символическую цену.

В инфраструктуре молочного рынка важное место уделяется организации логистики, выстраивающей стройную систему хозяйственного функционирования, включая производство, переработку и продвижение до потребителя в широком ассортименте молочных продуктов, определяющих само содержание и наполнение молочного рынка. В логистической цепи продвижения молочной продукции от производителя к потребителю одной из важнейших стадий является звено молочно-товарных ферм и агрохолдингов, хозяйств населения, сельских подворий, крестьянских (фермерских) хозяйств, обеспечивающих производство молока – сырья и молочной продукции. На молочном рынке доминирующим логистическим элементом является материальный поток продукции молочного скотоводства. При разработке схемы звеньев логистической цепи на молочном рынке и последовательности их работы отправной точкой выступает процесс производства молока-сырья. В качестве последующих составляющих выступают службы маркетинга, рекламы и торговли. Эффективная логистическая цепь молочно-продуктового подкомплекса определяет качество работы молочного рынка. При управлении молочным хозяйством необходимо обеспечить научный подход к формированию производственной базы молочной отрасли, созданию высокопродуктивного стада молочных коров. В молочном хозяйстве

логистическую цепь можно рассматривать как последовательность звеньев: скупщики, выполняющие функции по сбору молока – сырья и доставку продукции оптовикам, перевозчиков молока, молокоперерабатывающие предприятия, производящие молочные продукты в ассортименте, розничную торговлю, реализующую молочную продукцию. На качество работы молочного рынка влияет качество и надежность информационных и финансовых потоков. В логистической цепи молочного хозяйства первичная основополагающая роль принадлежит производителю молока, который определяет устойчивость работы всей инфраструктуры молочного рынка. В России с 2015 по 2018 гг. снизилась численность поголовья крупного рогатого скота в хозяйствах всех категорий с 18620,9 до 18152,1 тыс. голов, или на 2,5%. Одновременно последние четыре года спад поголовья в стране происходил ежегодно по отношению к предыдущему году. Одновременно сократилась численность коров с 8115,2 до 7942,6 тыс. голов, или на 2,1%. Снижение поголовья дойных коров происходило постоянно по отно-

шению к предыдущему году в рассматриваемый период. При этом объемы надоев молока-сырья в стране за этот период возросли с 29887,5 до 30611,2 тыс. тонн, или на 2,4%. Произошли определенные сдвиги в структуре удельного веса предприятий в производстве молока. Так, доля хозяйств населения в общем объеме производимого молока с 2015 по 2018 гг. снизилась с 44,0 до 38,7%, или на 5,3 процентных пункта. Необходимо подчеркнуть, что за 2015-2018 годы ежегодно повышалась продуктивность коров, а в целом за четыре года надой молока на одну корову в год в сельскохозяйственных организациях возросли с 5140 до 5945 кг, или на 15,7%. В качестве положительных показателей следует отметить сокращение гибели крупного рогатого скота в сельскохозяйственных организациях с 2,0 до 1,9% к обороту стада, или на 0,1 процентных пункта. Одновременно в сельскохозяйственных организациях сократился выход приплода телят на 100 коров с 78 до 76 голов (таблица 1).

Таблица 1 – Динамика развития отрасли молочного скотоводства в России

Показатели	Годы				2018 в % к 2015
	2015	2016	2017	2018	
Поголовье крупного рогатого скота в хозяйствах всех категорий, тыс. голов	18620,9	18346,1	18294,2	18152,1	97,5
к предыдущему году, в %	100,0	98,5	99,7	99,2	х
Поголовье коров в хозяйствах всех категорий, тыс. голов	8115,2	7966,0	7950,6	7942,6	97,9
к предыдущему году, в %	100,0	98,2	99,8	99,9	х
Производства молока в хозяйствах всех категорий, тыс. тонн	29887,5	29787,2	30184,5	30611,2	102,4
к предыдущему году, в %	100,0	99,7	101,3	101,4	х
Доля хозяйств населения в общем объеме производства молока в России, %	44,0	42,1	40,2	38,7	-5,3
Надой молока на одну корову в год в сельхозорганизациях, кг	5140	5370	5660	5945	115,7
к предыдущему году, в %	100,0	104,5	105,4	105,0	х
Выход приплода телят на 100 коров в сельхозорганизациях, голов	78	78	77	76	-2
Падеж крупного рогатого скота всех возрастов в % к обороту стада в сельхозорганизациях	2,0	2,0	1,8	1,9	-0,1

Источник: Агропромышленный комплекс России в 2018 году. М., 2019 [1]

Анализ динамики ресурсов производства и использования молока и молокопродуктов в России с 2010 по 2019 гг. показывает, что запасы на начало года данной продукции уменьшились с 1,9 до 1,7 млн т, или на 10,5%, валовое производство молока-сырья снизилось с 32,0 до 31,3 млн т, или на 2,2%, сократился импорт в страну молочных продуктов с 8,2 до 6,4 млн т, или на 22,0%. Запасы молока и молочной продукции на начало года анализируемого периода снизились

с 42,0 до 39,4 млн т, или на 6,2%. Следует заметить, что за пять лет уменьшилось производственное потребление молока с 4,2 до 2,8 млн т, или на 33,3%, сократились потери молока с 0,03 до 0,02 млн т, или на 33,3%. В данном периоде увеличился экспорт молока и молочной продукции с 0,5 до 0,6 млн т, или на 120%. Однако сократилось личное потребление молочной продукции с 34,9 до 34,3 млн т, или на 1,7% (таблица 2).

Таблица 2 – Динамика ресурсов и использование молока и молокопродуктов в России (млн тонн)

Показатели	Годы					2019 в % к 2010
	2010	2016	2017	2018	2019	
Ресурсы						
Запасы на начало года	1,9	1,9	1,7	1,6	1,7	89,5
Производство	32,0	30,0	30,0	31,0	31,3	97,8
Импорт	8,2	7,6	7,0	6,5	6,4	78,0
Итого ресурсов	42,0	39,0	39,0	39,0	39,4	93,8
Использование						
Производственное потребление	4,2	3,1	2,9	2,9	2,8	66,7
Потери	0,03	0,03	0,03	0,03	0,02	66,7
Экспорт	0,5	0,6	0,6	0,6	0,6	120,0
Личное потребление	34,9	33,8	33,7	33,6	34,3	98,3
Запасы на конец года	1,9	1,7	1,6	1,7	1,7	89,5

Источник: Россия в цифрах. 2020: Крат. стат. сб./Росстат- М., 2020 – 550 с. [2]

На отечественный продовольственный рынок молоко и молочная продукция к потребителю поступает в виде пищевых продуктов в широком ассортименте в переработанном виде. За 2015-2018 гг. последние годы по основным видам молочной продукции замечен прирост производства. Так, выработка сливочного масла увеличилось 256,3 до 266,7 тыс. т, или на 4,1%, производство жидкого обработанного молока, включая молоко для детского питания повысилось с 5447,5 до 5466,3 тыс. т, или на 0,3%, производство молока и сухих сублимированных сливок возросло с 123,8 до 133,3 тыс. т, или на 7,7%, выработка сыра и сырных продуктов возросла с 588,7 до 673,0 тыс. т, или на 14,3%, выработка жидкой и пастообразной молочной продукции повысилось с 110,2 до 164,5 тыс. т, или почти в 1,5 раза. Одновременно

сократилось производство продуктов молочных сгущенных с 827,8 до 805,9 муб, или на 2,6%, а также выработка сухих молочных смесей с 23,5 до 23,0 тыс. т, или на 14,9% (таблица 3).

Для повышения экономической эффективности производства молока и роста рентабельности отрасли молочного скотоводства существенное значение имеет качество реализуемого молока и продуктов его переработки. В России с 2015 по 2018 гг. доля молока высшего сорта в процентах от общей реализации практически не изменилась и осталась на одном уровне – 72,4%. Одновременно доля молока первого сорта в процентах от общей реализации составила 25,2%, незначительно повысился сбыт несортного молока с 0,11 до 0,51%, или на 0,4 процентных пунктов (таблица 4).

Таблица 3– Динамика ассортимента производимой в России молочной продукции

Показатели	Годы				2018в % к 2015
	2015	2016	2017	2018	
Масло сливочное, тыс. т	256,3	250,9	270,1	266,7	104,1
Молоко жидкое обработанное, включая молоко для детского питания, тыс. т	5447,5	5540,1	5390,1	5466,2	100,3
Молоко и сливки сухие сублимированные, тыс. т	123,8	116,2	134,7	133,3	107,7
Сыр и продукты сырные, тыс. т	588,7	605,2	648,1	673,0	114,3
Продукты молочные сгущенные, муб	827,8	854,2	837,8	805,9	97,4
Жидкие и пастообразные молочные продукты для детей раннего возраста, тыс. т	110,2	113,8	121,7	164,5	149,3
Сухие молочные смеси, включая кисло-молочные для детей раннего возраста, тыс. т	23,5	25,6	20,3	20,0	85,1

Источник: Агропромышленный комплекс России в 2018 году. М., 2019 [1]

Таблица 4 – Тренд качества реализуемого молока в России, в % от общей реализации

Показатели	Годы				2018в % к2015
	2015	2016	2017	2018	
Молоко высшего сорта	72,6	-0,2	73,9	72,4	-0,2
Молоко первого сорта	25,5	-0,3	24,3	25,2	-0,3
Несортное молоко	0,11	0,4	0,11	0,51	0,4

Источник: Агропромышленный комплекс России в 2018 году. М., 2019 [1]

В России потребление молока в расчете на одного человека имеет тенденцию к сокращению. Так, в 2018 г. на душу населения в стране было потреблено 229 кг молока, или на 1,7% ниже по сравнению с 2015 г. Существенно сократилось потребление молока на душу населения в Центральном федеральном округе с 217 кг (2015 г.) до 203 кг (2018

г.), или на 6,5%, а также в Северо-Западном, Приволжском, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах. Следует заметить, что доля молока отечественного производства в количестве потребляемом населением молока с каждым годом увеличивается с 87,6 (2015 г.) до 90,8 в 2018 г. (таблица 5).

Таблица 5 – Тренд производства и потребления молока на душу населения в России, кг

Показатели	Годы				2018 в % к 2015
	2015	2016	2017	2018	
Производства молока на душу населения, кг	204,1	203,1	205,6	208,0	101,9
Потребление молока на душу населения, кг	233,0	231,0	230,0	229,0	98,3
Отношение производства к потреблению, в %	87,6	87,9	89,4	90,8	3,2 п.п.

Источник: Агропромышленный комплекс России в 2018 году. М., 2019 [1]

В систему продовольственного обеспечения страны, на продовольственный рынок отечественные производители молока и молочной продукции поставляют вырабатываемую пищевую продукцию в широком ассортименте. Так, с 2015 по 2018 гг. выработка сливочного масла увеличилась с 256,3 до 266,7 тыс. т, или на 4,1%. Наиболее вы-

сокие темпы производства сливочного масла достигнуты в Северо-Кавказском федеральном округе – с 10,1 (2015 г.) до 14,2 тыс. т (2018 г.), или на 40,6%, Южном федеральном округе с 18,8 до 22,6 тыс. т, или на 20,2%, Северо-Западном федеральном округе – с 10,1 до 15,7 тыс. т, или на 11,3%, в Приволжском федеральном округе – с 77,2 до 84,3 тыс. т,

или на 9,2% [1].

Молочное скотоводство успешно развивается в республике Татарстан, осуществляя весомый вклад в формирование ресурсов национальной продовольственной безопасности. С 2015 по 2019 гг. производство молока во всех категориях хозяйств республики увеличилось с 1753 до 1896,1 тыс. т, или на 8,1%, в том числе в сельскохозяйствен-

ных организациях – с 1032,0 до 1175,4 тыс. т, или на 13,9%, в крестьянских (фермерских) хозяйствах (включая индивидуальных предпринимателей – с 140,2 до 174,7 тыс. т, или на 24,6%. Вместе с тем следует заметить, что в хозяйствах населения за рассматриваемый период производство молока сократилось с 581,5 до 546,0 тыс. т, или на 6,1% (таблица 6).

Таблица 6 - Производство молока по категориям хозяйств в республике Татарстан, тыс. т

Показатели	Годы					2019 в % к 2015
	2015	2016	2017	2018	2019	
Хозяйства всех категорий	1753,7	1774,5	1823,8	1848,0	1896,1	108,1
Сельскохозяйственные организации	1032,0	1066,1	1111,9	1140,4	1175,4	113,9
Доля в общем объеме, %	58,8	60,1	61,0	61,7	62,0	3,2пп.
Хозяйства населения	581,5	569,3	554,0	552,5	546,0	93,9
Доля в общем объеме, %	33,2	32,1	30,4	29,9	28,8	-4,4пп.
Крестьянские (фермерские) хозяйства ¹⁾	140,2	139,1	157,9	155,1	174,7	124,6
Доля в общем объеме, %	8,0	7,8	8,6	8,4	9,2	1,2пп.

1) Включая индивидуальных предпринимателей

В системе продовольственной безопасности значительное внимание уделяется межотраслевым экономическим отношениям между производителями молока и молочной промышленностью. В современных условиях имеет место усиление монополизма молочной промышленности и торговых организаций на формирование розничной цены на сырое молоко и молочную продукцию, которая осуществляется не в сфере производства, а главным образом в системе переработки и обращения, что порождает противоречия между производителями, переработчиками молока и торговыми организациями. Обоснованное развитие межотраслевых организационно-экономических связей между сельскохозяйственными организациями и молочными заводами позволит повысить эффективность использования имеющегося производственного потенциала и обеспечит взаимный экономический интерес в развитии кооперационных и интеграционных форм в сфере производства, пере-

работки и сбыта молочной продукции.

В Республике Татарстан в системе производства и сбыта сырого молока и молочной продукции сложились разные формы сбыта товара. Сельскохозяйственные организации сырое молоко поставляют на предприятия молочной промышленности крупными партиями по мере его производства, в том числе на основе договоров контрактации. Молочные заводы реализуют молочную продукцию на оптовых рынках, аукционах и в системе розничной торговли через магазины без контрактов. Крестьянские (фермерские) хозяйства реализуют сырое молоко и молочную продукцию через сбытовые потребительские сельскохозяйственные кооперативы или самостоятельно на местных рынках. В Республике Татарстан осуществляется крупными контрагентами и биржевая торговля молочной продукцией: сливочным маслом, сыром, сухим молоком, молочными консервами и другими видами товаров. Хозяйства населения реализуют сырое мо-

локо непосредственно на семейной ферме, как потребителям, так и посредникам перерабатывающих или торговых организаций.

В системе продвижения ресурсов молока и молочных продуктов в инфраструктуру национальной продовольственной безопасности особое место занимают заготовительные организации и предприятия потребительской кооперации и потребительских обществ Центросоюза Российской Федерации. Заготовительными организациями потребительских обществ и союзов ежегодно закупается у малых форм хозяйствования на селе более 223 тыс. т молока и молокопродуктов в пересчете на молоко. Заготовкой молока занимаются заготовительные конторы и пункты потребкооперации практически во всех регионах

страны. При этом следует заметить, что в целом в системе Центросоюза объемы закупок молока потребкооперацией по отношению к предыдущему году имеют тенденцию к увеличению. Так, в 2019 г. по отношению к предыдущему году объемы закупок молока возросли на 0,7%, а в 2020 г. по отношению к предыдущему году – на 2,1%. Наиболее высокими темпами увеличиваются объемы закупок молока в потребительских обществах Северо-западного и Приволжского федеральных округов. Лидером по объему закупок молока являются кооператоры Приволжского федерального округа, доля заготовленного молока которыми в системе Центросоюза России составляет 91,0% (таблица 7).

Таблица 7 – Динамика закупки молокопродуктов потребительскими обществами федеральных округов Российской Федерации, тыс. тонн

Федеральные округа РФ	Годы					2020 в % к 2016
	2016	2017	2018	2019	2020	
Центросоюз РФ	223,8	225,1	217,3	218,9	223,4	99,8
Отношение к предыдущему году, в %	100,9	100,6	96,5	100,7	102,1	1,2п.п.
Центральный	3,9	3,8	3,7	3,6	3,5	89,7
Отношение к предыдущему году, в %	102,6	97,4	97,4	97,3	97,2	-5,4п.п.
Северо-Западный	2,1	1,8	1,5	1,5	1,9	90,5
Отношение к предыдущему году, в %	123,5	85,7	83,3	100,0	126,7	3,2п.п.
Южный	1,3	1,1	0,9	0,8	0,6	46,2
Отношение к предыдущему году, в %	81,3	84,6	81,8	88,9	75,0	-6,3п.п.
Северо-Кавказский	2,5	2,4	2,0	2,8	2,3	92,0
Отношение к предыдущему году, в %	86,2	96,0	83,3	140,0	82,1	4,1п.п.
Приволжский	198,3	199,7	195,8	197,8	203,4	102,6
Отношение к предыдущему году, в %	103,3	100,7	98,0	101,0	102,8	-0,5п.п.
Уральский	4,2	4,3	3,9	3,6	3,1	73,8
Отношение к предыдущему году, в %	87,5	102,4	90,7	92,3	86,1	-1,4п.п.
Сибирский	5,7	3,9	3,0	2,6	2,5	43,9
Отношение к предыдущему году, в %	41,3	68,4	76,9	86,7	96,2	54,9п.п.
Дальневосточный	1,8	1,8	1,3	1,0	0,7	38,9
Отношение к предыдущему году, в %	128,6	100	72,2	76,9	70,0	-58,6

*п.п. – процентные пункты

Источник: Основные показатели хозяйственной деятельности потребительской кооперации России 2016-2020 гг. М., 2021.

Анализ развития молочного хозяйства страны и его места в обеспечении населения отечественным молоком и молочной продукцией показывает, что пока не удастся полностью удовлетворить спрос потребителей отечественной молочной продукцией. Для повышения

эффективности молочного скотоводства предполагается выявить его сильные и слабые стороны, определить перспективы развития отрасли, выделить дополнительные средства, обновить технологии в производстве, переработке и продвижении продукции по технологической цепи

до конечного потребителя. Осуществить необходимые меры по повышению продуктивности коров, улучшению экологической чистоты производимого молока и молочной продукции, построить высокотехнологичные молочные фермы. Особое внимание уделить улучшению дорожной сети для транспортировки молока, как на молокозаводы, так и в торговые предприятия. Одновременно необходимо обеспечить полноценное сбалансированное кормление, содержание и воспроизводство, и своевременное обновление основного молочного стада коров. Рост поголовья и продуктивности коров позволит увеличить объемы производства молока и молочной продукции, расширить поставки молочных продуктов на продовольственный рынок, поднять прибыльность предприятий, улучшить их финансовые результаты хозяйствования. Для наращивания объемов производства

молока необходимо полнее использовать возможности хозяйств населения, крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей. Анализ производства молочной продукции республики Татарстан показывает, что в данном субъекте России имеются все необходимые условия и факторы для успешного развития молочно-продуктового подкомплекса. В республике сформировалось продуктивное молочное стадо. Природные условия позволяют выращивать кормовые культуры для сбалансированного кормления молочных коров. Молочная промышленность обеспечивает переработку сырого молока, вырабатывает в широком ассортименте молочную продукцию с учетом потребительского спроса, развитие молочного хозяйства имеет хорошие перспективы.

Литература

1. Агропромышленный комплекс России в 2018 году. М., 2019.
2. Россия в цифрах. 2020: Крат. стат. сб. // Росстат М. 2020. 550 с.
3. Основные показатели социально-экономической деятельности потребительской кооперации Российской Федерации. Центросоюз РФ. М., 2020.
4. Гордеев А.В., Суглобов А.Е. Проблемы регулирования продовольственного рынка // Экономика сельского хозяйства России. 1999. № 8. С. 3-4.
5. Каурова О.В., Малолетко А.Н., Ткач А.В. Место и роль потребительской кооперации в обеспечении продовольственной безопасности регионов России // Вестник Российского университета кооперации, Научно-теоретический журнал. № 2(40) 2020. с. 51-61.
6. Максаев А.А., Каурова О.В., Дианова В.Ю., Малолетко А.Н., Ткач А.В. Потребительская кооперация в инфраструктуре рынка пищевых дикорастущих культур субъектов Российской Федерации. Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики // Научно-теоретический журнал. 2020. № 2. С. 9-18.
7. Максаев О.В., Каурова, А.В., Нечитайлов А.С., Ткач А.В. Инновационный подход к развитию животноводства в регионах страны // Вестник Российского университета кооперации, Научно-теоретический журнал. № 1(39) 2020. с. 50-59.
8. Максаев А.А., Суглобов А.Е., Ткач А.В. Предпринимательство хозяйствующих субъектов потребительской кооперации в агропромышленном комплексе // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2019. № 5. С. 8-17.
9. Набиева А.Р., Ткач А.В. Основные этапы концепции потребительской кооперации в Российской Федерации и проблемы реализации её // Russian Journal of Management. 2019. Т. 7. № 1. С. 61-65.
10. Нечитайлов А.С., Жукова О.И., Жуков А.С., Ткач А.В., Кооперативное предпринимательство в аграрном секторе // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. № 3(48). 2019. С.118-124.
11. Розанова Т.П., Нечитайлов А.С., Ткач А.В. Тенденции формирования и развития рынка молока и молочной продукции в России. Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2019. № 6. с. 74-80.
12. Суглобов А.Е., Ткач А.В. Предпринимательство в системе потребительской кооперации России // Экономические и гуманитарные науки (ОГУ имени И.С. Тургенева). № 7(342). 2020. с. 102-113.

УДК 336.22

Современное состояние и пути совершенствования механизма исчисления и взимания налога на имущество организаций

Р.Ш. Абакарова, кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Налоги и налогообложение»,

Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Дагестанский государственный университет народного хозяйства» (ГАОУ ВО «ДГУНХ»),
г. Махачкала, Республика Дагестан

В исследовании рассматриваются качественные изменения в расчете налога на имущество хозяйствующих субъектов в Российской Федерации в настоящее время. Кроме того, изучаются теоретические предпосылки возникновения проблем налога на имущество организаций, возникающих в настоящее время, а также предлагаются практические рекомендации по их устранению и оптимизации администрирования налога в будущем. Также проводится анализ и оценка динамики и совокупной доли налога на имущество предприятий в бюджете Республики Дагестан за 2018-2020 годы, а также делаются выводы о величине налогового бремени, используя расчеты.

Имущество, налог на имущество, налогообложение, администрирование, имущество предприятий, собираемость, исчисление, кадастровая стоимость.

Current state and ways to improve the mechanism for calculating and collecting corporate property tax

R.Sh. Abakarova, candidate of economic sciences,
assistant professor of the department «Taxes and taxation»,
State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Dagestan State University of National Economy»
(GAOU VO «DGUNH»), Makhachkala, the Republic of Dagestan

The study examines the qualitative changes in the calculation of the property tax of economic entities in the Russian Federation at the present time. In addition, the theoretical background of the problems of corporate property tax that arise at the present time is studied, as well as practical recommendations for their elimination and optimization of tax administration in the future are offered. It also analyzes and evaluates the dynamics and the total share of corporate property tax in the budget of the Republic of Dagestan for 2018-2020, and draws conclusions about the size of the tax burden using calculations.

Property, property tax, taxation, administration, enterprise property, collection, calculation, cadastral value.

Как показывают исследования, в Российской Федерации налог на имущество предприятий был введен в 1992 году. Разумеется, история имущественного налогообложения затрагивает и более ранний период, но такого серьезного сдвига в развитии рассматриваемого налога не было до его появления в виде Федерального Закона. Впоследствии данный налог был внесен в соответствующую главу 30 Налогового Кодекса, введенную спустя 11 лет после его появления. На современном этапе, как и в большинстве стран, в Российской Федерации налог на имущество предприятий рассматривается, в основном, как источ-

ников налоговых доходов бюджетов субъектов нашей страны. В частности, в Республике Дагестан он играет важную роль в пополнении доходов консолидированного бюджета. Тем не менее, за все 19 лет своего существования и развития, данный налог так и не стал чем-нибудь заметным в жизни субъектов Российской Федерации, а его собираемость из года в год по стране падает.

Чтобы рассмотреть основные проблемы и мероприятия по совершенствованию механизма исчисления и взимания налога на имущество организаций, необходимо разобраться с методикой его расчета. Для этого обратимся в главе 30

НК РФ.

Так, налог на имущество развивался как региональный налог, поэтому региональные органы власти определяют свою собственную налоговую ставку, однако не противоречащую основному нормативно-правовому акту страны [1, с.16].

Также региональными органами власти устанавливаются свои собственные налоговые льготы и порядок их применения различными категориями налогоплательщиков.

Плательщиками рассматриваемого налога, уплачиваемого предприятиями, являются хозяйствующие субъекты, которые имеют у себя имущество, подпадающее под объект налогообложения. Также в статье 374 Налогового Кодекса Российской Федерации указан перечень налогоплательщиков, которые лишены обязанностей уплаты данного налога.

Теперь рассмотрим объект налогообложения данным налогом. Как это ни парадоксально, к объектам налогообложения относится недвижимое имущество, а также имущество, которое находится на балансе организаций.

Региональные органы власти, устанавливая налоговую базу, определяют её также через статью 375 НК РФ, которая гласит, что налоговая база – это среднегодовая стоимость имущества, которое находится на балансе у хозяйствующего субъекта.

Как считает Зотиков Н.З., расчет налога на имущество организаций осуществляется налогоплательщиками самостоятельно. Они подают налоговые декларации несколько раз в год и самостоятельно их оплачивают через банковские организации, с расчетного счета и иным способом [1, с.7].

Налоговая ставка не может превышать 2,2%, которая едина на всей территории Российской Федерации, но, например, для Республики Дагестан такая ставка составляет 1% на период до конца

2021 года в соответствии с законом Республики Дагестан от 29.05.2020г. № 28.

Стоит также отметить, что для каждого субъекта Российской Федерации существуют свои собственные региональные законы, согласно которым осуществляется расчет исследуемого налога. Например, в Республики Дагестан данный закон о налогу на имущество был принят 08.10.2004 года. В данном региональном нормативно-правовом акте собраны все основные элементы налога на имущество предприятий в редакции от 2020 года, освобождающие от уплаты налога те хозяйствующие субъекты, которые реализуют инвестиционные проекты.

На наш взгляд, если организация имеет основные средства, расположенные в разных субъектах РФ, то она уплачивает налог на имущество в соответствии с требованиями каждого региона. Налоговая база при этом рассчитывается по каждому объекту отдельно и учитывается по местонахождению головного офиса компании и т.д.

В Налоговом Кодексе Российской Федерации устанавливаются необходимые пределы ставки исследуемого налога. Но на практике, каждый субъект нашей страны, согласно п.1 ст.380 НК РФ, имеет право самостоятельно устанавливать ставку данного налога. Разрешено устанавливать различные налоговые ставки, которые меняются в зависимости от конкретного налогоплательщика или имущества.

В статье 383 НК РФ говорит о порядке и сроках уплаты налога. Кроме того, эта же статья устанавливает объем и период уплаты авансовых платежей по исследуемому налогу. Более того, субъекты Российской Федерации самостоятельно устанавливают порядок уплаты исследуемого налога.

Большинство организаций пытаются оптимизировать платежи по данному налогу, или пытаются уйти от оплаты (оплатить не в полном объеме), не

зная, что существует множество способов, с помощью которых можно законно платить по данному налогу меньше.

Разобравшись с основной методикой расчета налога, можно перейти к сути проблемы. Для этого в таблице 1

представлена динамика показателей исчисления и взимания налога на имущество предприятий на примере Республики Дагестан за 2018-2020 гг.

Таблица 1 – Динамика показателей исчисления и взимания налога на имущество предприятий в Республике Дагестан за 2018-2020 гг., млн. руб.

Годы / вид дохода	2018		2019		2020	
	Плановые показатели	Фактические показатели	Плановые показатели	Фактические показатели	Плановые показатели	Фактические показатели
Доходы бюджета РД	144779	148620	173272	166270	216949	215819
Налог на имущество организаций	3447	3519	2757	3332	3233	3429

Источник: отчетные данные Министерства Финансов Республики Дагестан по ссылке <http://minfinrd.ru/file/download/5927>

Так, за последние годы собираемость налога на имущество предприятий имеет отрицательную собираемость с 3519 млн. рублей в 2018 году, до 3429 млн. рублей в 2020 году, но при этом, показатели за 2019 год ниже, чем за аналогичный период 2020 года. Также нужно отметить, что плановые показатели практически каждый год ниже поступающих средств. На наш взгляд, пока общий уровень налогового бремени для налогоплательщика остается на удобной для него величине, то всё для предприятия в порядке. С другой стороны, видно, как бизнес всё-таки уходит в тень и платит всё меньше налога на имущество организаций.

Также необходимо уточнить соотношение поступления исследуемого налога с общим доходом бюджета. Если общие доходы бюджета Республики Дагестан составляли 148620 млн. рублей в 2018 году. Затем следует увеличение на 17650 млн. рублей до 166270 млн. рублей в 2019 году и отчетный 2020 год показал 215819 млн. рублей. Следовательно, можно сказать, что доходы бюджета растут, в то время как доля доходов по исследуемому налогу падает.

На рисунке 1 представлены основные показатели соотношения доходов

бюджета Республики Дагестан и собираемости исследуемого налога. Цифры говорят сами за себя.

Следовательно, существует большое количество проблем в механизме администрирования налога на имущество организаций и на современном этапе большинство хозяйствующих субъектов пытаются оптимизировать платежи по налогу на имущество организаций, а также пытаются уйти от оплаты (оплатить не в полном объеме), не зная, что существует множество способов, с помощью которых можно законно платить по данному налогу меньше.

Поэтому можно предложить следующие способы совершенствования механизма исчисления и взимания налога на имущество организаций:

1. Применение различных льгот, существующих в 2021 году по налогу на имущество хозяйствующих субъектов.
2. Перерасчет стоимости основных фондов хозяйствующего субъекта при помощи переоценки средств.
3. Оптимизация оборотных активов предприятия.
4. Возможность применения договора простого товарищества, а также договора долевого приобретения имущества.

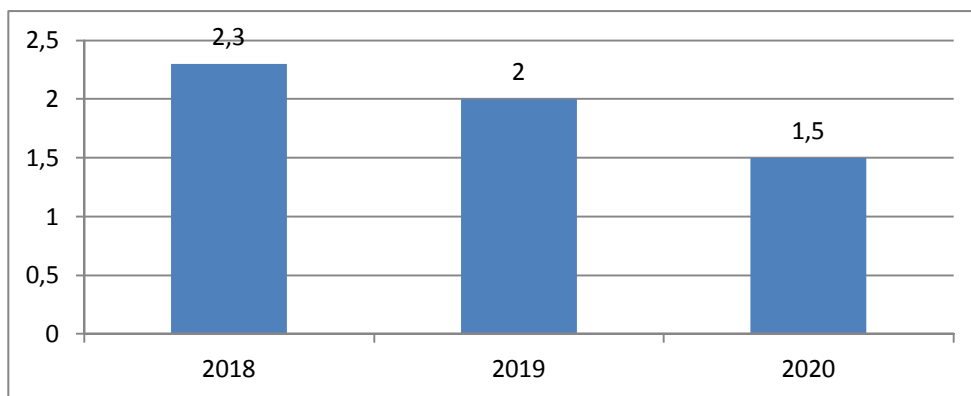

Рисунок 1 – Соотношение доходов бюджета РД и налога на имущество организаций (налоговая нагрузка) в 2018-2020 гг., %

Примечание – отчет по отчетным данным Министерства Финансов Республики Дагестан по ссылке <http://minfinrd.ru/file/download/5927>

Данные мероприятия позволят улучшить механизм администрирования рассматриваемого налога, а также будут способствовать повышению эффективности исчисления и взимания данного налога.

Рассмотрим данные мероприятия более подробно. Так, самым затруднительным для применения оптимизации налога на современном этапе является использование льгот, так как это предполагает наличие у организации определенной категории имущества или осуществления определенного вида деятельности в отношении определенной категории имущества. Исходя из этого, применение такой оптимизации является долгосрочным и, прежде всего, предварительным.

Снижение стоимости основных средств посредством переоценки заключается в том, что дорогостоящее оборудование может устаревать, так как высокие технологии быстро развиваются, что помогает организации платить налог с наименьшей неактуальной стоимостью [3, с.18].

Как считает Черниченко Е.В., для того, чтобы оптимизировать и улучшить показатели собираемости налога на имущество организаций, до хозяйствующих субъектов в регионах нашей

страны необходимо донести, что необходима переоценка групп основных средств. Это необходимо для того, чтобы единожды организации осуществила перерасчет, снизила общую налоговую базу и легально уплатила данного налога меньше. Также необходимо отметить, что для того, чтобы данный механизм переоценки работал, организациям необходимо осуществлять это с периодичностью не реже 1 раза в год. Дополняя авторскую теорию, нужно отметить, что переоценка основных средств не является новым способом снижения налогового бремени по налогу на имущество хозяйствующих субъектов. Еще в пункте 15 ПБУ 6/1 установлена периодичность переоценки основных средств не реже 1 раза в год. Этого достаточно, чтобы минимизировать объем налоговой базы по исследуемому налогу. Также необходимо переоценивать не все объекты в единой базе, а однородные объекты – отдельной переоценкой и т.д. Тем самым будет достигнута единая стоимость основных средств, а, следовательно, отличий по стоимости на конце отчетного периода не будет [4, с.234].

Также для хозяйствующих субъектов важно помнить, что в целях минимизации рисков при исчислении налога на имущество необходимо руководство

ваться пунктом 25 методуказаний по бухгалтерскому учету основных средств.

В целях совершенствования администрирования налога на имущество организаций необходимо усилить налоговый контроль в Российской Федерации в целом. Поскольку современное положение во внутренних факторах крайне нестабильно (коронавирус и связанные с этим ограничения), важное значение в администрировании данного налога играют автоматизированные информационные системы. В налоговых органах основным рабочим инструментом является система АИС «Налог» 2 и 3. Последняя версия программы позволяет реализовать множество функций по различным перекрестным связкам, а также анализу финансовой и бухгалтерской отчетности предприятия, поэтому так важно быстро перейти на электронный формат работы с заявлениями налого-

плательщиков. Тем самым вопросы отчетности по налогу на имущество организаций станут решаться с большей эффективностью.

Таким образом, на современном этапе для организаций существует множество легальных способов уменьшения налоговых выплат по данному налогу, некоторые из которых были рассмотрены в данном исследовании, но также необходимо понимать, что каждый год налоговое законодательство меняется, поэтому предприятиям необходимо подстраиваться под каждое изменение, но продолжать платить данный налог. Это позволит наполнять бюджеты региональных органов власти Российской Федерации необходимыми для осуществления социально-экономической политики ресурсами, а также осуществлять разнообразные социальные программы.

Литература

1. Зотиков Н.З. Имущественное налогообложение: направления совершенствования // *OECONOMIA ET IUS*. 2020. № 2. С.1-16.
2. Лебедин М.О. Оптимизация налога на имущество организации // *Заметки ученого*. 2020. № 10. С.319-324.
3. Хидиров Т.А. Анализ действующей системы налогообложения имущества организации: и перспективы ее совершенствования // *Учет и контроль*. 2020. № 7. С.18-20.
4. Черниченко Е.В. Расчет налога на имущество организаций по кадастровой стоимости // *Бухучет, анализ, аудит и налогообложение: проблемы и перспективы*. 2021. С.233-236.

УДК 336.027

Оценка эффективности валютного контроля в России

Т.С. Аббасова, доцент,

Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области

«Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза,
летчика-космонавта А.А. Леонова», г. Королев, Московская область,

Т.Э. Аббасов, студент,

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», г. Москва

Выявлены факторы влияния валютной политики на валютный рынок и реальный сектор экономики Российской Федерации. Составлена модель для анализа факторов, влияющих на уровень заниженности или завышенности валютного курса Российской Федерации по отношению к паритетному валютному курсу. Показано, что уровень заниженности валютного курса отрицательно коррелирует с сальдо платежного баланса и ростом ВВП, при этом положительно коррелирует с уровнем инфляции, уровнем природной ренты в экономике и уровнем коррупции в стране. Предложены организационные мероприятия для повышения эффективности валютного контроля в России.

Валютный сектор, динамика капитала, регрессионный анализ, завышенный курс, заниженный курс.

Development options for the world monetary system

T.S. Abbasova, Associate Professor,

State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow Region

«Technological University named after twice Hero of the Soviet Union,
pilot-cosmonaut A.A. Leonov», Korolev, Moscow region,

T.E. Abbasov, a student,

State budget institution of higher education «Plekhanov Russian University of Economics», Moscow

The factors of influence of monetary policy on the foreign exchange market and the real sector of the economy of the Russian Federation are revealed. A model has been compiled to analyze the factors that influence the level of undervaluation or overvaluation of the Russian Federation exchange rate in relation to the parity exchange rate. It is shown that the level of undervaluation of the exchange rate negatively correlates with the balance of payments and GDP growth, while positively correlating with the level of inflation, the level of natural resource rent in the economy and the level of corruption in the country. Organizational measures are proposed to improve the efficiency of currency control in Russia.

Foreign exchange sector, capital dynamics, regression analysis, overvalued, undervalued.

Введение

Создание хозяйственного рынка в России требует решительных преобразований в валютной сфере. Сущность этих изменений постепенно создаст благоприятные условия перехода от государственной монополии по всем операциям между производителями и партнерами компаний к рыночной форме ведения товарных взаимоотношений [8, С.25;9, С.7].

Актуально для российского социально-экономического развития применение рационального системного стратегического подхода, направленного

на совершенствование валютного контроля, с учетом новых процессов в международной и национальной экономике [2, С.115;10, С.22].

Оценка современного состояния национальной экономики Российской Федерации в связи с функционированием национального валютного рынка

Российский рубль сталкивается с проблемами, связанными с отсутствием четко прописанных законодательных норм, нестабильной экономикой, волатильностью и конвертируемостью теку-

шего курса национальной валюты на мировом рынке.

Негативное влияние для российского валютно-денежного рынка оказывает со стороны следующих факторов [2, С.116]: низкая цена на нефтепродукты; завышенный курс основных мировых валют; санкции со стороны ЕС и США в отношении России; недоработки проводимой международной политики; неконтролируемый отток капитала; разные внешние и внутренние рыночные факторы.

Отечественному валютному сектору отводится большая роль в финансовой национальной системе, поскольку он тесно связан с банковским, страховым, фондовым и иными сегментами [4, С.14]. В условиях макроэкономической нестабильности именно валютные активы являются одним из популярных инструментов вложения собственных средств [3, С.86].

Текущее регулирование рыночной конъюнктуры является основным

направлением валютной политики. В качестве ее основных элементов выступают: валютные интервенции, субсидирование, диверсификация резервов. С точки зрения долгосрочной перспективы проводится структурное реформирование валютного сектора. Оно преследует следующие основные цели [7, С.38]: формирование полноценного валютного рынка; минимизация зависимости национальной экономики от курса доллара; установление твердого курса рубля по отношению к другим валютам.

Для отечественного валютного рынка характерна зависимость от экспорта природных ископаемых. Существенная часть доходов федерального бюджета представлена экспортными пошлинами на нефть и нефтепродукты [1, С.23]. Для его анализа сравним основные параметры национального сектора с рядом стран с аналогичной сырьевой направленностью. Данные представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнительный анализ характеристик, влияющих на валютный сектор, по странам с сырьевой зависимостью экономики за 2019 год (составлено автором на основе [5] и [11])

Страна	Природная рента, в % от ВВП 2019г.	Темп роста ВВП 2019/2018 г., %	Уровень заниженности или завышенности валютного курса к паритетному, %	Сальдо платежного баланса (в % от ВВП) в 2019 году	Инфляция в 2019 году, в %	Уровень восприимчивости коррупции, баллов
Россия	15,5	1,3	-60,5	9,9	3	28
Саудовская Аравия	29,5	2,4	-52,1	13,3	2,5	49
Катар	21,3	1,2	-29,3	20,0	0,3	62
Австралия	7,5	2,9	12,5	0,3	1,9	77
Норвегия	8,0	1,3	20,8	5,8	2,8	84
Чили	12,0	3,9	-35,7	-0,1	2,4	67
Перу	8,9	4,0	-46,9	1,8	1,3	35
Канада	2,4	2,0	-7,5	-1,9	2,3	81
Алжир	19,0	1,2	-65,2	-6,3	4,3	35
Оман	29,2	1,7	-43,6	13,8	0,8	52

Проведем регрессионный анализ влияния перечисленных выше факторов на показатель уровня заниженности или завышенности валютного курса к паритетному, который оценивается

$$Y_{ВК} = Y_{НВП} / Y_{ПВП} - 1, \quad (1)$$

где $Y_{НВП}$ – номинальный уровень ВВП; $Y_{ПВП}$ – уровень ВВП по паритету покупательной способности.

Коэффициент детерминации R нашей модели равен 0,8; таким образом, предложенная модель на 80% объясняет дисперсию зависимой переменной (уровень заниженности или завышенности валютного курса к паритетному). Коэффициенты полученной модели представлены в таблице 2 (данные проанализированы за период 2005-2019 гг.).

Все показатели составленной модели отвечают критерию статистической значимости ($p < 0,05$), за исключением показателя роста ВВП. Однако уровень значимости данного показателя приблизительно составляет 0,089, что позволяет нам включить данный показатель в нашу модель ($p < 0,10$).

Таблица 2 – Коэффициенты регрессионного анализа зависимости уровня заниженности (завышенности) валютного курса от различных макроэкономических факторов (составлено автором на основе [6] и [11])

Коэффициент	Значение коэффициента	Стандартное отклонение	Уровень значимости p
Пересечение с осью Y	-0,83489	0,07172	$< 2e-16$
Индекс восприятия коррупции	1,32342	0,08879	$< 2e-16$
Сальдо платежного баланса	0,58796	0,20269	0,00435
Рост ВВП	0,83130	0,48533	0,08905
Уровень инфляции	-0,78791	0,39642	0,04890
Уровень природной ренты	-1,31059	0,17664	1,21e-11

В результате анализа получаем следующее уравнение регрессии:

$$Y_{\text{вк}} = -0,83489 + 1,32342 I_{\text{вк}} + 0,58796 \cdot C_{\text{пб}} + 0,83130 \cdot P_{\text{ввп}} - 0,78791 \cdot U_{\text{и}} - 1,31059 \cdot U_{\text{пр}}, \quad (2)$$

где $Y_{\text{вк}}$ – уровень заниженности (завышенности) валютного курса по отношению к паритетному, $I_{\text{вк}}$ – индекс восприятия коррупции в стране согласно рейтингу, составляемому ежегодно организацией Transparency International, $C_{\text{пб}}$ – сальдо платежного баланса, положительное или отрицательное, в % от ВВП страны, $P_{\text{ввп}}$ – годовой рост ВВП в %, $U_{\text{и}}$ – уровень годовой инфляции в %, $U_{\text{пр}}$ – уровень природной ренты, в % от ВВП.

Согласно полученному уравнению регрессии, уровень заниженности валютного курса отрицательно коррелирует с уровнем коррупции в стране, сальдо платежного баланса и ростом ВВП, при этом положительно коррелирует с уровнем инфляции и уровнем природной ренты в экономике. Эти факторы, наряду с международными санкциями, введенными против Российской Федерации, обуславливают то, что курс

российского рубля занижен сильнее по сравнению с результатами практически всех сырьевых стран, отобранных для анализа.

Графические зависимости, характеризующие увеличение объемов оттока капитала за границу, приведены на рисунке 1.

По данным рисунка 1, пик легального оттока капитала пришелся на 2014 год, когда наблюдалось резкое снижение цен на энергоносители и возникшая в связи с этим неопределенность в экономике России. Методами борьбы с системным оттоком капитала должны стать создание прозрачных условий ведения бизнеса на территории России, защита прав частной собственности и системная борьба с коррупцией.

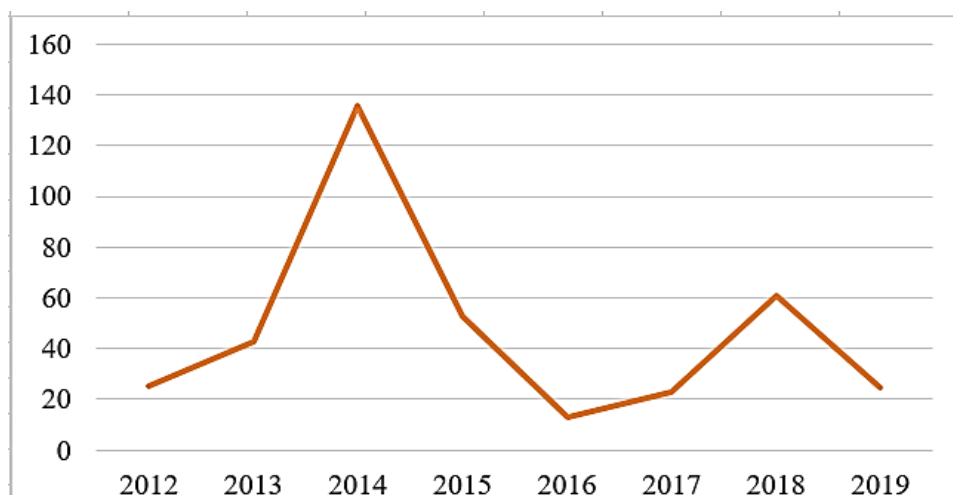

Рисунок 1 – Динамика ежегодного легального оттока капитала в период 2012-2019 гг., млрд. долл. США (составлено автором на основе [11])

Таким образом, на валютную политику России оказывают влияние как геополитические, так и макроэкономические факторы. При неустойчивом платежном балансе снижается курс рубля. В таблице 3 приведены важные направления по улучшению сферы валютной политики.

Рассмотрим представленные в таблице 3 направления более подробно.

1) Снижение оттока капитала и обеспечение полной прозрачности действий в работе всех государственных институтов. Методами борьбы с системным оттоком капитала должны стать создание прозрачных условий ведения бизнеса на территории России, защита прав частной собственности и системная борьба с коррупцией. Исследования по-

казывают, что в развитых странах наблюдается низкий уровень коррупции в экономике, однако справедливо и обратное утверждение [6]. Согласно оценке Счетной палаты, уровень хищений денежных средств из бюджета составляет около 1,5 трлн рублей ежегодно [5]. Если к этой сумме добавить сумму среднего чистого оттока капитала из России за период 2012-2019 гг. (около 3 трлн рублей ежегодно), получается сумма около 4,5 трлн рублей, так или иначе не дошедшей до национальной экономики. Данная сумма составляет около 4% от ВВП Российской Федерации за 2019 год, именно поэтому так важно создавать прозрачный бизнес-климат.

Таблица 3 – Организационные мероприятия по улучшению валютной политики Российской Федерации (составлено автором)

Направления по улучшению сферы валютной политики Российской Федерации	
1	Снижение оттока капитала и обеспечение полной прозрачности действий в работе всех государственных институтов
2	Работа с валютными интервенциями – достижение гибкости и максимальной эффективности, с фокусированием внимания на колебание цен на нефтяном рынке и чистым движением капитала
3	Обеспечение независимости Центрального Банка Российской Федерации от государства
4	Сохранение части выручки экспортеров, приводящих к повышенному спросу населения и всего сектора экономики на мировую валюту
5	Установление правил мониторинга исполнения внешнеэкономических сделок в законодательстве и расширение международного информационного обмена

2) Работа с валютными интервенциями – достижение гибкости и максимальной эффективности, с фокусированием внимания на колебании цен на нефтяном рынке и чистым движением капитала. Необходимо не допускать валютных перепадов, которые способны понизить доверие физических и юридических лиц и привести к паническим рыночным реакциям.

Одним из инструментов в данном направлении может быть модификация действующего бюджетного правила, учитывающая не только цену на нефть, но и чистое движение потоков капитала в страну или за ее пределы. По мнению автора, текущая фиксация ежедневного объема покупки валюты выглядит избыточно жестким обязательством, которое необходимо заменить на обязательство по приобретению фиксированного объема валюты на ежемесячной основе без ежедневной детализации операций Банка России. Более того, цена отсечения на следующий месяц в рамках бюджетного правила могла бы рассчитываться с учетом чистого притока (оттока) капитала

$$C_0 = B_c \cdot \left(1 - \frac{I_k}{ВВП_{ПК}}\right), \quad (3)$$

где B_c – Базовая цена отсечения, установленная в рамках бюджетного правила; I_k – изменение чистого притока (оттока) капитала, в рублях; $ВВП_{ПК}$ – величина валового внутреннего продукта за предыдущий квартал года, в рублях.

3) Шаги для достижения независимости Центрального Банка Российской Федерации:

а) Необходимо на законодательном уровне сделать обязательным участие руководителей территориальных органов Центрального Банка Российской Федерации в совете директоров Центрального Банка Российской Федерации с правом принятия решения. На данный момент, согласно закону о Центральном Банке Российской Федерации, участие

руководителей территориальных подразделений не является обязательным.

б) Согласно закону о Центральном Банке Российской Федерации, Центральный Банк обязан консультироваться и координировать свои действия с Правительством Российской Федерации по широкому кругу вопросов. Необходимо убрать данную привязку и наделить Центральный Банк большей свободой действий.

в) Необходимо изменить принципы формирования НДС таким образом, чтобы члены НДС назначались Государственной Думой и не могли совмещать свою работу в Центральном Банке с иной деятельностью.

4) Сохранение части выручки экспортеров, приводящих к повышенному спросу населения и всего сектора экономики на мировую валюту. Данная мера упростит условия ведения бизнеса юридическим лицам – участникам внешнеторговой деятельности и снизит издержки бизнеса на репатриацию. Предлагается постепенная отмена репатриации экспортной выручки; а также в пользу увеличения экспорта товаров и услуг из России, что, в конечном счете, улучшит экономическую ситуацию, поможет достичь большей диверсификации экономики Российской Федерации по отраслям. Это, в свою очередь, будет способствовать меньшей волатильности курса национальной валюты.

Для обоснования целесообразности предложенных организационных мероприятий, направленных на сохранение части выручки экспортеров, автором предложен коэффициент оценки эффективности валютной политики Российской Федерации в области внешнеэкономической деятельности

$$K_{ЭВП} = \mathcal{E} \cdot (1 + C_{ПБ}), \quad (4)$$

где \mathcal{E} – экспорт в долларах США в ценах 2005 года, который принят за базовый уровень по отношению к 2020 году; $C_{ПБ}$

– сальдо платежного баланса в процентах от ВВП.

В соответствии с соотношением (4) рассчитан коэффициент оценки эффективности валютной политики Российской Федерации в области внешнеэкономической деятельности для периода внешнеэкономической деятельности начиная с 2005 года по 2019 год.

Результаты расчета этого коэффициента приведены на рисунке 2. По сравнению с 2005 годом этот коэффициент увеличился на 0,27. Соотношение (4) можно использовать также для оценки будущих периодов внешнеэкономического развития страны с 2020 года и далее.

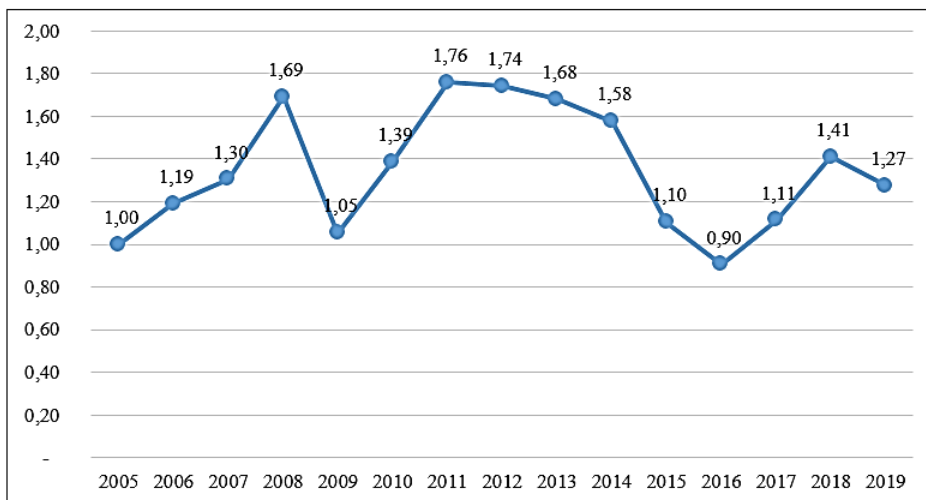

Рисунок 2 – Коэффициенты оценки эффективности валютной политики Российской Федерации в области внешнеэкономической деятельности (составлено автором на основе [6])

5) Установление правил мониторинга исполнения внешнеэкономических сделок повысит эффективность валютного контроля и создаст более прозрачные экономические условия внутри страны, что позволит привлечь иностранный капитал в экономику и обеспечит дополнительный прирост ВВП.

Таким образом, валютная политика Российской Федерации способна усовершенствоваться только на основании принятия решений о практическом применении перечисленных подходов, направленных на эффективное преобразование деятельности Банка России и Правительства, регламентирующих и регулирующих все процессы в финансовой области. Большое внимание уделяется также вопросам, касающимся валютной политики в отношении факторов

реальной экономической и политической ситуации, сложившихся на международной арене, и прямо влияющих на нее.

Выводы

На основе анализа факторов влияния валютной политики на валютный рынок и реальный сектор экономики Российской Федерации выявлена сильная зависимость валютной политики России от мировых цен на сырье и от последствий воздействия кризиса, а также слабая связь между политикой, реально проводимой Центральным Банком Российской Федерации. Проведена оценка эффективности валютного контроля в России. На основе методики регрессионного анализа составлена модель для учета факторов, влияющих на уровень заниженности или завышенности валютного курса Российской Федерации по отношению к па-

ритетному валютному курсу. Согласно полученному уравнению регрессии, уровень заниженности валютного курса отрицательно коррелирует с сальдо платежного баланса и ростом ВВП, при этом положительно коррелирует с уровнем инфляции, уровнем природной ренты в экономике и уровнем коррупции в стране. Эти факторы, наряду с международными санкциями, введенными против Российской Федерации, обуславливают тот факт, что курс российского рубля

занижен сильнее по сравнению с результатами практически всех сырьевых стран, отобранных для анализа.

Обосновано применение инструментов регулирования валютной политики РФ для ее оптимизации. Предложено аналитическое соотношение для расчета коэффициента оценки эффективности валютной политики и показано, что по сравнению с 2005 годом этот коэффициент увеличился на 0,27.

Литература

1. Аббасов Т.Э. Оценка эффективности фискальной политики России // В сборнике: Динамика взаимоотношений различных областей науки в современных условиях. сборник статей международной научно-практической конференции: в 3 частях. 2017. Т. Часть 3. С. 21-23 (222 с.).
2. Акинина В.П. Основные тенденции и перспективы развития валютного рынка РФ // Современные технологии: актуальные вопросы, достижения и инновации. 2017. № 2. С.114-117.
3. Аликулиев Р.Р. Теоретические основы проведения валютной политики // Инновации и инвестиции. 2019. № 5. С. 85-90.
4. Ахвледиани Ю.Т. Страхование внешнеэкономической деятельности: учебное пособие (второе издание, переработанное и дополненное). Тбилиси – Москва, ООО «Изд-во «Юнити-Дана»», 2020. 218 с.
5. Годовые отчеты Счетной палаты [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ach.gov.ru/reports/> (дата обращения: 18.12.2020).
6. Индекс восприятия коррупции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korrupsiy/> (дата обращения: 18.12.2020).
7. Кабир Л.С. Валютная либерализация в зарубежных странах: накопленный опыт и перспективы // Финансы и кредит. 2016. № 4. С. 37-47.
8. Кондратов Д.М. Современная мировая валютная система и перспективы ее развития // Общество и экономика. 2018. № 6. С. 5-26.
9. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/ (дата обращения: 18.12.2020).
10. Финансовый рынок России в современном мире: учебное пособие // Ю.А. Ровенский, Т.А. Архангельская, А.А. Архипов, Э.А. Асяева, Ю.Т. Ахвледиани [и др.]. М.: изд-во «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», 2018. 516 с.
11. The World Bank [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://databank.worldbank.org/> (дата обращения: 28.12.2020).

УДК 336.1

Анализ цифровизации и технологического развития Банка ВТБ (ПАО)

В.В. Мандрон, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и статистики,

К.А. Сутормя, магистрант 2 курса направления подготовки «Экономика»,
профиль «Финансы в банковской сфере»,

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», г. Брянск

Главная тенденция отраслей национальной экономики – цифровизация. Финансовая отрасль кардинально перестроила свои бизнес-процессы и стала драйвером цифрового развития.

Цифровая трансформация банков осуществляется с помощью экосистем. Банковская экосистема предполагает комплексный подход к формированию инфраструктуры с помощью отдельных элементов. Цифровизация полностью переформатировала работу игроков финансового сектора и повлияла на организацию и функционирование банков, финансовые услуги и продукты. Средним банкам в период трансформации бизнес-процессов под влиянием информационных технологий сложно реагировать на запросы клиентов и конкурировать с крупными игроками финансового рынка. Наибольшую эффективность в период диджитализации бизнеса демонстрируют крупные банки, они быстрее приспосабливаются новым условиям работы и имеют большую скорость внедрения современных IT-технологий.

Банк ВТБ – является одним из числа самых активных участников всех государственных программ направленных на поддержку и кредитование среднего и малого бизнеса. Финансовый институт большое внимание уделяет своей цифровой трансформации. В ходе проведенного исследования установлено, что с помощью реализации направлений в сфере цифровых технологий банк не только осуществляет обслуживание клиентов более быстро и безопасно, но и значительно снижает издержки совершенствуя свою IT-архитектуру. Внедрение одного искусственного интеллекта в 2020 году позволило Банку ВТБ снизить издержки в объеме 1,2 млрд. руб. (137 моделей используются в бизнес-процессах всех глобальных бизнес-линий).

Банковский сектор, бизнес-процессы, информационные технологии, финансовые услуги, цифровизация.

Analysis of digitalization and technological development VTB Bank (PJSC)

V.V. Mandron, Ph.D. (Economy), associate Professor of Finance and statistics,

K.A. Sutorma, 2nd year master's degree in Economics, profile «Finance in the banking sector»,
Federal state budgetary educational institution of higher professional education
«Bryansk state University named after academician I.G. Petrovsky», Bryansk

The main trend of the national economy sectors is digitalization. The financial industry has radically restructured its business processes and has become a driver of digital development.

Digital transformation of banks is carried out with the help of ecosystems. The banking ecosystem involves an integrated approach to the formation of infrastructure with the help of individual elements. Digitalization has completely reshaped the players in the financial sector and affected the organization and functioning of banks, financial services and products. During the transformation of business processes under the influence of information technology, it is difficult for medium-sized banks to respond to customer requests and compete with major players in the financial market. Large banks demonstrate the greatest efficiency in the period of business digitalization, they adapt faster to new working conditions and have a greater speed of implementation of modern IT technologies.

VTB Bank is one of the most active participants in all government programs aimed at supporting and lending to medium and small businesses. The financial institution pays great attention to its digital transformation. In the course of the study, it was found that by implementing digital technologies, the bank not only provides customer service more quickly and safely, but also significantly reduces costs by improving its IT architecture. The introduction of one artificial intelligence in 2020 allowed VTB Bank to reduce costs in the amount of 1.2 billion rubles. (137 models are used in the business processes of all global business lines).

Banking sector, business processes, information technology, financial services, digitalization.

Результативность банка и динамика его финансово-экономических показателей подтверждают, что Банк ВТБ

имеет хороший запас финансовой прочности и с каждым годом улучшает показатели своей деятельности. Финансовый

регулятор утвердил Банк ВТБ (ПАО) как системно значимую кредитную организацию.

На рисунке 1 отражена динамика собственного капитала банка. Политика Банка ВТБ в управлении собственным капиталом направлена на поддержание устойчивости ресурсной базы с целью

сохранения доверия инвесторов, кредиторов и клиентов банка, а также обеспечение развития своей деятельности в перспективе. Финансовый институт осуществляет управление собственным капиталом в соответствии с требованиями финансового регулятора.

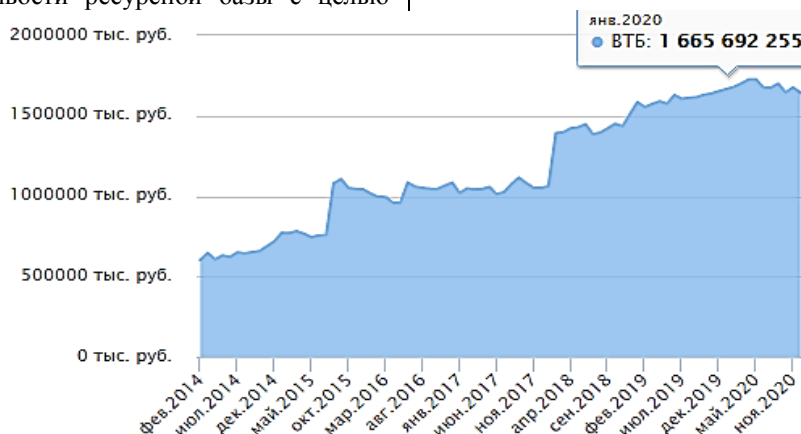

Рисунок 1 – Динамика собственного капитала Банка ВТБ (ПАО)

С каждым отчетным годом банк наращивает процентные доходы: 2017 г. – 672 431 млн. руб., 2018 г. – 924 288 млн. руб., 2019 г. – 1 005 414 млн. руб. За весь анализируемый период рост процентных доходов банка составил 332 983 млн. руб. или 49,52% [9].

Процентные расходы также в динамике увеличиваются: 2017 г. – 468 589 млн. руб., 2018 г. – 524 948 млн. руб., 2019 г. – 607 535 млн. руб. Рост данного показателя за 2017-2019 гг. составил 138 946 млн. руб. или 29, 65%. Чистые процентные доходы Банка ВТБ в 2017 г. составили 203 843 млн. руб., в 2018 г. – 399 340 млн. руб., 2019 г. – 397 879 млн. руб. Увеличение данного показателя произошло на 194 036 млн. руб. или 95,19%. В анализируемом периоде наблюдается существенный рост комиссионных доходов и расходов. Чистая прибыль банка за исследуемый период почти удвоилась, и по итогам 2019 г. составила 197 106 млн. руб. Рост издержек связан с расходами на информаци-

онные технологии, цифровизацию и трансформацию бизнес-процессов. Рентабельность капитала с каждым отчетным годом увеличивается: 2017 г. – 8,3%; 2018 г. – 11,9%; 2019 – 12,8%. Рентабельность активов также с каждым годом увеличивается, и по итогам 2019 – 1,3%. Чистая процентная маржа в 2019 г. составила 3,4%, максимальное значение данного показателя было в 2017 г. – 4,1% [8].

Цикл снижения ключевой ставки Банка России, начатый в июне 2019 года оказал влияние на рост чистой процентной маржи банка. В первом квартале 2019 года чистая процентная маржа понизилась до минимального значения за год и составила 3,2% на фоне увеличения стоимости фондирования (опережающего переоценку активов) в конце 2018 года. Во втором квартале чистая процентная маржа незначительно увеличилась по сравнению с первым кварталом и оставалась на стабильном уровне в 3,3% на протяжении второго и третьего

кварталов 2019 года. В четвертом квартале финансовый институт продемонстрировал положительную динамику по чистой процентной марже, которая составила 3,5% благодаря последовательному смягчению денежно-кредитной политики и улучшению структуры фондирования Группы [7, с. 10]. Чистая прибыль за 2019 год увеличилась на 12,9 % по сравнению с 2018 годом и составила 201,2 млрд. руб., в соответствии со стратегическим прогнозом на уровне 200 млрд. рублей, на фоне высокого роста комиссионных доходов и улучшения качества активов. Прибыль 201,2 млрд. руб., что является рекордным показателем результативности банка за всю его историю существования [8].

Цифровая трансформация банка с применением информационных технологий началась во второй половине 2019 года. К началу 2023 года финансовый институт ставит цель поменять практически всю свою ИТ – архитектуру. Традиционная архитектура национальной банковской системы разрабатывалась 15-20 лет назад, и проектировалась на основании потребности участников банковского сектора, в их основе лежали разработка широкой линейки банковских продуктов и финансовых услуг, а потребности клиентов и их обслуживание не являлось условием развития банковского бизнеса [1, с. 83]. Мир в эпоху динамичной трансформации банковского бизнеса изменился, что предполагает создание клиентоцентричной бизнес-модели и банковской архитектуры. Данная модель банковского сектора предполагает, что клиент будет пользоваться интернет-платформами и сервисами, которые в свою очередь должны быть удобными, интуитивно понятными, надежными и, что не мало важным, персонализированными [2, с. 38]. Новая архитектура современного необанка позволит в несколько раз увеличить скорость обслуживания и привести к значительному снижению издержек связанных с выво-

дом на рынок банковских продуктов и финансовых услуг.

Главный глобальный проект Банка ВТБ – это внедрение цифровой экосистемы, которая позволит корпоративным и частным клиентам с помощью интернет-платформы, онлайн-сервисов решать любые финансовые и жизненные ситуации. Банк к 2023 году создаст ИТ-платформу, в которую будут входить сервисы по аренде, покупке жилья, мобильный оператор, электронная коммерция, цифровая бухгалтерия, электронный документооборот маркетплейс банковских услуг и др. Ключевым трендом цифровизации коммерческих банков является создание внутренней экосистемы банка, которая будет включать клиентов и партнеров, что предполагает объединение всех продуктов и сервисов [4, с. 226]. Внутренняя экосистема банка будет положительно влиять на время вывода на рынок новых банковских продуктов, что обеспечит высокую адаптируемость технологий и снижение затрат. Экосистема откроет новые возможности для развития бизнеса предоставив возможность подключиться к крупным зарубежным торговым площадкам, с целью организации сотрудничества с поставщиками [5, с. 63].

Финансовым институтом были определены ключевые индустриальные направления для развития своего бизнеса в 2021 году: высокотехнологичные организации, ритейл и e-commerce, интернет-сервисы объявлений, телекоммуникации, сектор развлечений и транспорт.

Главные конкуренты экосистемы Банка ВТБ – Сбербанк, Альфа-банк, Тинькофф-Банк, Газпромбанк. В условиях конкурентной борьбы имеет преимущества финансовые институты, которые могут предлагать необходимые финансовые услуги, учитывают предпочтения клиентов, и в своей деятельности применяют «big data» и искусственный интеллект.

Кредитная организация в трансформации своих бизнес-процессов применяет следующие информационные технологии (рис. 2). В кредитной организации созданы интернет-лаборатории по таким ключевым направлениям как ис-

кусственный интеллект, анализ больших данных, машинное обучение, виртуальная и дополненная реальность, оптическое распознавание, робототехника, роботизация процессов, блокчейн, чат-боты и др.

Рисунок 2 – Информационные технологии в Банке ВТБ (ПАО)

Группа ВТБ силу обстоятельств связанных с объявленной пандемией COVID-19 в июле 2020 года объявила о полной перестройке ИТ – архитектуры банка. Исходя из этого, банк определил стратегические направления развития своих бизнес-процессов: построение передовой операционно-технологической платформы; повышение уровня цифровизации банковского бизнеса; лидерство на рынке финансовых услуг по ряду экосистем, создание высокорезультативной организации и культуры, а также рост клиентоцентричности бизнес-модели (рис. 3).

Затраты Банка ВТБ (ПАО) направляемые на информационные технологии отражены на рисунке 4. В 2016 году инвестиции Банка ВТБ в информационные технологии составили 7,47 млрд. руб., что на 88,6% больше, чем издержки на аналогичные нужды в 2015 году. Информационные расходы в отчетности банка отражены в статье «Расходы

в области научно-технического развития» [6, с. 1352].

В 2017 году Банк ВТБ направил из чистой прибыли на информатизацию своей деятельности 11,56 млрд. руб., что на 54,75% больше аналогичного показателя 2016 года. Расходы на приобретение оборудования для развития ИТ-комплексов из этой суммы составили 5,89 млрд. руб., данная статья расходов больше на 13,05% расходов 2016 года [3, с. 58].

По итогам 2018 года и 2019 года кредитная организация инвестировала в информационные технологии 14,29 млрд. руб. и 19,56 млрд. руб., соответственно. На приобретение оборудования для совершенствования инфраструктуры информационных технологий, в том числе инвестировано – 5,89 млрд. руб. и 7,11 млрд. руб. За 2018-2019 гг. рост вложений в информатизацию составил 50,56%. Таким образом, Банк ВТБ ежегодно наращивал объемы вложений в информатизацию своей деятельности и а исследуе-

мый период (2017-2019 гг.) рост вложений в ИТ-технологии составил 8 млрд. руб. (или 69,21%). Банком увеличены расходы на покупку оборудования на 36,47%. Департамент банковских и информационных технологий Банка ВТБ планируют в 2020 году на совершенство-

вание инфраструктуры информационных технологий увеличить бюджет на 30%, что позволит снять с техподдержки устаревшее оборудование и полностью завершить проект автоматизации своей деятельности.

Рисунок 3 – Стратегические приоритеты Банка ВТБ (ПАО) на 2020-2022 гг.

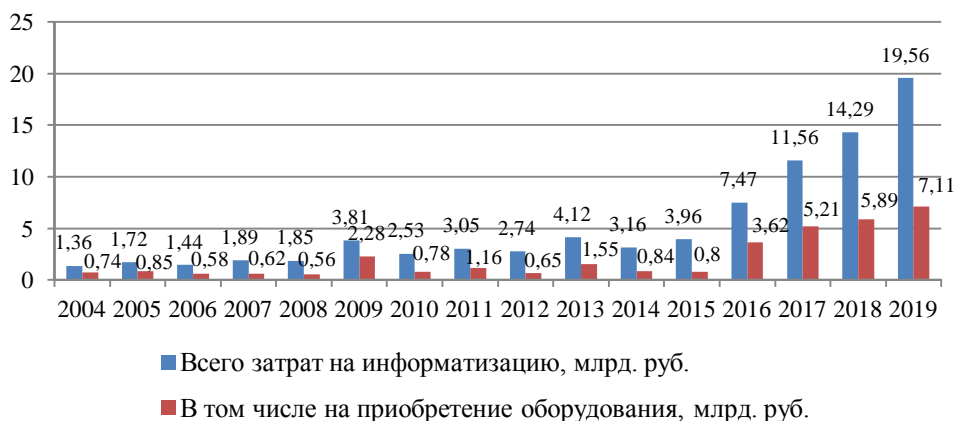

Рисунок 4 – Затраты Банка ВТБ (ПАО) на информационные технологии за 2004-2019 гг., млрд. руб.

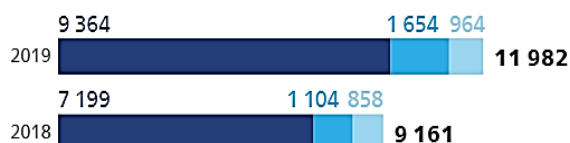
Объем ИТ-бюджет Банка ВТБ до 2022 г. составил 180 млрд. руб. Руководство банка утверждает, что за пределы этой суммы выходить не планируется, однако функционирование банка в период пандемии потребовала перераспределить затраты внутри ИТ-бюджета. Дос-

тижением высоких результатов деятельности финансового института способствовало увеличение клиентской базы банка, применение современных финансовых технологий, разработка и использование направлений роста организации банковского бизнеса.

На рисунке 5 отражены количественные изменения в информационной системе Банка ВТБ: розничный бизнес, средний и малый бизнес, корпоративно-инвестиционный бизнес. В 2019 году произошел рост количественных изменений в банковской информационной системе на 31%. Больше всего изменений было внесено в розничные системы банка (более 9,3 тыс.). Финансовый институт в период ограничений связанных с пандемией COVID-19, которая была объявлена ВОЗ в марте 2020 г. смог в столь короткий промежуток в 8 раз увеличить число удаленных рабочих мест. Цель реализации стратегии трансформации

бизнес-процессов Банка ВТБ с использованием цифровых технологий – это 100% доступность банковских продуктов и финансовых услуг для пользователей в режиме онлайн. Фундаментальной основой цифровой трансформации бизнес-процессов является командная работа финансового института по многим направлениям, поэтому банк продолжает уделять особое внимание сохранению, подбору и развитию сотрудников ИТ-блока.

На рисунке 6 отражены ключевые события в работе Банка ВТБ в области цифрового развития.

- Розничный бизнес
- Корпоративно-инвестиционный бизнес
- Средний и малый бизнес

Рисунок 5 – Динамика числа изменений в ИТ-системах Банка ВТБ по бизнес-линиям за 2018-2019 гг.

Событие	Результат
Оптимально прошли высокий сезон (октябрь 2019 года – январь 2020 года) и пиковую нагрузку, обеспечив приемлемую стабильность и надежность ИТ-систем	Нагрузка на ИТ-системы выросла в рамках высокого сезона в 1,5 раза, 0 простоев
Наращиваем имеющиеся ИТ-компетенции и создаем новые	На 131 % увеличилось количество разработчиков
Сфокусировались на вопросах обеспечения надежности	Показатель надежности по итогам четвертого квартала 2019 года – 99,98 %, без учета технологических окон. Цель – 99,99 % к 2022 году
ИТ-архитектура: все ключевые архитектурные решения приняты	100 % перспективных технологий, 0 устаревших решений в ИТ-архитектуре Банка
Запустили и начали тиражировать новый производственный процесс. Все ИТ-ресурсы «сформированы в команды»	Сформировали 277 Agile/SCRUM-команд (кросс-функциональные команды)

Рисунок 6 – Результаты работы Банка ВТБ в области цифровизации и технологического развития

Результаты работы Банка ВТБ в условиях пандемии COVID-19 показали, что кредитная организация подготовлена к удаленному режиму (рис. 7). Кредитная организация в период пандемии провела успешную работу по расширению услуг дистанционного банковского обслуживания для всех категорий клиентской базы.

Кредитная организация активно реализует все существующие на сегодня меры поддержки бизнеса и планирует работать по новой программе. В совокупности с уже применяющимися элек-

тронными технологиями банк будет развивать направления своей деятельности. Трансформация ИТ-архитектуры – это главное направление стратегии цифрового развития Банка ВТБ. Согласно целевым ориентирам банковской стратегии, к началу 2023 года 100% финансовых сервисов должны стать доступны клиентам ВТБ в онлайн-режиме.

На рисунке 8 отражены направления трансформации электронного бизнеса Банка ВТБ на перспективу до 2023 года.

Рисунок 7 – Деятельность Банка ВТБ (ПАО) в условиях пандемии COVID-19

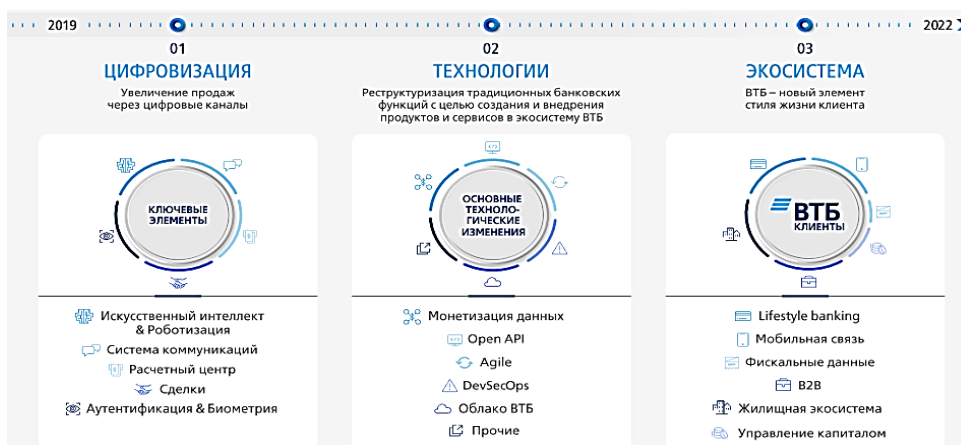

Рисунок 8 – Блок-схема трансформации Банка ВТБ на 2020-2022 гг.

Основными направлениями трансформации банковского бизнеса являются:

- цифровизация (цель: увеличение продаж через цифровые каналы);
- технологии (цель: реструктуризация традиционных банковских функций с целью создания и внедрения продуктов и сервисов в экосистему);

– экосистема (цель: Банк ВТБ будет выступать как новый элемент стиля жизни клиента) [2, с. 38].

На рисунке 9 предлагается целевой вариант IT-архитектуры Банка ВТБ, которую банк реализует к началу 2023 года.

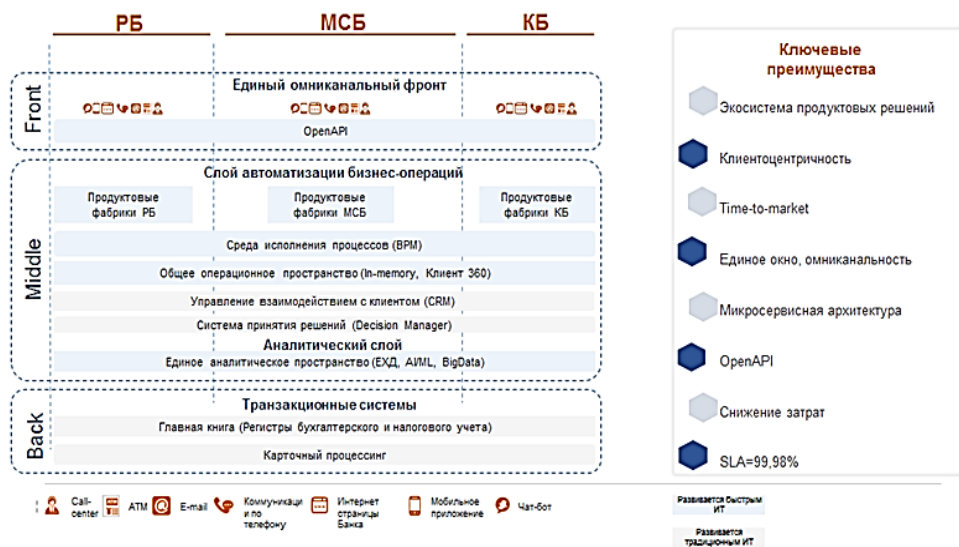

Рисунок 9 – Целевой вариант IT-архитектуры Банка ВТБ

Предлагаемая архитектура предполагает наличие омникальных решений. Ключевые преимуществами предлагаемой IT-архитектуры: экосистема продуктовых решений, клиентоцентричность, омникальность, микросервисная архитектура, time-to-market, OpenAPI, снижение издержек.

Главным фактором роста прибыли банка является цифровизация бизнес-процессов. Главная цель Банка ВТБ к 2023 году – это «стать банком № 1 в ко-

шельке клиентов» и быть лидером по уровню технологического развития, а также создать для клиентов полноценную лайф-стайл-платформу со всем спектром услуг – от здоровья до отдыха.

ВТБ ставит определенные задачи в составе стратегической цели – это предоставление 100% банковских продуктов и финансовых услуг в режиме онлайн, реализовывать 50% продаж удаленно и перейти на электронный документооборот.

Литература

1. Агибалов А.В. Развитие Интернет-банкинга в России: проблемы и перспективы // Финансовый вестник. 2017. № 1 (36). С.81-86.
2. Агибалов А.В. Состояние современных банковских технологий, преимущество их применения // Финансовый вестник. 2018. № 2 (41). С.37-41.
3. Банковские инновации для частных клиентов: проблемы и перспективы развития: монография / Г.Н. Гужина [и др.]. М: Русайнс, 2017. 143 с.

4. Зверев А.В., Мандрон В.В., Мишина М.Ю. Финансовые рынки современной России: особенности регулирования и тенденции развития // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 1 (35). С. 226-234.
5. Измайлова М.А. Цифровая экономика как источник социально-экономических трансформаций современного общества // Вопросы региональной экономики. 2020. № 1 (42). С. 63-72.
6. Мажигова Е.М. Современная трансформация российского банковского сектора // Финансы и кредит. 2018. № 6. С. 1350-1365.
7. Смородинов О.Н. Основные пути развития банков в условиях кризиса // Вопросы экономики. 2020. № 1. С.6-18.
8. Центральный банк Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cbr.ru/> (дата обращения: 11.03.2021).
9. Банк ВТБ (ПАО) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vtb.ru/> (дата обращения: 12.03.2021).

УДК 657

Совершенствование процесса распределения косвенных затрат на себестоимость продукции (работ, услуг) промышленных предприятий

И.Е. Мизиковский, заведующий кафедрой бухгалтерского учета,
доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН,
Институт экономики и предпринимательства

Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»,
г. Нижний Новгород

Статья посвящена вопросам совершенствования распределения косвенных затрат на производство на себестоимость продукции (работ, услуг) промышленных предприятий, повышения точности показателей, инкорпорируемых в информационное пространство принятия управленческих решений. Разделение косвенных затрат на основные затраты (расходы на содержание и эксплуатацию оборудования) и накладные (административно-управленческие расходы), выбор соответствующих им драйверов, позволяют в значительной степени повысить точность калькуляционных результатов и эффективность экономических расчетов в целом. Целью исследования явилась разработка методологии, позволяющей оптимизировать процесс калькулирования себестоимости продукции промышленного предприятия, обеспечить формирование результативной информационной базы выработки управленческих воздействий со стороны лиц, принимающих управленческие решения. Исследование проводилось с применением функционально-процессного и системного подходов к изучению традиционных бухгалтерских (управленческих) практик распределения косвенных затрат. Исследованы традиционный и предлагаемый способы распределения косвенных расходов, проведено сопоставление их результатов, сделаны выводы о перспективах внедрения элементов метода «Activity-based costing (ABC)» на исследуемых предприятиях.

Себестоимость продукции, промышленные предприятия, калькулирование, activity-based costing, косвенные расходы, поток создания ценности, информационная база, принятие управленческих решений.

Improving the process of allocating indirect costs to the cost of production (works, services) of industrial enterprises

I.E. Mizikovsky, head of the Department of accounting
at the Institute of Economics and entrepreneurship of the Federal
state Autonomous educational institution of higher education
«National research Nizhny Novgorod state University N.I. Lobachevsky»,
doctor of Economics, Professor, academician of the Russian Academy of Sciences, Nizhny Novgorod

The article is devoted to the issues of improving the distribution of indirect production costs to the cost of production (labor, services) of industrial enterprises, improving the accuracy of indicators incorporated in the information space of management decision-making. The division of indirect costs into basic costs (maintenance and operation of equipment) and overhead costs (administrative and management costs), the choice of appropriate drivers, can significantly improve the accuracy of calculation results and the efficiency of economic calculations in general. The purpose of the study was to develop a methodology that allows optimizing the process of calculating the cost of production of an industrial enterprise, to ensure the formation of an effective information base for the development of management actions on the part of management decision makers. The study was carried out using functional-process and system approaches to the study of traditional accounting (management) practices for the distribution of indirect expenses. The traditional and proposed methods of distributing indirect costs are studied, their results are compared, and conclusions are drawn about the prospects for implementing elements of the «Activity-based costing (ABC)» method at the enterprises under study.

Cost of production, industrial enterprises, calculation, activity-based costing, indirect costs, value stream, information base of management decision-making.

Введение. Современное промышленное производство характеризуется значительным изменением подходов к структурированию потоков создания ценности (ПСЦ), вызванных сменой парадигмы создания конкурентных преимуществ и стратегического развития хозяйствующих субъектов. Одним из

важных направлений реструктуризации методологической базы организационно-управленческой среды ПСЦ, является формирование информационно-инструментального набора средств, обеспечивающих принятие ситуационно-ориентированных решений по изменению производственной программы в целях повышения доходности бизнеса. Данные коррективы предполагают гибкое варьирование объемов выпуска продукции в зависимости от уровня ее рентабельности, расчет текущего значения которой, как известно, требует максимально точных данных о себестоимости конкретного вида (наименования) выпускаемых изделий.

Проведенные автором исследования на ряде промышленных предприятий, занимающихся производством, гарантийным обслуживанием и ремонтом различных видов нестандартного оборудования, расположенных в городах Арзамасе и Дзержинске Нижегородской области, показали актуальность проблемы качества результатов калькуляционного процесса. По мнению автора, одним из факторов снижения точности результатов исчисления себестоимости, является использование «усредняющих» методик распределения косвенных затрат. Применение таких методик предполагает отнесение общей суммы косвенных затрат к показателю, используемому в качестве базы распределения между отдельными продуктами производства, выбор которого далеко не всегда соответствует специфике аккумуляции распределяемых издержек. Анализ материалов проведенных исследований показал, что в качестве показателя, применяемого в качестве базы распределения практически на всех изучаемых хозяйствующих субъектах, применяется заработная плата основного персонала, начисленная в календарном периоде исчисления себестоимости. Вполне очевидно, что такой подход не может в полной мере обеспечить качество конечных результатов отнесения на себестоимость продукции сложно-структурированных,

многофункциональных издержек к которым относятся косвенные затраты.

Необходимость повышения точности результатов калькулирования себестоимости продукции промышленных предприятий, формирование качественного информационного поля принятия оперативных решений по гибкому, ситуационно-ориентированному варьированию объемов выпуска конкретных изделий (оказания услуг, выполнения работ) определили цель исследования, задачами которого явились разработка методики исчисления производственных расходов, ее институционализация в управленческую среду хозяйствующего субъекта.

Методы исследования, представленного в статье, основаны на комплексном применении функционально-процессного и системного подходов к изучению традиционных бухгалтерских (управленческих) практик распределения косвенных затрат на себестоимость продукции. Автором проанализированы данные управленческого учета за несколько календарных периодов; проведены декомпозиция и функциональный анализ структуры косвенных расходов; идентифицированы и формализованы их ключевые состояния; использованы методы сравнения и классификации, элементы операционно-ориентированного анализа количественных показателей рассматриваемых затрат.

Анализ теоретико-методологических подходов. По мнению автора, решение исследуемой проблемы связано с необходимостью применения элементов метода калькулирования по видам деятельности «Activity-based costing (ABC)», его гибкой адаптации к условиям калькуляционного процесса исследуемых предприятий. Данный метод представляет собой «подход к калькулированию и мониторингу отдельных видов деятельности, который включает отслеживание потребления ресурсов и калькулирования себестоимости конечной продукции» [1]. В основе данной модели лежит

«идея...распределения косвенных расходов на основе внутривыпускного потребления ресурсов» [2], практическое воплощение которой авторы [3] рассматривают как «пошаговую последовательность, предполагающую группировку косвенных затрат в разрезе видов деятельности, выбора носителей затрат (факторов влияния на косвенные расходы в разрезе видов деятельности с учетом специфических особенностей хозяйствующего субъекта); выбор баз распределения и непосредственно отнесение затрат на продукцию».

Концептуально данный подход к реализации ABC нашел свое достаточно полное и подробное отражение в работах [4-9]. Нельзя не согласиться с автором [10], утверждающим, что при «учёте затрат и исчислении себестоимости по системе Activity Based Costing предприятие получает данные о реальной себестоимости выпущенных товаров (выполненных работ, оказанных услуг), что позволяет его руководству принимать обоснованные решения по снижению издержек, ценовой и товарно-ассортиментной политике, оценке стоимости операций и т.п.». Далее автор этой статьи делает вывод о том, что «использование системы ABC позволяет добиться снижения общих затрат предприятия (это, в свою очередь приводит к увеличению прибыли), что немаловажно в современной конкурентной среде» [10].

В работе [11] утверждает, что лицо, принимающее решения, может с

помощью информационной базы, формируемой посредством применения метода ABC, давать адекватную «оценку стоимости операций» и «принимать обоснованные решения», разрабатывать стратегии «снижения издержек» и обеспечивать реализацию «ценовой и товарно-ассортиментной политики». Авторы [12] напрямую связывают применение рассматриваемого метода с процессом принятия решений, в том числе, направленных на поиск путей снижения себестоимости. Важность использования результатов применения ABC в стратегическом управленческом учете и в анализе накладных расходов, которые являются неизменным объектом экономии средств предприятия, подчеркивают авторы [13].

Результаты. Проведенные исследования на указанных выше предприятиях показали, что для решения рассматриваемой проблемы, необходимо дифференцировать косвенные затраты по их технико-экономическому содержанию [14] на основные (расходы по содержанию и эксплуатации оборудования, (РСЭО) и накладные (административно-управленческие расходы, (АУР). Необходимо отметить, что данные управленческой отчетности рассматриваемых организаций показывают увеличение среднего значения показателя доли последних в общем объеме косвенных расходов (рис. 1), что, в определенной степени, противоречит общепринятой парадигме их перманентного снижения.

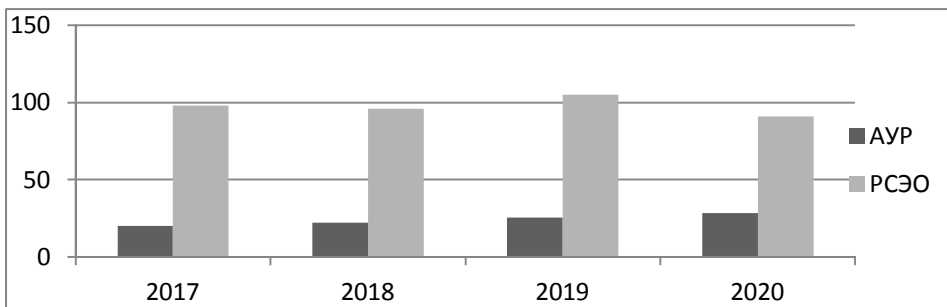

Рисунок 1 – Динамика среднего показателя доли административно-управленческих расходов в косвенных расходах исследуемых предприятий

Источник: данные управленческого учета исследуемых предприятий

Вполне очевидно, что аккумулятивное каждого из представленных видов издержек зависит от соответствующих их структуре и функциональному назначению драйверов затрат, т.е. «количественных показателей, характеризующих поведение затрат по конкретному виду деятельности в зависимости от выпуска продукции» [15]. По мнению автора, такими драйверами являются показатели времени, при этом для РСЭО в качестве такого показателя целесообразно принять время технологического обслуживания, включающего процессы по уходу за оборудованием и содержанием его в рабочем состоянии, текущий ремонт, наладку, транспортировку ресурсов и готовых изделий, уборку рабочего места и т.п. [16]; для АУР – время цикла, включающее в себя «операционное время плюс время, требуемое на подготовку оборудования, загрузку и выгрузку продукта» [17], поскольку выработка управленческих воздействий производится в течение всего указанного временного периода.

Традиционно, методика распределения косвенных затрат предполагает, что расчет коэффициента К распределения косвенных затрат производится путем отнесения их суммы к значению драйвера (1):

$$K = \frac{З}{Д},$$

(1) где З – косвенные затраты или их вид, Д-драйвер затрат (их вида)

Непосредственно отнесение косвенных затрат Z_i на себестоимость конкретного вида продукции i осуществляется по формуле (2):

$$Z_i = K \cdot D_i \quad (2),$$

где D_i – драйвер, израсходованный на производство конкретного наименования продукции.

В бухгалтерских практиках рассматриваемых предприятий, как уже отмечалось выше, драйвером косвенных затрат является показатель прямых расходов на оплату труда. Рассмотрим его применение в калькуляционной практике ООО «XXXX», где в апреле 2020 года косвенные затраты составили 1 440 т.р., прямые затраты на оплату труда – 960 т.р. На основании этих исходных данных, коэффициент распределения косвенных затрат данного промышленного предприятия будет равным:

$$K_{кз} = 1440/960 = 1,5$$

В таблице 1 представлены распределения косвенных затрат ООО «XXXX» в разрезе произведенных заказов.

Таблица 1 – Распределение косвенных затрат в апреле 2020 года ООО «XXXX»

№п/п	Заказ	Затраты на оплату труда основных производственных рабочих (т.р.)	Косвенные затраты (т.р.) Гр3=Гр2*Ккз
А	1	2	3
1	3289	300	450
2	3291	120	180
3	3286	450	675
4	1137	90	135
Итого		960	1440

Значения предлагаемых автором драйверов в рассматриваемом календарном периоде, следующие: время технологического обслуживания: 1057 чел.-час., РСЭО – 1280 т.р.; время цикла –

чел.-час., АУР – 158,4 т.р. На основании этих данных расчет коэффициентов распределения РСЭО и АУР примет следующий вид:

$$K_{р\text{с}\text{э}\text{о}} = \frac{1280}{1057} = 1,21$$

$$K_{\text{аур}} = \frac{160}{2285} = 0,07$$

Таблица 2 – Распределение косвенных затрат в апреле 2020 года ООО «XXXX»

№п/п	Заказ	Время технологического обслуживания (чел.-час.)	Расходы на содержание и эксплуатацию оборудования Гр.3=Гр.2*K _{р\text{с}\text{э}\text{о}}	Время цикла (чел.-час.)	Административно-управленческие расходы Гр.5=Гр.4*K _{\text{аур}}}	Косвенные затраты (т.р.) Гр.6=Гр.3+Гр.5
А	1	2	3	4	5	6
1	3289	90	108,9	600	42	150,9
2	3291	500	605	400	28	633
3	3286	110	133,1	900	63	196,1
4	1137	357	433	385,7	27	460
Итого		1057	1280	2285,7	160	1440

Обсуждение. Сравнивая данные графы 3 таблицы 1 и графы 6 таблицы 2, можно прийти к выводу о том, что использование метода «Activity Based Costing» позволяет в значительной степени повысить точность вычислений. По мнению автора, это становится возможным за счет применения набора драйверов, гибко адаптированных к номенклатуре затрат, сформированной в результате экономически обоснованной декомпозиции косвенных издержек. Опыт эффективных бухгалтерских практик показывает, что использование натуральных показателей в качестве базы распределения дает значительно больший эффект по

сравнению с традиционно используемыми финансовыми показателями.

Проведенный SWOT-анализ инкорпорирования элементов метода «Activity Based Costing» в информационно-инструментальную среду менеджмента ООО «XXXX» (табл. 3), позволил сделать вывод об эффективности данной модели, о необходимости ее институционализации в сложной ткани пространства компетенций субъектов управления предприятием, отражения в учетной политике предприятия и его корпоративных стандартах.

Таблица 3 – SWOT-анализ результатов инкорпорирования метода «Activity Based Costing» в информационно-инструментальную среду менеджмента ООО «XXXX»

Среда	Положительные стороны	Отрицательные стороны
Внутренняя	<i>Преимущества:</i> повышение качества результатов калькуляционной работы, оптимизация информационного поля ЛПР и, как следствие, эффективности принятия решений	<i>«Ослабляющие» свойства:</i> необходимость использования сложных алгоритмов, повышение трудоемкости экономических расчетов
Внешняя	<i>Дополнительные возможности:</i> институционализация продуктивных методов управления, интеллектуализация выработки управленческих воздействий	<i>Факторы, которые могут осложнить достижение стратегической цели:</i> необходимость дополнительного обучения персонала

Дальнейшие направления исследования в рассматриваемой предметной области должны быть направлены на активное внедрение многофакторных моделей распределения косвенных затрат, использование искусственного интеллекта и средств обработки больших данных.

Заключение. Формирование эффективного информационно-инструментального пространства, обеспечивающего принятие гибких и эффективных решений по управлению производственными результатами, представляет собой одну из наиболее важных задач, стоящих перед отечественным менедж-

ментом. Одним из ключевых направлений таких решений является ситуационно-ориентированная адаптация производственной программы к конъюнктуре рынка. Действия ЛПР в условиях новой реальности предполагают решительный отказ от методов, не позволяющих качественно и в сжатые сроки решать возникающие проблемы, в том числе, связанные с повышением доходности операционной деятельности организации.

Обновление информационно-инструментальной базы принятия управленческих решений предполагает использование, в том числе, повышение продуктивности приемов и способов исчисления себестоимости продукции (ра-

бот, услуг), требующие повсеместного внедрения в калькуляционные практики эффективных моделей распределения косвенных затрат. Предложенная автором методика, предполагающая использование элементов метода ABC на основе декомпозиции косвенных затрат, результатом которой является их разделение на РСЭО и АУР, позволяет в значительной степени повысить точность вычислений себестоимости конкретных наименований выпускаемой продукции, обеспечить экономически обоснованное дифференцирование выпускаемых изделий по уровню доходности и, тем самым, адаптировать производственную программу к текущей рыночной ситуации.

Литература

1. Anderson S.W., Young S.M. The Impact of Contextual and Process Factors on the Evaluation of Activity-Based Costing Systems. *Accounting, Organizations and Society*, 1999, vol. 24, iss. 7, pp. 525-559 [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://doi.org/10.1016/S0361-3682\(99\)00018-5](https://doi.org/10.1016/S0361-3682(99)00018-5), 176 с.
2. Бальцер Б., Хойссер Л. Временной учет затрат по видам деятельности // *Контроллинг. М. Некоммерческое партнерство «Объединение контроллеров»*, № 69. 2018. с. 61-65.
3. Вахрушина М.А. *Бухгалтерский управленческий учет*. М.: *Омега-Л*, 2007. 570 с.
4. Волков О.И., Скляренок В.К. *Экономика предприятия: Курс лекций*. М.: *ИНФРА-М*, 2006. 280 с.
5. Глушенко А.В., Гришкева З.В. Инструменты стратегического управленческого учета // *Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса*. 2012. № 1 (18). С.170-173.
6. *Иллюстрированный глоссарий по бережливому производству: под ред. Ч. Марчвински и Д. Шука (Ин-т бережливых предприятий); предисл. Х. Ферро, Д. Джонса и Д. Вумека; пер. с англ. [Ю. Сундстрем]. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005 (ГУП Смол. обл. тип. им. В.И. Смирнова)*. 121 с.
7. Каверина О.Д. *Управленческий учет: системы, методы, процедуры. Монография*. М. «*Финансы и статистика*», 2003. 352 с.
8. Классификация производственных затрат [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59524/6acbb8bdc0308646b39db8638ab783ed14ecc9e3/ (дата обращения 04.04.2021).
9. Королев Ю.Ю., Мышковец Ю.А. Особенности и преимущества использования метода Activity Based Costing (ABC) // *Вестник ВГАВТ*. выпуск 55. 2018 г. с. 93-99.
10. Кротова А.Б. *Управленческий учет затрат в организациях строительной отрасли: теория и методика. Монография / А.Б.Кротова. Йошкар-Ола: ООО «Стринг»*, 2012. 154 с.
11. Кротова А.Б. Этапы построения ABC-системы управленческого учета затрат в строительной организации // *Экономические и гуманитарные науки*, Издательство: Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Орел), № 8 (247). 2012. С. 17-26.
12. Лаврентьев Р.В. Применение методики Activity based costing для определения себестоимости продукции на предприятиях с высоким уровнем косвенных затрат // *Ученые записки российской академии предпринимательства*. М: «*Российская Академия предпринимательства*», № 12. 2008. С. 128-135.
13. Маслова И.А., Прозорова С.С. Управленческий учет накладных расходов: возможности применения метода JIT (Just in Time) и метода ABC // *Управленческий учет* № 4. 2006. С.15-26.
14. Новиков И. В. Activity Based Costing как операционно-ориентированная система учёта затрат и исчисления себестоимости // *Молодой ученый*. 2011. № 11. Т.1. С. 138-142 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/34/3822/> (дата обращения: 21.03.2021).
15. Паршина И.С., Фролов Е.Б. Производственный менеджмент в условиях индустрии 4.0: функционально-стоимостной подход // *Главный инженер*. № 11. 2019. С. 50-57.
16. Семина И.В. Методы распределения косвенных расходов // *Экономика железных дорог*. № 9. 2018. С. 46-54.
17. *Управленческий учет: официальная терминология СИМА / Диплом. ин-т бухгалтеров по управлен. учету; (науч.-ред. совет А.Д. Шеремет (пред.) и др.; пер. с англ. О.Е. Николаевой, Т.В. Шишковой)*. М.: *ФБК-Пресс*, 2004. 197 с., 311 с.

УДК 332.05

Предприятия с высокими темпами роста численности работников по данным за 2020 год

Ю.С. Пиньковецкая, кандидат экономических наук, доцент кафедры
экономического анализа и государственного управления,
Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск

Цель статьи заключалась в оценке показателей, описывающих удельные веса быстрорастущих предприятий и предприятий с высоким потенциалом роста численности работников, в общем количестве активных предприятий по регионам России. Исследование основывалось на официальных статистических данных за 2020 год. В процессе исследования были изучены следующие показатели: удельный вес быстрорастущих предприятий, удельный вес предприятий с высоким потенциалом роста, удельный вес количества таких предприятий в общем количестве активных предприятий.

Предприятия, бизнес-демография, численность работников, экономико-математические модели.

Estimation the share of enterprises with high rates growth in number of employees according to data for 2020

I.S. Pinkovetskaia, Ph.D., associate professor of Economic analysis and state management department,
Ulyanovsk state University, Ulyanovsk

Aim of paper is to measure the indicators describing the specific weight of fast-growing enterprises and enterprises with a high potential for increase in quantity of workers in the whole quantity of active organizations in the regions of Russia. The study was based on official statistics for 2020. In the discussing research, such indicators were studied: the share of fast-growing enterprises, the share of enterprises with high growth potential, the share of quantity of that organizations in the whole quantity of active firms.

Organizations, business demographics, quantity of employees, economic and mathematical models.

Введение

Российская экономика в последние годы столкнулась с такой тенденцией, как сокращение количества вновь создаваемых коммерческих организаций. Об этом свидетельствуют информация Росстата [5], соответствии с которой в 2017 году появилось 359430 новых предприятий, в 2018 году – 290288 предприятий, в 2019 году – 264595 предприятий, а в 2020 году – 197113 предприятий. То есть за период с 2017 года по 2020 год количество рождающихся за год коммерческих организаций уменьшилось на 82%. Учитывая это, для наращивания объемов производства товаров и оказания услуг, важное значение имеет стимулирование деятельности предприятий, которые обеспечивают увеличение численность работников и, соответственно, объемов выпуска своей продукции. Такие предприятия относятся к быстрорастущим или с высоким потенциалом роста.

Научные публикации свидетельствуют, что быстрорастущие фирмы выступают в качестве динамичного ядра современных национальных экономик, поскольку обладают непропорциональной способностью генерировать дополнительное производство продукции и создавать рабочие места. Несмотря на то, что эти фирмы составляют небольшую долю от общего числа предприятий в странах с высоким уровнем дохода, они обеспечивают более половины увеличения объема производства и занятости в этих странах [13]. Предполагается, что в развивающихся странах предприятия с высокими темпами роста могут стать важным звеном для реализации государственных программ повышения эффективности экономик [7].

Исследования зарубежных авторов показывают, что доля быстроразвивающихся предприятий имеет значительные различия по экономически развитым странам. Так в статье Bravo-

Biosca A. и др. [8] показано, что удельный вес этих предприятий составляет 3% в Австрии и Норвегии и примерно 6% в Испании, Великобритании. В Германии, Италии, Нидерландах и Польше доля крупных и средних предприятий с высокими темпами развития не превышала 2% [12]. Существенно выше (около 10%) был удельный вес таких предприятий в Республике Корея [9] и США [11]. По мнению Kylvflheiko K. и др. [14] большинство предприятий стремятся достичь роста объемов производства путем выпуска новых продуктов, привлечения клиентов или сочетания этих факторов. Cusolito A.P. и Maloney W.F. [10] доказывают, что рост производства может быть обусловлен не только высокой эффективностью, а также шоками спроса, неконкурентоспособными рынками и политическими условиями. Преобладание среди быстрорастущих организаций крупных предприятий не специализированных на определенных видах деятельности подчеркивается в статье Leković B. и Berber N. [15].

Основное внимание в отечественных исследованиях предприятий, обеспечивающих высокие темпы увеличения численности работников и объемов производства, уделялось так называемым «газелям». К ним относятся быстрорастущие в течение пяти лет крупные и средние предприятия. Как показали исследования, таких предприятий в нашей стране не много, однако они уже сегодня демонстрируют существенный вклад в экономику своих регионов, а также в активное внедрение инноваций [1, 3, 6]. В статье Кузык М.Г. и др. [2] показано участие быстрорастущих предприятий во внешнеэкономической деятельности. Обращено внимание на их большую экспортную активность и ориентацию на рынки азиатских стран.

Цель статьи заключалась в оценке показателей, описывающих удельные веса быстрорастущих предприятий и предприятий с высоким потенциалом роста численности работников, в общем

количестве активных предприятий по регионам России.

Методика и результаты исследования

При определении роста количества занятых на предприятиях работников предложено использовать пороговые значения [5]. В зависимости от уровня установленных пороговых значений рассматриваются две группы предприятий, которые характеризуются увеличением численности своих работников:

- быстрорастущие – имели за последние 3 года увеличение количества работников более чем на 20% в среднем за год;

- с высоким потенциалом роста – имели за последние 3 года увеличение количества работников не менее 10% в среднем за год.

Процесс исследования включал четыре этапа. На первом этапе формировались исходные данные, описывающие общее количество по всем регионам России активных и быстрорастущих предприятий, а также предприятий с высоким потенциалом роста. На втором этапе оценивались значения показателей, характеризующих сложившиеся доли предприятий, обеспечивающих значительное увеличение количества занятых в них работников. На третьем этапе определялись средние значения указанных показателей по регионам, и диапазоны, в которых находятся значения этих показателей для большинства из них. На четвертом этапе проводился компаративный анализ, в процессе которого устанавливались регионы, в которых отмечались минимальные и максимальные значения показателей.

В качестве исходной информации в исследовании использовалась официальная статистическая информация по 82 регионам России [5]. В нашем исследовании оценивались следующие четыре показателя, характеризующих рост количества работников предприятий по регионам:

- удельный вес быстрорастущих предприятий в общем количестве активных предприятий в 2020 году;

- удельный вес предприятий с высоким потенциалом роста в общем количестве активных предприятий в 2020 году;

- удельный вес общего количества быстрорастущих предприятий и предприятий с высоким потенциалом роста в общем количестве активных предприятий в 2020 году;

- отношение значений показателей, описывающих удельные веса быстрорастущих предприятий и предприятий с высоким потенциалом роста.

Проведённое исследование включало проверку четырех следующих гипотез:

- первая гипотеза – как быстрорастущие предприятия, так и предприятия с высоким потенциалом роста в России появляются относительно редко;

- вторая гипотеза – значения рассматриваемых четырех показателей имеют существенную дифференциацию по разным регионам страны;

- третья гипотеза – удельный вес быстрорастущих предприятий существенно ниже по сравнению с удельным весом предприятий с высоким потенциалом роста;

- четвертая гипотеза – территориальное расположение регионов страны

не оказывает существенного влияния на максимальные и минимальные значения каждого из четырех показателей.

В экономико-математическом моделировании, используемом для оценки каждого из четырех показателей, применялись функции нормального распределения. В статьях [4, 16] автором представлен методический подход к их разработке и использованию для определения удельных значений по рассматриваемым регионам, а также диапазонов вариации значений по большинству регионов. Отметим, что такие функции обеспечивают получение несмещенных характеристик изучаемых закономерностей. В процессе нашей работы определялись регионы с максимальными и минимальными величинами показателей.

В процессе вычислительного эксперимента проводилось экономико-математическое моделирование на основе эмпирических данных. Модели, которые описывают распределения четырех показателей, характеризующих рост численности работников в предприятиях по всем 82 регионам России, продемонстрированы далее:

- удельный вес быстрорастущих предприятий в общем количестве активных предприятий в 2020 году, %

$$y_1(x_1) = \frac{15,03}{0,17 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_1 - 0,48)^2}{2 \times 0,17 \times 0,17}}; \quad (1)$$

- удельный вес предприятий с высоким потенциалом роста в общем

количестве активных предприятий в 2020 году, %

$$y_2(x_2) = \frac{51,25}{0,73 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_2 - 2,33)^2}{2 \times 0,73 \times 0,73}}; \quad (2)$$

- удельный вес быстрорастущих предприятий и предприятий с высоким

потенциалом роста в общем количестве активных предприятий в 2020 году, %

$$y_3(x_3) = \frac{71,75}{0,94 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_3-2,83)^2}{2 \times 0,94 \times 0,94}}; \quad (3)$$

- отношение значений показателей, описывающих быстрорастущие предприятия и предприятия с высоким потенциалом роста

$$y_4(x_4) = \frac{70,54}{1,03 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_4-4,76)^2}{2 \times 1,03 \times 1,03}}. \quad (4)$$

Высокое качество функций (1)-(3) было подтверждено в процессе тестирования по критериям Шапиро-Вилка, Пирсона и Колмогорова-Смирнова.

На следующем этапе исследования были выявлены закономерности, характеризующие распределение по регионам рассматриваемых четырех пока-

зателей, приведенные в таблице 1. В столбце 2 (таблица 1) приведены данные, характеризующие средние величины показателей. Диапазоны, в которых находятся значения показателей по большинству регионов, продемонстрированы в третьем столбце таблицы.

Таблица 1 – Значения показателей наращивания численности работников

Наименование показателя	Средние величины	Значения по большинству регионов
1	2	3
удельный вес быстрорастущих предприятий в общем количестве активных предприятий в 2020 году, %	0,48	0,31-0,65
удельный вес предприятий с высоким потенциалом роста в общем количестве активных предприятий в 2020 году, %	2,33	1,60-3,06
удельный вес быстрорастущих предприятий и предприятий с высоким потенциалом роста в общем количестве активных предприятий в 2020 году, %	2,83	1,89-3,77
отношение значений показателей, описывающих предприятия с высоким потенциалом роста и быстрорастущие предприятия	4,76	3,73-5,79

Источник: Расчеты проведены автором на основе функций (1)-(4).

Среднее значение удельного веса быстрорастущих предприятий в общем количестве активных предприятий достигало в 2020 году менее 0,5%. То есть, только каждое двухсотое предприятие обеспечивало рост численности работников более чем на 20% в течение трех лет подряд. В большинстве регионов этот показатель не превышал 0,7%. Среднее значение удельного веса предприятий с высоким потенциалом роста в общем количестве активных предприятий составляло в 2020 году не многим более 2,3%. То есть, каждое сорок третье предприятие обеспечивало рост численности работников в течение трех лет не менее

10%. В большинстве регионов этот показатель не превышал 3,8%.

Среднее значение общего удельного веса быстрорастущих предприятий и предприятий с высоким потенциалом роста в общем количестве активных предприятий по регионам России в 2020 году достигало 2,8%. То есть каждое тридцать шестое предприятие относилось к одной из рассматриваемых групп. Следовательно, как быстрорастущие предприятия, так и предприятия с высоким потенциалом роста в России появляются относительно редко, то есть первая гипотеза получила свое подтверждение. Отметим, что нашей стране преоб-

ладают предприятия, которые не относятся к рассматриваемым двум группам, то есть не обеспечивают существенного роста численности работников. Интересно, что среднее по регионам значение удельного веса предприятий, в которых увеличение количества работников в те-

чение трех лет было менее 10%, составило в 2020 году 97,2%.

Таблица 2 – Регионы с максимальными и минимальными значениями показателей

Наименование показателя	Максимальные значения	Минимальные значения
1	2	3
удельный вес быстрорастущих предприятий в общем количестве активных предприятий в 2020 году	Город Санкт-Петербург, Ленинградская, Костромская, Тверская, Магаданская, Новгородская области, республики Карелия, Крым, Чукотский автономный округ, Еврейская автономная область. Относятся к Центральному федеральному округу – два региона, к Северо-Западному федеральному округу – четыре региона, к Южному федеральному округу – один регион, к Дальневосточному федеральному округу – три региона.	Республики Карачаево-Черкесская, Ингушетия, Северная Осетия-Алания, Хакасия, Дагестан, Тыва, Чеченская, Челябинская область. Расположены: пять регионов в Северо-Кавказском федеральном округе, один регион в Уральском федеральном округе, два региона в Сибирском федеральном округе.
удельный вес предприятий с высоким потенциалом роста в общем количестве активных предприятий в 2020 году	Республики Калмыкия, Крым, Ингушетия, Пермский край, Еврейская автономная область, Ленинградская, Волгоградская, Ростовская, Магаданская, Новгородская области, Чукотский автономный округ. Расположены: четыре региона в Южном федеральном округе, два региона в Северо-Западном федеральном округе, по одному региону в Северо-Кавказском и Приволжском федеральных округах, три региона в Дальневосточном федеральном округе.	Республика Тыва, Дагестан, Чеченская, Башкортостан, Северная Осетия-Алания, Челябинская, Тамбовская, Воронежская, Самарская области. Расположены: три региона в Северо-Кавказском федеральном округе, по одному региону в Уральском и Сибирском федеральных округах, по два региона в Центральном и Приволжском федеральных округах.
удельный вес быстрорастущих предприятий и предприятий с высоким потенциалом роста в общем количестве активных предприятий в 2020 году	Тверская, Ленинградская, Ростовская, Магаданская, Новгородская области, республика Крым, город Санкт-Петербург, Пермский край, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ. Расположены: два региона в Южном федеральном округе, по три региона в Северо-Западном и Дальневосточном федеральных округах, по одному региону в Центральном и Приволжском федеральных округах.	Республики Тыва, Дагестан, Чеченская, Северная Осетия-Алания, Башкортостан, Челябинская, Самарская, Воронежская, Тамбовская области. Расположены: три региона в Северо-Кавказском федеральном округе, по одному региону в Уральском и Сибирском федеральных округах, по два региона в Центральном и Приволжском федеральных округах.
отношение значений показателей, описывающих быстрорастущие предприятия и предприятия с высоким потенциалом роста	Сахалинская, Ивановская, Волгоградская, Орловская области, город Севастополь, Красноярский край, республики Кабардино-Балкарская, Калмыкия, Северная Осетия-Алания, Хакасия, Карачаево-Черкесская, Ингушетия. Расположены в Северо-Кавказском федеральном округе - четыре региона, Южном федеральном округе – три региона, по два региона в Сибирском и Центральном федеральных округах, один регион в Дальневосточном федеральном округе.	Новгородская, Тамбовская, Пензенская, Курганская, Свердловская области, республики Башкортостан, Мордовия, Карелия, Алтайский край, Чукотский автономный округ. Расположены: по два региона в Северо-Западном и Уральском федеральных округах, три региона в Приволжском федеральном округе, по одному региону в Центральном, Дальневосточном, Сибирском федеральных округах.

Источник: Разработано автором на основе данных таблицы 1.

Среднее значение соотношения удельных весов по быстрорастущим предприятиям и предприятиям с высоким потенциалом роста по регионам России составляло менее 4,8. Тенденция превышения показателей по предприятиям с высоким потенциалом роста была в 2020 году характерна для всех без исключения регионов. Таким образом, можно сделать вывод, что третья гипотеза получила свое подтверждение.

Для проверки второй гипотезы проводился анализ данных, представленных в столбце 3 таблицы 1. Анализ показал существенную дифференциацию по регионам значений каждого из четырех показателей. Следовательно, вторая гипотеза подтвердилась.

На следующем этапе выявлялись регионы, в которых отмечались максимальные и минимальные значения каждого из показателей. При этом, к максимальным и минимальным относятся значения, соответственно превышающие верхние границы диапазонов, продемонстрированных в третьем столбце таблицы 1 и меньшие нижних границ диапазонов. Итоги этого анализа приведены в таблице 2. Наряду с перечнями регионов в этой таблице представлено также территориальное расположение регионов по федеральным округам.

Анализ показал, что связи между территориальным расположением регионов и максимальными (минимальными) значениями показателей, не наблюдается. То есть, регионы, как с высокими, так и с низкими значениями показателей, расположены в различных федеральных округах. Таким образом, можно констатировать подтверждение четвертой гипотезы.

Заключение

Цель статьи, заключающаяся в оценке показателей, описывающих удельные веса быстрорастущих предприятий и предприятий с высоким потенциалом роста численности работников, в общем количестве активных предпри-

ятий по регионам России, была достигнута. Результаты исследования, обладающие научной новизной и оригинальностью, приведены далее:

- показана возможность оценки распределения удельных весов быстрорастущих предприятий и предприятий с высоким потенциалом роста численности работников, в общем количестве активных предприятий по регионам России с использованием функций плотности нормального распределения;

- построены четыре экономико-математических моделей аппроксимирующих исходные эмпирические данные, характеризующие распределения удельных весов быстрорастущих предприятий и предприятий с высокими темпами роста численности работников в общем количестве активных предприятий по регионам, а также отношения указанных удельных весов;

- значения рассматриваемых четырех показателей имеют существенную дифференциацию по разным регионам страны;

- удельный вес быстрорастущих предприятий существенно ниже по сравнению с удельным весом предприятий с высоким потенциалом роста;

- территориальное расположение регионов страны не оказывает существенного влияния на максимальные и минимальные значения каждого из четырех показателей.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

- среднее по регионам значение удельного веса быстрорастущих предприятий в общем количестве активных предприятий составило в 2020 году 0,48%;

- среднее по регионам значение удельного веса предприятий с высоким потенциалом роста в общем количестве активных предприятий составило в 2020 году 2,33%;

- среднее по регионам значение удельного веса предприятий, в которых

увеличение количества работников в течение трех лет было менее одной десятой составило в 2020 году 97,2%;

- по большинству регионов значения показателей, описывающих долю предприятий с высоким потенциалом роста были в 5,8 раза больше доли быстрорастущих предприятий.

Итоги проведенного исследования вносят теоретический и практический вклад в проблему оценки темпов роста численности работников предприятий. Приведенные методология и инструменты расчетов могут применяться при проведении научных исследований по демографии предприятий. А именно при проведении мониторинга доли растущих предприятий в регионах России. Методика оценки показателей может использоваться в деятельности органов власти и других заинтересованных организаций, при обосновании мероприятий по поддержке предприятий, для которых

характерен рост численности работников. Кроме того, полученная информация может использоваться для решения задач повышения доли быстрорастущих предприятий в регионах, где такие предприятия не получили широкого развития. Результаты работы представляют интерес для банков и кредитных организаций.

Новые знания, связанные с региональными особенностями деятельности быстрорастущих предприятий, могут быть использованы при обучении студентов бакалавриата и магистратуры в университетах. Представляется целесообразным в дальнейших исследованиях проведение оценки отраслевых особенностей, характерных для предприятий с высокими темпами численности работников. В процессе исследования не присутствовали ограничения по эмпирическим данным, поскольку рассматривалась информация по всем 82 регионам России.

Литература

1. Божко Л.М. Развитие фирм-газелей: особенности и факторы успеха // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2020. № 3(51). С. 59-67.
2. Кузык М.Г., Симачев Ю.В., Федюнина А.А. Специфика участия в международной торговле малых и средних быстрорастущих фирм, возможные следствия для государственной политики // Журнал НЭА. 2020. № 1(45). С. 208-218.
3. Онегова Я.В., Ошнянская С.А. Предприятия-газели // Вестник современных исследований. 2019. № 1.15(28). С. 120-121.
4. Пиньковецкая Ю.С. Оценка региональных особенностей государственных и муниципальных закупок // Вопросы региональной экономики. 2020. № 2 (43). С. 122-128.
5. Федеральная служба государственной статистики. Бизнес-демография [Электронный ресурс]. Режим работы: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/33PW8E90/bush-dem4.html> (Дата обращения 6.02.2021).
6. Юданов А.Ю. Носители предпринимательства: фирмы-газели в России // Журнал НЭА. 2010. № 5(5). С. 91-108.
7. Amoros J., Fernandez C., Tapia J. Quantifying die relationship between entrepreneurship and competitiveness development stages in Latin America // International Entrepreneurship and Management Journal. 2012. Vol. 8(3). P. 249-270.
8. Bravo-Biosca A., Crisculo C., Menon C. What Drives the Dynamics of Business Growth? // Economic Policy. 2016. Vol. 31 (88). P. 703-742.
9. Choi T., Rupasingha A., Robertson J.C., Leigh N.G. The Effects of High Growth on New Business Survival // Review of Regional Studies. 2017. Vol. 47(1). P. 1-23.
10. Cusolito A.P., Maloney W.F. Productivity Revisited: Shifting Paradigms in Analysis and Policy. Washington, USA: International Bank for Reconstruction and Development. 2018. 203 p.
11. Decker R., Haltiwanger J., Jarmin R., Miranda J. The Role of Entrepreneurship in US Job Creation and Economic Dynamism // Journal of Economic Perspectives. 2014. Vol. 28(3). P. 3-24.
12. Goedhuys M., Sleuwaegen L. High-Growth Entrepreneurial Firms in Africa: A Quantile Regression Approach // Small Business Economics. 2010. Vol. 34 (1). P. 31-51.
13. Goswami A., Medvedev D., Olafsen E. High-Growth Firms: Facts, Fiction, and Policy Options for Emerging Economies. Washington, USA: International Bank for Reconstruction and Development. 2019. 193 p.

14. Kylfheiko K., Jantunen A., Puumalainen K., Saarnketo S., Tupura A. Innovation and internationalization as growth strategies: The role of technological capabilities and appropriability // *International Business Review*. 2011. Vol. 20(5). P. 508-520.
15. Leković B., Berber N. Determinants of early stage high-growth entrepreneurship: Evidence from South East Europe region // *Journal for East European Management Studies*. 2019. Vol. 24(2). P. 347-369.
16. Pinkovetskaia I., Slepova V. Estimation of Fixed Capital Investment in SMEs: the Existing Differentiation in the Russian Federation // *Business Systems Research*. 2018. Vol. 9(1). P. 65-78.

УДК 339.5

Проблемы и перспективы сотрудничества Российской Федерации и Турции

Н.А. Бударина, доктор экономических наук, доцент,
профессор кафедры международных экономических отношений,
И.Р. Ибрагимов, аспирант кафедры международных экономических отношений,
Государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Российская таможенная академия», г. Люберцы, Московская область

Исследование научной статьи посвящено актуальным сферам торгово-экономического сотрудничества России и Турции. Выявлены проблемы как при осуществлении взаимной торговли двух стран, так и при реализации двусторонних соглашений. Определены основные направления по увеличению торгового оборота и формированию благоприятного инвестиционного климата. Объемы товарооборота рассмотрены в статистике внешней торговли по итогам 2019 и полугодия 2020 гг. Выявлена роль соглашений, подписанных на уровне руководителей организаций и ведомств двух стран, обеспечивающих реализацию экономической политики.

Российско-турецкие отношения, взаимодействие, зеленый коридор, расчеты, национальная валюта, товарооборот, санкции, стратегические проекты, направления сотрудничества.

Current directions and areas of cooperation between Russia and Turkey

N.A. Budarina, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Chair of International Economic Relations of the Faculty of Economics,
I.R. Ibragimov, Postgraduate student of the Department of international economic relations, Russian Customs Academy, Lyubertsy, Moscow region

The research article focuses on current areas of trade and economic cooperation between Russia and Turkey. It reveals problems both in mutual trade between the two countries and in the implementation of bilateral agreements. The main directions for increasing trade turnover and creating a favorable investment climate are identified. The volume of trade turnover is considered in the foreign trade statistics for the results of 2019 and the first half of 2020. The role of agreements signed at the level of heads of organizations and departments of the two countries that ensure the implementation of economic policy is revealed.

Russian-Turkish relations, interaction, green corridor, settlements, national currency, trade turnover, sanctions, strategic projects, areas of cooperation.

Формирование новых областей сотрудничества и дальнейшее укрепление партнерства России и Турции возможно после успешной реализации проблем в существующих сферах согласно договоренностям двух стран. Ключевыми областями и задачами партнерства российско-турецких отношений являются:

1. Двусторонняя торговля.
 - 1.1. Увеличение объема торговли.
 - 1.2. Таможенное сотрудничество.
 - 1.3. Использование национальных валют в двусторонней торговле.

2. Сотрудничество в области энергетики.
 - 2.1. Сотрудничество в области поставок газа.
 - 2.2. Реализация проекта «Турецкий поток».
 - 2.3. Завершение проекта АЭС «Аккую» по графику.
3. Торговля сельскохозяйственной продукцией.
 - 3.1. Применение квот в экспорте пшеницы.
 - 3.2. Экспорт животноводческой продукции.
 - 3.3. Экспорт томатов из Турции в Россию (квота на томаты).

3.4. Импорт семян подсолнуха из Российской Федерации.

4. Сотрудничество в области транспорта.

4.1. Увеличение квот на автомобильные перевозки.

4.2. Увеличение роли железнодорожных путей.

4.3. Решение проблем перемещения товаров морским способом.

5. Расширение сфер сотрудничества в рамках смешанной межправительственной Российско-Турецкой Комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству

Совокупный товарооборот России и Турции по итогам 2019 года составил 27,2 млрд. долл. США (экспорт в РФ – 4,1, импорт в Турцию – 23,1 млрд. долл. США соответственно). 7 месяцев 2020 по сравнению с 2019 годом показали рост импорта в РФ на 2,65 млрд. долл. США, т.е. на 2% больше, обратную тенденцию показал импорт уже из РФ сократив ввоз на 26%. Таким образом, в 2019 году внешнеторговое сальдо Турции составило 18,9 млрд. долл. США со знаком минус (рис. 1, рис. 2) [1,5].

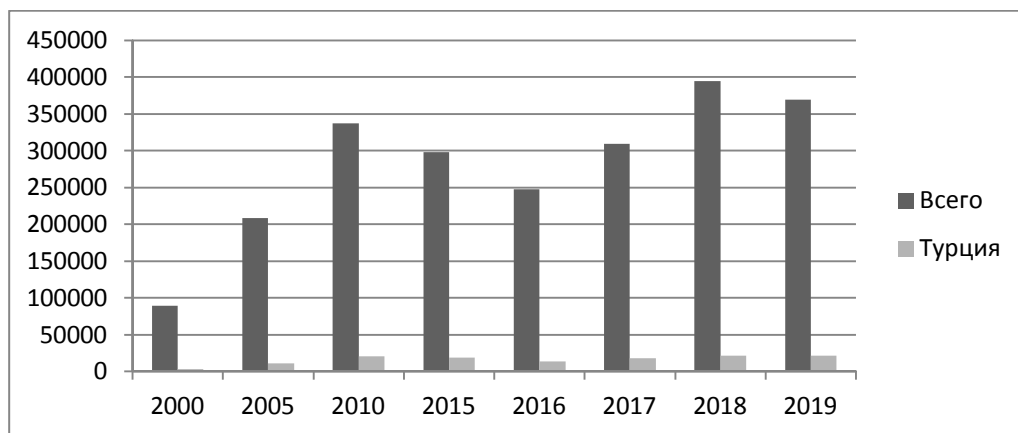

Рисунок 1 – Общий объем экспорта в сравнении с объемом экспорта в Турцию (в фактически действовавших ценах; млн. долл. США) [1]

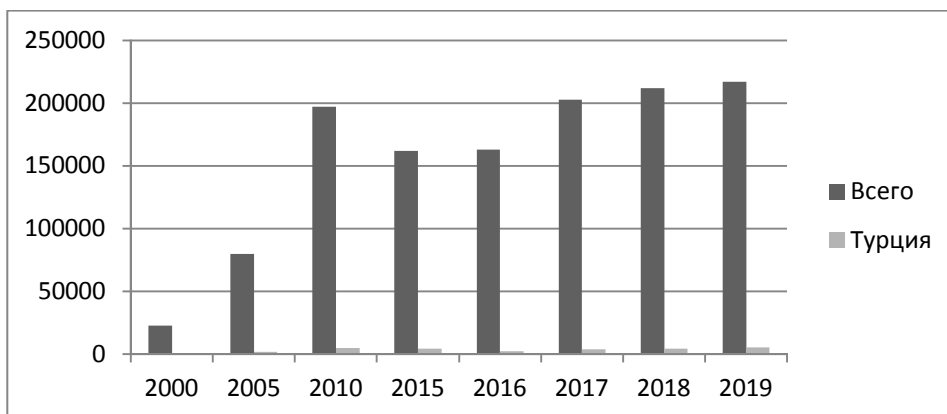

Рисунок 2 – Общий объем импорта в сравнении с объемом импорта из Турции (в фактически действовавших ценах; млн. долл. США) [1]

Несмотря на незначительный товарооборот с Турцией на протяжении 2-ух десятков лет объемы увеличиваются. Лидерами экспортного направления в разрезе стран дальнего зарубежья в 2019 году стали традиционные для России партнеры такие как Китай (13,4%) Нидерланды (10,6%), Германия (6,6), Турция (5%), Италия (3,4%), Республика Корея (3,9%), Польша (2,9%), США (3,1%), Япония (2,7%) и др. Ввоз в Россию осуществлялся, прежде всего, из Китая (22,2%), Германии (10,3%), США (5,4%), Италии (4,5%), Франции (3,5%), Японии (3,7%), Турции (2%) и др. [6].

Общий внешнеторговый дефицит Турции за 2019 год составил 30 млрд. долл. США, где 63% от общего дефицита приходится только на Россию, что свидетельствует о высокой степени комплиментарности экономик двух стран. Поставленная лидерами стран цель о доведении товарооборота до 100 млрд. долл. США будет достигнута при более сбалансированной структуре торговли и расширению сфер сотрудничества.

Ключевую роль в увеличении объемов торговли выполняет подписанный 18 сентября 2008 года документ между уполномоченными ведомствами двух стран об упрощении таможенных процедур, в рамках которого функционирует система упрощенного таможенного коридора (далее – УТК). Взаимное признание уполномоченных экономических операторов (далее – УЭО) позволит ускорить совершение административных процедур, связанных с таможенным оформлением, что в свою очередь благоприятно скажется на увеличении товарооборота.

Для участников внешнеэкономической деятельности (далее – участники ВЭД) особенно важным становятся расчеты при совершении сделок в национальных валютах. В 2019 году из объема торговли между Турцией и Россией в размере около 27 млрд. долл.

США, только эквивалентные 467 миллионам долларов расчеты были осуществлены в рублях и турецких лирах. При расчетах в национальных валютах необходимо также структурировать торговые потоки. Увеличение использования национальных валют предотвратит потери из-за курсовой разницы и простимулирует участников ВЭД к двусторонней торговле. Ведение взаиморасчетов в национальных валютах обладает рядом несомненных преимуществ. Например, колебания курсов национальных валют сказываются на конвертации валют, что в конечном итоге приводит к снижению или к экономии транзакционных затрат, издержек. При заключении внешнеторговых договоров выгода будет заключаться в установлении цены контракта, которая будет удовлетворять обе стороны, несмотря на изменение в отрицательную сторону курса валюты страны одного из контрагентов, при этом осуществление всех необходимых операций будет проходить через банки проводившие взаиморасчеты. Также преимуществом является тот факт, что осуществление всех необходимых платежей в свободно конвертируемых валютах приводит к определенной независимости от стран Евросоюза и стран запада. Роль банков при расчетах в национальных валютах упрощает ведение внешнеторговых контрактов как самим банкам в условиях валютного контроля, так и самим участниками внешнеэкономической деятельности.

Так в рамках двустороннего сотрудничества с Китайской Народной Республикой и Южной Кореей, российские банки имеют прямые корреспондентские счета с банками, что в свою очередь позволяет обеспечить расчеты с данными странами (любыми банками), минуя посредников в США, если расчеты производились в долларах США. В таком случае расчеты осуществляются в полном объеме и с более высокой скоростью.

Энергетическое партнерство России и Турции направлено на реализацию проекта «Турецкий поток» и проекта АЭС «Аккую». В рамках соглашений о купле-продаже газа между Турцией и Россией с 1987 года по настоящее время компанией БОТАШ импортировано около 400 миллиардов м³ природного газа в общей сложности на сумму около 110 миллиардов долларов. В 2018 и 2019 годах Турцией импортировано природного газа на сумму около 4,2 млрд. долл. США и 4 млрд. долл. США соответственно. Объем торговли природным газом снизился ввиду постепенного перехода электростанций на альтернативные виды топлива. Причиной, по которой российский газ не пользуется большим спросом, возможно, является высокая цена за экспортируемый Россией газ. ООО «Газпром экспорт» при диверсификации Турцией импорта стоит рассмотреть воз-

можность снижения цены для дальнейшего укрепления позиции российского газа в Турции.

В конце декабря 2019 года завершен проект «Турецкий поток», в соответствии с которым Турция импортировала по трубопроводу 1,6 миллиарда кубометров природного газа. Как «газовый хаб» Турция в свою очередь импортировала в Европу 1,9 млрд. м³ газа. Другой масштабный проект для Турции и первый в своем роде атомная электростанция «Аккую» планируется к вводу в эксплуатацию в 2023 году, когда запустится 1-ый энергоблок. Данный проект подразумевает тесное сотрудничество между российскими и турецкими компаниями от проектной документации до проведения тендеров с участием турецких компаний на предоставление оборудования.

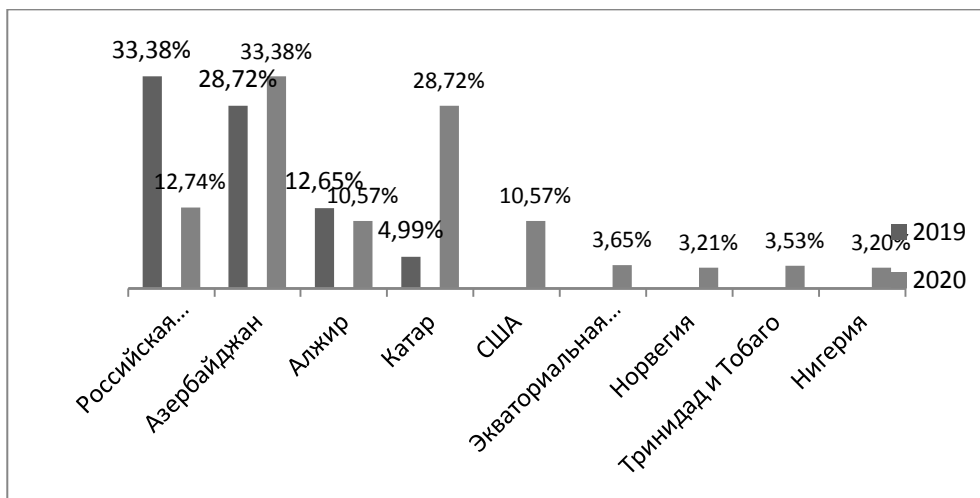

Рисунок 3 – Диверсификация объемов импорта газа Турецкой республикой [5]

Сотрудничество в сельскохозяйственной сфере обусловлено с предоставлением экспортных квот российской стороной. Российская Федерация с 1 апреля по 30 июня 2020 года вводила экспортную квоту в размере 7 млн. тонн на пшеницу, меслину, рожь, ячменя и кукурузу. Ежегодный импорт только пшени-

цу из России в Турцию составляет 7 млн. тонн. Применение квот на экспорт отрицательно влияет на продовольственную безопасность Турции и наносит ущерб турецким компаниям, у которых заключены контракты и установлены обязательства с российскими контрагентами в рамках поставок зерновых культур. Уве-

личение экспортной квоты позволит нарастить товарооборот и закрепить российских экспортеров на турецком рынке сельхозпродукции. Производители турецкой животноводческой продукции имеют ряд ограничений для экспорта в Россию ввиду обязательного получения разрешения Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору (Россельхознадзор) на осуществление экспортных операций. На настоящий момент разрешения на экспорт ожидают 110 компаний, в т.ч. 9 производителей мясных продуктов, 17 производителей птицеводческой продукции, 26 производителей яиц, 19 производителей рыбной продукции, 5 производителей кормов и 34 производителя молочных продуктов.

Применение квот на томаты также является одной из проблем, с которой сталкивается Турецкая сторона. Турция является третьей по величине страной в мире по производству томатов и восьмой по величине страной экспорта томатов. Применение квот на томаты не устанавливается исходя из сезонности, и необходимо установить критерии применения данных квот или отменить ввиду наличия противоречия принципу Всемирной торговой организации «страны, пользующейся режимом наибольшего благоприятствования» (MFN-Most Favoured Nation). К концу первого полугодия 2020 года общий экспорт томатов Турции в рамках квоты превысил 190 тысяч тонн.

С 12 апреля 2020 года до 30 июня 2020 года Коллегия ЕЭК ввела запрет вывоза с таможенной территории ЕАЭС отдельных видов продовольственных товаров, среди которых значатся «репчатый лук, чеснок, репа, рожь, рис, гречиха, просо; крупа, мука грубого помола и гранулы из зерна злаков; обрушенное гречневое зерно; готовые пищевые продукты из гречки; соевые бобы дробленые или недробленые и семена подсолнечника дробленые или недробленые» [2]. Часть потребности Турции в масличных

семенах подсолнечника, производство которых недостаточно для покрытия спроса, удовлетворяются за счет импорта. Россия находится на 2-ом месте среди поставщиков с объемом импорта в 2019 году на сумму 114 миллионов долларов (295 тысяч тонн). Поставка подсолнечного масла для Турции является очень важным продуктом питания для страны.

Заключительной сферой сотрудничества двух стран является транспортное сообщение. В 2019 году между странами было совершено 37596 перевозок, из них 6518 (17,3%) – российскими транспортными средствами и 16356 (38,9%) – турецкими транспортными средствами. Большая часть перевозок между Россией и Турцией, а это 40% от общего объема перевозок в 2019 году осуществляются перевозчиками третьих стран. Поставленная цель лидерами двух стран в доведении товарооборота до 100 млрд. долл. США, может быть достигнута, в том числе благодаря расширению транспортных квот. Существующие квоты недостаточны для Турции ввиду расширения сфер торговли. Одновременно в период пандемии возрастает роль железнодорожного транспорта. Линия Баку-Тбилиси-Карс является важным связующим звеном Евразийского региона. Морской грузопоток также требует более тщательного подхода к выбору места и способов ведения торговли на портах. Функционирующий до недавнего времени порт Геленджик, принимающий большую часть экспорта Турции в Россию, реконструируется, и возникает проблема с местом назначения турецких судов. Порт Новороссийск приоритетным образом принимает контейнерные суда и осуществление регулярных рейсов впоследствии будет осуществляться между определенными и технически готовыми портами, так как, например, порт Кавказ, созданный как альтернатива порту Геленджик из-за глубины осадки позволяет заходить только небольшим судам, в конечном итоге приводящий к

увеличению затрат. Изменение размеров сборов в порту Кавказ позволит сделать альтернативой Геленджикю.

В настоящее время, Россия и Турция находятся на этапе формирования рыночной платформы, впоследствии позволяющая закрепить взаимное присутствие экономик двух стран для реализации двусторонних соглашений. Влияние санкций в отношении России вынуждает российских экспортеров находить новые рынки сбыта и Турция практиче-

ски во всех основных сегментах торговли готова к появлению российской продукции на рынке. Наличие долгосрочных проектов в Турции позволяет России создавать новые формы и направления сотрудничества, в конечном итоге приводящее только к большему товарообороту и формированию нового стратегического партнера в черноморском регионе.

Литература

1. Итоги внешнеэкономической деятельности Российской Федерации в 2019 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.economy.gov.ru/material/file/66eec1250c653fc9abd0419604f44bbd/VED.pdf> (дата обращения: 25.04.2021).
2. Обзор ключевых мер и решений ЕЭК [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/covid-19/Pages/measures.aspx> (дата обращения: 23.04.2021).
3. Внешняя торговля товарами. Статистика Евразийского экономического союза. 2019 год: Статистический сборник <http://www.eurasiancommission.org/> (дата обращения: 25.04.2021).
4. Таможенная статистика внешней торговли РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://customs.gov.ru/statistic/> (дата обращения: 20.04.2021).
5. ТЭК России – 2019: Статистический сборник [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://minenergo.gov.ru/> (дата обращения: 25.04.2021).
6. Statistical indicators [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.trade.gov.tr> (дата обращения: 25.04.2021).

УДК 339.9

Анализ системного кризиса Европейского союза и Пактов стабильности и роста Европа 2020 и Европа 2025 на основе системной методологии в контексте воспроизводственной теории

Л.Н. Красавина, доктор экономических наук, профессор, ординарный профессор,
Заслуженный деятель науки РФ, Научный руководитель,
Институт исследований международных экономических отношений
Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва, ORCID: 0000-0003-3214-4642

Статья посвящена анализу причин официального признания системного кризиса Европейского союза (ЕС), совпавшего с его 60-летием и Пактов экономической стабильности и роста в этом интеграционном объединении. Новизна исследования состоит в применении принципа системной методологии о необходимости согласованности между интеграционными стратегиями развития и мерами их реализации в ЕС. Для обоснования выводов обобщены особенности функционирования за 62 года интеграционного ЕС, сформированного на основе Римского договора о создании общего рынка 1957 года, подписанного вначале 12 европейскими странами. Предложенный подход определил логику анализа с целью выявления периодов соблюдения или нарушения данного принципа системной методологии в аспекте их влияния на интеграционные преимущества ЕС. В итоге исследования эволюции ЕС выявлены редкие периоды согласованности между интеграционными стратегиями и мерами их реализации и частые нарушения этого важного принципа системной методологии. В этой связи обоснован вывод, что несоответствие между стратегиями и инструментами их реализации стало фактором разрушения интеграционных преимуществ, что стимулировало системный кризис ЕС в 2015 г. Проанализировано его деструктивное влияние на интеграционные преимущества, утраты экономической и отчасти политической суверенности государств-членов ЕС под давлением США, разместивших в Европе свои военные базы НАТО и применяющих санкции к ЕС как их потенциальному коллективному конкуренту. Обоснована оценка Пактов стабильности и роста – Европа 2020 и Европа 2025 – как инструмента преодоления системного кризиса и восстановления интеграционных преимуществ ЕС.

Экономическая интеграция, Европейский союз (ЕС), европейский экономический и валютный союз, зона евро, системная методология, системный кризис ЕС, Пакты стабильности и роста Европа 2020 г., Европа 2025 г., интеграционные преимущества, санкции США к ЕС.

The Analysis of the systemic Crisis of the European Union and the Stability and Growth Pacts Europe 2020 and Europe 2025 on the Basis of the systemic Methodology in the Context of the reproduction theory

L.N. Krasavina, Doctor of Economic Sciences, Tenured Professor, Honored Scientist of the Russian Federation,
Scientific Director of the Institute for the Study of International Economic Relations,
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, ORCID: 0000-0003-3214-4642

The article is devoted to the analysis of reasons of the official recognition of the systemic crisis of the European Union (EU), which coincided with its 60th anniversary and the Stability and Growth Pacts in this integration union. The novelty of the research lies in the application of the principle of the systemic methodology about the need for consistency between integration development strategies and measures of their implementation in the EU. To substantiate the conclusions, the features of the functioning of the integrative EU are generalized for 62 years, formed on the basis of the Rome Treaty on the Establishment of a Common Market in 1957, signed at the beginning by 12 European countries. The proposed approach defined the logic of the analysis in order to identify periods of compliance or violation of this principle of the systemic methodology in terms of their impact on the integration advantages of the EU. As a result of the study of the evolution of the EU, rare periods of coherence between integration strategies and measures of their implementation and frequent violations of this important principle of systemic methodology were revealed. In this regard, the conclusion is substantiated that the discrepancy between the strategies and the tools for their implementation became a factor in the destruction of integration advantages, which stimulated the systemic crisis of the EU in 2015. Its destructive impact on the integration advantages, the loss of economic and partly political sovereignty of the EU member states under pressure from the United States, deploying their NATO military bases in Europe and applying sanctions to the EU as their potential collective competitor, was analyzed. The assessment of the Stability and Growth Pacts – Europe 2020 and Europe 2025 – is substantiated as a tool to overcome the systemic crisis and restore the EU's integration advantages.

Economic integration, European Union (EU), European economic and currency union, euro zone, systemic methodology, EU systemic crisis, Stability and Growth Pacts Europe 2020, Europe 2025, integration advantages, USA sanctions to EU.

На Международной конференции в Финансовом университете при Правительстве РФ под руководством члена-корреспондента РАН Г.Б. Клейнера [1] – известного учёного по системной методологии – было акцентировано внимание на необходимость соблюдения принципа системной методологии о соответствии между целью и мерами её реализации. В поисках фундаментальной причины системного кризиса Европейского союза

(ЕС), совпавшего с его 60-летием, была проанализирована проблема соответствия между его интеграционными стратегиями и мерами, инструментами их реализации за 62 года.

Особенность формирования ЕС проявилась в создании трёх Европейских сообществ и их объединением с целью согласования условий свободного движения товаров и услуг стран-членов и внешних тарифов для третьих стран (см. табл. 1).

Таблица 1 – Развитие Европейского сообщества

1	Европейское объединение угля и стали (ЕОУС) с 1952 года
2	Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом)
3	Европейское сообщество на основе подписания двенадцатью странами Римского договора об общем рынке 1957 г., что означало создание ЕС
4	Европейское экономическое сообщество с 1967 г. на основе объединения первых трех предыдущих сообществ

Вопреки воспроизводственной тенденции формировать европейскую интеграцию на макроэкономическом фундаменте появилась опасная тенденция создания регионального валютного союза на основе ошибочной теории американского экономиста Р. Манделла [2] в 1961 г. о формировании региональных оптимальных валютных зон (ОВЗ) с коллективными валютами на первом этапе интеграции при создании таможенного союза вопреки закономерности выпуска единой региональной валюты на завершающем этапе интеграции – экономическом и валютном союзе.

Критическое отношение к идее Р. Манделла о приоритете создания валютной зоны в форме региональных ОВЗ проявилось в расширении критериев экономической конвергенции зарубежными авторами в течение более 30-ти лет. В их числе: Маккинон (1963 г.) – высокая степень открытости

экономики; П. Кэннен (1969 г.) – диверсификация производства; Х. Джонсон (1970 г.) – унификация налоговых систем; Дж. Ингрэм (1969 г. и 1973 г.) – интеграция финансовых рынков; Х. Хаберлер (1970 г.), Дж. Флеминг (1971 г.), Дж. Манифико (1974 г.) – сближение уровня инфляций; Г. Тичи (1992 г.) расширил и систематизировал 15 критериев ОВЗ [3].

В России Т.Д. Валовая в своей докторской диссертации и монографии впервые доказала ошибочность идеи Р. Манделла о создании оптимальной валютной зоны на первом этапе интеграции – создании таможенного союза, так как это возможно лишь на завершающем этапе – экономическом и валютном союзе [4]. В публикациях других авторов выявлены отличия экономического и валютного союза от оптимальной валютной зоны [5].

С точки зрения рассматриваемого принципа системной методологии ошибка Р. Манделла

состоит в предложении создать валютный союз на первом этапе валютной интеграции мерами таможенного союза, а не на четвертом этапе – экономическом и валютном союзе с единой валютой.

В течение 16 лет (1957-1973 гг.) осуществлялось согласование условий свободного движения товаров и услуг по единым внутренним тарифам (1957-1961 гг.) и общих квотах для третьих стран (до 1973 г.). Созданные наднациональные институты осуществляли надзор и контроль за соблюдением интеграционных принципов, не допуская ограничений во взаимной торговле стран ЕС.

Однако, нарушение закономерности поэтапного развития

европейской интеграции проявилось в отсутствии второго этапа – создание единого экономического пространства (ЕЭП). Более того, объединение этого пропущенного этапа с созданием третьего этапа Европейского союза, привело к несогласованности методов их реализации. Отсутствие ЕЭП, ориентированного на согласование национальной экономической, денежно-кредитной, валютной политики стран-членов снизило эффективность интеграционных преимуществ в этой сфере.

Углубление интеграционного процесса наступило с переходом к завершающему этапу – европейскому экономическому и валютному союзу (см. табл. 2).

Таблица 2 – Этапы развития интеграционного Европейского союза

IV	Европейский экономический и валютный союз с единой валютой – евро (с 1999 г.)
III	Единое экономическое сообщество
II	Единое экономическое пространство (с 1967 г.)
I	Общий рынок ЕС. Таможенный союз (1957-1993 гг.)

Разработанная в 1989 г. программа Ж. Делора (председателя Европейской комиссии) отличалась большей согласованностью между данной стратегией и мерами её реализации путем развития конкуренции выравнивания экономических диспропорций стран-членов. Появились прогнозы о будущем ЭВС [6].

Маастрихтский договор о трехэтапном создании ЭВС осуществлялся под контролем Европейской комиссии евро. В её отчете за 1998 г. отмечен прогресс в конвергенции и переходе к созданию ЭВС [7]. Однако, маастрихтские критерии ограничились формальными требованиями представления национальной статистики о соблюдении двух финансовых показателей – бюджетного дефицита до 3% ВВП страны и её госдолга до 60% ВВП (при кризисе до 80%).

Нарушение принципа системной методологии о необходимости соответствия между целью экономической конвергенции и мерами её реализации преимущественно в финансовой сфере стали фактором дальнейшего разрушения интеграционных преимуществ, что привело к системному кризису ЕС. Этому способствовала либеральная проверка контрольных оценок комиссией ЕС и Европейского центрального банка о выполнении странами зоны евро без проверки статистики стран. Например, Греция была легко принята в зону евро, хронически нарушает маастрихтские требования и представляла в комиссию некачественную, «плохую» статистику, по оценке контролёра.

Недостаточно эффективные меры надзора и контроля над национальными дорогостоящими институтами, которые не

дифференцировали свои рекомендации для стран Европейского экономического Сообщества (ЕЭС, 9 стран) и зоны евро (19 стран). Это вызвало недовольство стран ЕЭС и институциональный кризис, который стал одной из причин системного кризиса и разрушения интеграционных преимуществ ЕС.

В итоге нарушения поэтапного развития европейской интеграции усилилась несогласованность между интеграционными стратегиями и мерами их осуществления. Снижение интеграционных преимуществ ЕС обусловило уязвимость стран-членов к условиям мирового экономического кризиса 2008-2009 года. Однако антикризисные меры были приняты в основном в финансовом секторе, а не в сфере производства. Это проявилось в формировании «союза союзов» – бюджетного, налогового, банковского.

Ошибочным было преувеличение первичности создание валютного союза сразу после подписания двенадцатью странами Европе Римского договора о создании общего рынка (1957 г.).

Согласование условий участия стран ЕС в общем рынке продолжалось 36 лет (1957-1973 гг.), в том числе таможенного союза 16 лет. Это способствовало развитию интеграционных преимуществ с целью укрепления и выравнивания дифференцированного уровня их экономического развития.

Компоненты системного кризиса ЕС проявлялись в частом несоответствии между интеграционными стратегиями и мерами, инструментами их реализации разрушили потенциал интеграционных преимуществ, стимулирующих рост макроэкономических показателей стран ЕС. В этой связи больше внимания уделялось нестабильному финансовому, а не производственному сектору.

1. Это определило первопричину и форму проявления системного кризиса

ЕС – снижение стимулирующего влияния интеграционных принципов на укрепление производственного сектора экономики.

2. Проявлением системного кризиса ЕС стал «черный лебедь» – символ усиления рисков на финансовых рынках, навеянный книгой Нассима Талеба, – и финансового кризиса: долгового, бюджетного, налогового, банковского.

3. Усиление неравенства доходов населения, социальный кризис, демонстрация трудящихся как его проявление. Например, желтых жилетов – водителей транспорта во Франции.

4. Институциональный кризис. «Засилье Брюсселя» – обилие дорогостоящих наднациональных регулирующих интеграционный процесс институтов без дифференциации двух этапов – ЕЭС (9 стран) и зоны евро (19 стран), что вызывает недовольство 9-ти стран Европейского экономического стран. Институциональный кризис проявился в неспособности Брюссельских институтов обеспечить эффективное антикризисное регулирование, контроль за интеграционным взаимодействием стран ЕС в производственном и финансовом секторе. Например, Европейский центральный банк лишь в разгар кризиса покупал долговые обязательства – государственные и банковские. Был создан постоянно действующий институт финансовой стабильности [8].

5. Либеральная миграционная политика привела к миграционному кризису в ЕС [9].

6. Утрата экономической суверенности стран ЕС под давлением США, разместивших в Европе свои военные базы НАТО и принимающих санкции против ЕС, расценивая интеграционное объединение 28 стран как будущего коллективного американского конкурента.

Истоки идеи политического союза стран ЭВС в проекте П. Вернере относились к нереализованному лозунгу псевдосоциал-демократов о Соединенных штатах Европы (1915 г.) и была трансформирована. В программе Ж. Делора (1989 г.) предусмотрено формирование политического союза стран ЭВС к 2000 г., а через 10 лет была заменена их обязательным вступлением в НАТО.

Трансатлантический альянс США – Европа трансформировался в утрату экономической суверенности в связи с размещением военных баз НАТО и требованием увеличения европейских расходов на их содержание. Кроме того, США применяют санкции к зоне евро как их потенциальному коллективному конкуренту.

7. Компонентом системного кризиса ЕС стала проблема брекзита. Парламент Британии принял решение о выходе страны из ЕЭС в январе 2019 г., но Совет Европы требует от неё выплаты компенсации 50 млрд долл. США за использование интеграционных преимуществ [10, 11].

Таким образом, нарушение принципа системной методологии – частое несоответствие между интеграционными стратегиями и мерами их реализации – стало важной причиной системного кризиса ЕС и особенностей его проявления.

В управляющих документах официально признан системный кризис зоны евро в 2015 г. Диалектика данного кризиса проявляется не только в его разрушительной, но и созидательной функции – принятии стабилизационных программ.

Пакты стабильности и роста: Европа 2020 и Европа 2025.

Еще на этапе завершения создания зоны евро на саммите ЕС 17 июня 1997 г. был принят такой пакт для снижения риска чрезмерного бюджетного дефицита стран-членов.

Были введены два принципа мониторинга за состоянием национальных бюджетов и снижением их дефицита до нулевого уровня и профицита во избежание санкций по отношению к странам-членам. В эти стабилизационные программы периодически вносились изменения, одобренные саммитом ЕС [12, 13]. Например, показатель долга страны был повышен с 60% до 80% её ВВП в условиях экономического кризиса.

Пакты стабильности и роста Европа 2020 и Европа 2025 отличаются более высоким качеством, чем прежний вариант. Однако некоторые авторы считают их набором технических «бухгалтерских» правил, ошибочно утверждают, будто процесс создания ЭВС далек от завершения высшего этапа интеграции [14]. Это противоречит содержанию стабилизационных пактов и факту создания зоны евро с единой валютой евро, конкурирующей с долларом США.

В действительности стабилизационные программы были ориентированы на укрепление экономического фундамента ЕС, но финансовыми мерами, что снизило их эффективность.

Особенностью Пакта Европа 2020 проявилось в более гибком регулировании допустимого по объему и сроку бюджетного дефицита и графика его снижения в течение двух лет вместо года. Впервые была введена дифференциация объема бюджетного дефицита стран зоны евро до 1%.

Затраты ЕС на оказание помощи развитию и другие экономические программы ООН стали осуществляться за счет национальных бюджетов, а не общего бюджета ЕС. Странам зоны евро предоставлены льготы не включать расходы на пенсионную реформу в оценку чрезмерного бюджетного дефицита в зоне евро.

Таким образом, Пакт Европа 2020 смягчил требования к совместной бюджетной политике в связи со снижением темпа экономического роста. Таким образом, целевая ориентация на снижение бюджетного дефицита осуществлялась методом бюджетной реформы вместо непосредственной координации и совершенствования политики макроэкономической стабилизации в странах-членах.

Стабилизационная программа «Стратегия Европа – 2020» направлена на снижение негативных последствий мирового кризиса 2008-2009 гг. ограничилась финансовым сектором экономики. Например, межправительственный европейский стабилизационный механизм предоставлял кредиты правительствам стран-заёмщиков, в том числе в форме покупки их государственных облигаций на финансовом рынке.

Десятилетняя «Стратегия Европа – 2025», ориентированная на реализацию решения G20 о введении глобализации финансово-экономического регулирования, отличается учетом специфики стран ЕС. Это проявляется в европейских стандартах раннего предупреждения о системных рисках и их снижении, макропруденциального надзора и контроля за интегрированным финансовым рынком, а также сотрудничества с международными институтами, устанавливающими глобальные стандарты [15].

Функциональная особенность «Стратегии Европа – 2025» вновь проявилась в ориентации на непосредственную стабилизацию преимущественного финансового, а не производственного сектора экономики, что влияет на продолжительность системного кризиса ЕС в условиях глобальных и геополитических вызовов.

Таким образом, выявленные нарушения принципа системной методологии о необходимости

соответствия между интеграционными целями и мерами их реализации в ЕС способствовали развитию многофакторного системного кризиса ЕС, а принятые стабилизационные программы не обеспечивают развитие факторов производства интегрированного общего рынка и преодоление этого кризиса.

Выводы.

Анализ системного кризиса ЕС в 2015 г. выявил его фундаментальные причины. Во-первых, нарушение принципа системной методологии о необходимости согласованности между интеграционными целями и мерами, инструментами их реализации. Во-вторых, как следствие, постепенное разрушение интеграционных преимуществ ЕС.

Об этом свидетельствуют следующие особенности развития ЕС в течение 62 лет:

1. Подписание двенадцатью странами ЕС Римского договора о создании общего рынка 1957 года начался с формирования рынка факторов производства – товаров, услуг, капиталов, трудовых ресурсов. В течение 16-ти лет были согласованы условия беспошлинной торговли между странами ЕС и общий тариф для третьих стран. Однако, формированием интеграционных преимуществ общего рынка завершилось лишь через 36 лет (1957-1973 гг.) при переходе к завершающему этапу зоны евро.

2. Преувеличение значения ошибочной теории Р. Манделла о создании оптимальных валютных зон (ОВЗ) с коллективными валютами на первом этапе, а не при создании экономического и валютного союза ЕС отвлекло европейские власти и ученых на поиск экономических критериев ОВЗ. Это задержало формирование интеграционных преимуществ ЕС в сфере производства.

3. Развитие ЕС вширь до 28 стран опережало процесс углубления интеграции. Менее развитые страны утратили свою прежнюю специализацию, а более развитые конкурентоспособные подчинили своим интересам их экономику. Усилился процесс дифференциации развития экономики стран-членов.

4. Либеральная миграционная политика привела к миграционному кризису в 2015 г. когда приток мигрантов достиг 1,2 млн человек и потребовалось регулирование рынка трудовых ресурсов [9].

5. Либеральный надзор и контроль за качеством национальной статистики и соблюдением требований Маастрихтского договора к странам при вступлении в зону евро (бюджетный дефицит до 3% ВВП и национального долга ВВП – 60%) облегчил вступление, например, Греции, в зону евро, усилил дифференциацию экономики стран что снизило интеграционные преимущества ЕС. В итоге усилилась несогласованность между интеграционными стратегиями и мерами их реализации, что привело к институциональному кризису ЕС.

6. Утрата экономической суверенности стран ЕС под давлением

США, разместивших свои военные базы в странах Европы и требующих увеличения доли европейского софинансирования на их содержание.

Таким образом, анализ причин системного кризиса выявил преобладание несогласованности между интеграционными целями и мерами их реализации, что разрушило интеграционные преимущества ЕС.

Рассмотрение Пактов стабильности и роста Европа 2020 и Европа 2025 свидетельствует о преобладании мерами стабилизации в финансовом, а не в производственном секторе экономики.

В итоге нарушения принципа системной методологии о необходимости согласованности между интеграционными целями и мерами их реализации постепенно разрушала преимущества государств-членов ЕС, что усугубило системный кризис ЕС [16].

По оценке аудитора Счетной палаты РФ А.А. Пискунова, Дж. Стиглицу принадлежит замечательная мысль о наиболее тяжелых последствиях политической ошибки подмены целевых эффектов созданием инструментов и условий для их достижения, при этом внимание смещается на технологические инструменты, а не достижение цели [17].

Литература

1. Клейнер Г.Б. Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // Системный анализ в экономике 2012. Материалы Научно-практической конференции пленарных докладов. М., 27-28 ноября 2012. М.: ЦЭМИ РАН. 2012. С.31-40.
2. Mandell R. Theory of Optimum Currency Areas // American Economic Review. 1961.
3. Tichi G. Theoretical and Empirical Considerations of the Dimension of an optimal Integration Area in Europe Aussenwirtschaft 1992. № 47/1.
4. Валовая Т.Д. Проблемы формирования экономического и валютного союза. М., Златоцвет. 1994.
5. Красавина Л.Н. Концепция экономического и валютного союза: отличие от оптимальных валютных зон // Деньги и кредит № 7. 2015. С.33-40.
6. Bordo M., Jonung L. The future of EMU: What does the history of monetary union tell us? // IBER working paper. 1999.
7. European Commission Euro 1999. Report on progress towards convergence and recommendations with a view to the transition to the stage on economic and monetary union. Brussels. P. 189-190.
8. Экономика стран ЕС после введения евро: от эйфории 1999 г. до долгового кризиса 2010-х годов. Монография под ред. А.В. Кузнецова, Е.С. Хесина. М.: ИНЭМО РАН, 2013. 250 с.
9. Ткаченко А.А. Глобальные проблемы гуманитарной и трудовой миграции и перспективы развития Европейского союза // Мировая экономика и мировые финансы: глобальные проблемы и перспективы под ред. проф. Е.А. Звоновой. М.: РУСАЙТС. 2017.

10. Красавина Л.Н. Проблема брекзита как компонент системного кризиса Европейского союза: анализ на основе системной методологии в контексте воспроизводственной теории // *Экономические стратегии* № 3. 2020. С. 42-49.
11. A new settlement for United Kingdom within 19/02/2016. Documents ST 1/16. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/d91676a0-da1e-11e5-8fea-01aa75ed71a1/language-en> (дата обращения: 02.04.2021).
12. Абалкина А.А. План стабильности и роста // Информационно-аналитический бюллетень. ЦПИ ИЭ РАН. 2005. № 1.
13. Reform of the stability pact – a license to run up debt // *EU monitor*. Deutsche Bank Research. 2005. April. 28.
14. Гурьянова О.Г., Гойфутдинова Ф.М. Актуальные вопросы экономической политики в Европейском союзе // *Экономические стратегии* № 8. 2019. С. 58.
15. Реформа регулирования финансово-банковского сектора и интеграционного процесса в Европейском союзе. Раздел Новые подходы к глобальному финансовому регулированию // Монография под ред. Худяковой Л.С. М.: ИМЭМО РАН. 2015.
16. Красавина Л.Н. Парадокс сочетания системного кризиса Европейского союза с его 60-летием: анализ на основе системной методологии // *Экономические стратегии* № 6. 2019. С. 54-59.
17. Дискуссионная площадка в Общественной палате: Ключевые вызовы современного мира: известные и неизвестные // *Экономические стратегии* № 6. 2019. С. 6-17.

УДК 339.94

Основные тренды цифровой трансформации экономики государств ЕАЭС

Н.Ю. Сопилко, кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры экономической теории,
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, г. Москва,
О.Ю. Мясникова, кандидат экономических наук, доцент,
доцент департамента инновационного менеджмента в отраслях промышленности,
Российский университет дружбы народов, г. Москва

В статье определена роль развития цифровизации для государств Евразийского экономического союза (ЕАЭС), подчеркнута ее перспективность в контексте интеграционных процессов. Дана характеристика имеющихся предпосылок для развития цифровой экономики на пространстве ЕАЭС. Выделены основные тренды проведения цифровизации, определены стратегически важные сферы для ее внедрения в регионе ЕАЭС, а также рассмотрены имеющиеся барьеры, препятствующие этому процессу. Отмечено, что принятие цифровой повестки откроет новые возможности для развития общих рынков государств ЕАЭС и позволит получать дополнительные конкурентные преимущества.

Цифровая экономика, интеграционные процессы, государства ЕАЭС, общие рынки.

The main trends of digital transformation in the economy of the EAEU countries

N.Yu. Sopilko, PhD in Economic Sciences, Associate professor,
Associate Professor of the Department of Economic Theory,
Russian state university of oil and gas (NIU) of I.M. Gubkin, Moscow,
O.Yu. Myasnikova, PhD in Economic Sciences, Associate professor,
Associate Professor of the Department of Innovation Management in Industries,
Peoples' friendship University of Russia, Moscow

The role of digitalization development in economy of the EAEU countries is noted in the paper. Its urgency and prospects are emphasized in the context of integration processes of the region. The characteristics of existing prerequisites for digital economy development in the EAEU space are performed. The main trends of digitalization are identified, strategically important areas for its implementation in the EAEU region are described, and the existing barriers are considered. It is concluded that the adoption of digital agenda will open up new opportunities for common markets development of the EAEU members and it will allow obtaining additional competitive advantages.

Digital economy, integration processes, the EAEU countries, common markets.

В настоящее время наряду с интенсивным развитием интеграционных процессов в мировой экономике, стремительными темпами цифровизация проникает во все области хозяйственной деятельности государств, что в свою очередь оказывает сильное влияние на трансформацию структуры и характера взаимных отношений стран в сфере торговли и производства. Появляются новые отрасли экономики, происходит повсеместное внедрение инноваций, наблюдается снижение транзакционных издержек, что дает возможности компаниям получать дополнительные конкурентные

преимущества, а в рамках интеграции государств, позволяет увеличивать скорость товарооборота и расширять возможности для внутри и межотраслевого сотрудничества. Поэтому многие региональные объединения сегодня включают в свои стратегические документы цифровизацию, как основной тренд перспективного развития, и не исключением является ЕАЭС – динамично развивающийся регион на евразийском пространстве. Одной из основных приоритетных целей, которые в настоящее время обозначены в стратегии развития ЕАЭС, определена именно цифровизация эко-

номики.

Как свидетельствует практический опыт и результаты научных исследований [1, 2], крупные технологические компании (BigTech), зачастую владеют более полным объемом информации, чем правительственный блок стран, поскольку концентрируют их в большом объеме, постоянно проводят мониторинг и оценку. Обладая базами BigData, такие компании понимают в каких сегментах экономики наиболее длинные цепочки добавленной стоимости, каков уровень спроса, какие потребительские предпочтения на рынках, уровень инвестиционной привлекательности отраслей и т.д. Это дает им возможность строить прогнозные модели поведения на рынках и оптимально распределять издержки. Таким образом, инструменты именно цифровизации позволяют активизировать все бизнес-процессы компаниям и ускорять оборачиваемость активов.

В рамках ЕАЭС в настоящее время отмечается значительный прогресс по многим векторам цифрового развития [3], а также его актуальность и перспективность [4]. Для развития такого процесса имеется ряд предпосылок, среди которых можно выделить, в первую очередь, наличие информационно-технологического потенциала у стран Евразийского Союза. Об этом свидетельствует ряд показателей, таких, например, как индекс цифрового внедрения технологий (ИЦВ), а также известные рейтинговые показатели – Индекс развития электронного правительства ООН [5], и Индекс развития ИКТ [6].

Согласно статистике Всемирного банка, относительно показателей ИЦВ, отражающих распространение цифровых технологий в рамках регионального объединения по состоянию на 2016 г., можно увидеть следующую картину, представленную на рисунке.

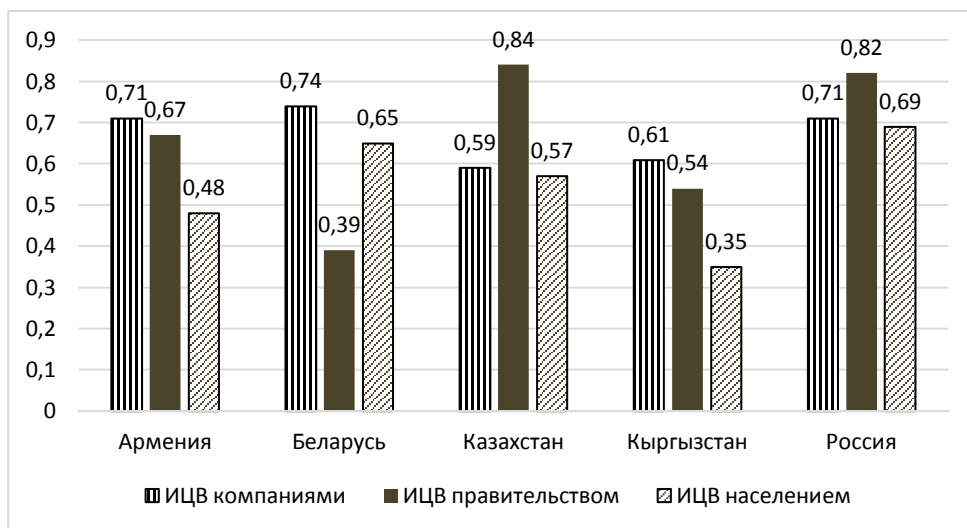

Рисунок – Использование цифровых технологий в государствах ЕАЭС по индексу цифрового внедрения (ИЦВ), 2016 г.

Источник: по данным Доклада о мировом развитии 2016: цифровые дивиденды

Согласно представленным данным на графике (рисунок), можно отметить, что показатели использования цифровых технологий в странах ЕАЭС, в

частности, со стороны правительства, достаточно высокие, особенно это наблюдается в Казахстане и России.

В представленных ООН рейтин-

гах среди 193 государств мира относительно состояния уровня развития электронного правительства по данным 2020 г., страны ЕАЭС занимают также достаточно высокие позиции: на 29 месте Казахстан, 36 место – Россия, 40 – Беларусь, Армения и Кыргызстан – 68 и 83 место соответственно. По параметру развития ИКТ в странах в рейтинге 176 государств мира за 2017 г., у Беларуси, России и Казахстана – 32, 45 и 52 место соответственно, у Армении – 75, а у Кыргызстана лишь 109. Россия и Казахстан бесспорно являются лидерами в области внедрения и распространения цифровых технологий и сервисов на пространстве региона ЕАЭС.

Предпосылкой к развитию цифровизации можно считать и то, что ЕАЭС обладает тем ресурсом, который позволяет в перспективе успешно развивать цифровую инфраструктуру и внедрять цифровые платформы. Это наличие достаточного количества специалистов в области математики и информатики, имеющийся задел государств-участников за последнее десятилетие в области ИТ-технологий и цифровизации. Например, в Беларуси создан Парк высоких технологий, есть законодательная база в сфере развития технологии блокчейн и т.д. В Казахстане широко внедряются цифровые технологии (программа «Цифровой Казахстан»). В процесс создания цифровых инфраструктур, а также центра хранения данных, наряду с остальными членами ЕАЭС, активно включаются Армения и Кыргызстан. А в России можно отметить масштабное развитие сектора государственных услуг, прослеживаемости товаров, маркировки и многое др.

В программу, которая внедряется в России в настоящее время «Цифровая экономика Российской Федерации» [7], внедрены такие задачи, как:

– формирование системы правового регулирования, а именно это включение в развитие передовых инфраструктурных технологий передачи, хранения и

непосредственно обработки данных);

– распространение цифровой трансформации на территории ЕАЭС.

Такое направление предусматривает к 2022 г. развитие процессов для всех стран Евразийского Союза на всех уровнях федеральной исполнительной власти, базирующихся на основе интегрированной информационной системы (ИИС) России с одновременным его выводом в область цифровой трансформации на наднациональный уровень [8].

По данным расчетов специалистов ЕЭК и Всемирного банка [9], реализация на пространстве ЕАЭС цифровизации позволит получать определенные интеграционные эффекты – наращивать темпы экономического роста, а именно, обеспечивать дополнительный прирост ВВП в год до 1%, что в два раза выше, чем при реализации национальных программ странами по отдельности. Лишь в сфере услуг посредством устранения барьеров можно экономить около 50 млрд долл., что значительно увеличивает объемы экспорта ИКТ [10]. Также отмечается, что развитие цифровизации будет активизировать миграционные процессы, будет способствовать созданию рабочих мест, влиять на рост производительности труда, повысит качество услуг и в целом конкурентоспособность Евразийского Союза ЕАЭС [11]. То есть, по оценкам специалистов, страны ЕАЭС получают так называемые «цифровые дивиденды» [12], состоящие в повышении экономического роста, миграционной активности и расширения рабочего пространства, повышении качества услуг в различных сферах, а также росту конкурентоспособности евразийского региона в целом.

Интеграционные эффекты важны для ЕАЭС в первую очередь в сферах, где сегодня происходит формирование общих рынков на евразийском пространстве [13], особенно это актуально при формировании финансового рынка, также рынка товаров и услуг, включая энергетически рынки – как стратегически

важные для ЕАЭС, и не менее важно для развития рынка труда, для учета миграционных процессов, уровня занятости и т.д.

Как отмечается в «Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС», документе, который подписан главами стран ЕАЭС 6 декабря 2018 г., приоритетными отраслями для внедрения цифровых технологий обозначены сельское хозяйство и промышленность, а также государственный сектор. Массовая цифровизация прежде всего будет затрагивать услуги и сервисы с большим потребительским спросом, также области экономики, в которых играет затратную часть расстояние (логистика). Всего, по данным ЕЭК, на начало 2019 г., для осуществления цифровизации в рамках ЕАЭС отобрано 8 проектов и порядка 20 проектов находятся на стадии проработки [8].

Для успешной реализации цифровой повестки требуется, прежде всего, формирования компетенций в этой области, гармонизации и разработки единой нормативно-правовой базы, обновления и внедрения определенной технической инфраструктуры и многое др.

В настоящее время уже идет разработка различных цифровых проектов, часть которых реализуется, например, крупный проект по внедрению инфраструктуры обеспечения занятости населения ЕАЭС (евразийская электронная биржа труда), создается цифровая платформа с целью роста региональных цепочек добавленной стоимости, а также цифровой прослеживаемости товаров, формирование цифровой системы транспортных коридоров ЕАЭС. Они актуальны для всех стран ЕАЭС, особенно, для Армении, не имеющей общих границ с другими странами-членами Евразийского Союза.

Особенно важным направлением, по нашему мнению, выступает сфера занятости населения. В этой области цифровизация будет способствовать соз-

данию дополнительных возможностей при трудоустройстве граждан на всей территории Евразийского Союза, повышению уровня занятости, и в целом формированию цифровой системы (среды) оперативного взаимодействия государства, бизнеса и трудовых ресурсов. Например, в Казахстане существует так называемая база, где хранятся электронные трудовые договора. Цифровизация в этой области направлена на обеспечение трудоустройства граждан при предоставлении удостоверения личности, а также осуществление перехода на электронные трудовые книжки [14]. Это позволяет ускорить доступ к трудовому профилю гражданина и подтвердить его компетенции. Реализация такого проекта требует действия такой Электронной биржи труда, интегрированной в перспективе с цифровыми системами взаимодействия всех стран-членов ЕАЭС в области трудовой деятельности и обеспечению занятости в регионе.

Одним из перспективных направлений, которое активно внедряется в процесс цифровизации многими странами – это внедрение технологии блокчейн (область распределения данных) [15]. Особую роль это играет при формировании общего финансового пространства, что актуально для ЕАЭС, где процесс создания и развития финансового рынка уже запущен и должен быть сформирован к 2025 г. согласно Договора о ЕАЭС. Специалистами выделен сегодня ряд преимуществ, которые можно получать с помощью технологии блокчейн, основными из которых являются снижение рисков в области управления денежными потоками, а именно эффективная политика противодействия их движения в низконалоговые юрисдикции.

Следует отметить, что сегодня за шестилетний срок существования ЕАЭС, уже многое сделано по развитию цифровизации на евразийском пространстве. Так уже сегодня постепенно разрабаты-

вается и адаптируется ИИС ЕАЭС. Она создается для совместной работы по реализации интеграционных экономических интересов стран-членов ЕАЭС [16]. В рамках ИИС будут работать банк общих информационных ресурсов, позволяющий осуществлять взаимный обмен данными и вести электронный документооборот, что важно в части своевременности получения информации, увеличения скорости ее подачи и обработки. Это упростит также взаимодействие и контроль государственных органов стран-членов ЕАЭС.

Целесообразным является и развитие единой геоинформационной системы в рамках интеграции стран ЕАЭС, позволяющая также ускорять многие процессы перемещения продукции и способствующие упрощению контроля за ее транспортировкой, также более прозрачной станет процесс прослеживаемости продукции по территории ЕАЭС и т.д.

Все эти рекомендации нацелены на повышение эффективности развития Евразийского Союза, ускорению интеграционных процессов на его пространстве. Цифровизация даст возможность актуализировать статистическую и аналитическую отчетность в рамках ЕАЭС, создаст предпосылки для оптимизации логистики и транспортной инфраструктуры. В перспективе обеспечение так называемой интероперабельности послужит катализатором перехода экономики к новейшему поколению эффективно взаимодействующих цифровых систем в мировом пространстве.

Наряду с развитием инициатив относительно цифровизации на пространстве ЕАЭС, необходимо отметить, что имеется и ряд различных угроз и определенных барьеров, а также рисков для их реализации.

Среди главного барьера на пути к цифровизации, выделяют препятствия в нормативно-правовом регулировании, характеризующиеся наличием общих

правовых ограничений в области цифровых технологий на наднациональном уровне государств ЕАЭС [17]. Это, в первую очередь, отраслевые правовые барьеры, также барьеры в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, в тарифной политике, в сфере предоставления телекоммуникационных услуг и т.д.

Среди угроз, которые могут препятствовать развитию цифровой экономики в рамках ЕАЭС можно отметить отсутствие на территории Евразийского Союза развитой системы прав потребителей цифрового рынка. Также это угрозы внешнего характера, например, угроза вмешательства в виде контроля над цифровым пространством ЕАЭС со стороны третьих стран, что может способствовать возникновению так называемых кибератак, потере цифрового суверенитета граждан, бизнеса и т.д.

И наконец, необходимо заметить, что все рейтинговые показатели, описанные выше, по странам ЕАЭС, не отражают уровень проникновения зарубежных цифровых компаний на рынок ЕАЭС. Так, экспертами отмечается, что за время кризиса, вызванного пандемией, многие иностранные компании покинули рынок ЕАЭС, однако при этом, ни одна крупная цифровая компания не сократила свое присутствие на евразийском пространстве, а даже его расширила [18]. И в этом аспекте, представленные достаточно высокие значения индексов, скорее отражают возможность и успешность внедрения импортных технологий на пространстве ЕАЭС, которые, несомненно, повышают и уровень цифровизации региона, но при этом не развивают национальный технологический потенциал, не способствуют повышению технологического уклада стран-участниц ЕАЭС.

Специалистами предлагаются различные меры для углубления взаимного сотрудничества в области цифровизации на евразийском пространстве, которые, по нашему мнению, являются

эффективными. Это должно быть развитие сотрудничества в области создания единой системы обмена различными цифровыми данными: разработка криптографических механизмов, обеспечивающих безопасность информации; необходимо модернизировать существующие элементы ИИС торговли; постоянно повышать уровень образования за счет внедрения необходимых учебных программ и т.д.

Отмечается также, что синергетические эффекты от развития цифровой модели ЕАЭС могут быть реализованы через управление в основных стратегически важных отраслях экономики, а именно в сфере энергетики, логистической и социальной инфраструктуре. Такие важнейшие направления, как энергетика и логистика, могут стать драйверами развития евразийских стран, поскольку обладают значительными преимуществами в географическом расположении и ресурсном потенциале [19]. А формирующиеся социальные институты позволят достигать высоких показателей устойчивости экономик, а также эффективного управления трансформационными процессами общества.

При этом необходимым является выработка стратегии, включающей комплекс задач, стоящих перед всеми государствами-членами ЕАЭС, основанная на приведении в соответствие национальных и преимущественно общих интересов региона. Развитие цифровизации даст толчок к повышению технологического уровня стран ЕАЭС. При условии развития своих технологий и цифровых платформ будет способствовать достижению цифрового суверенитета, реализуя совместно цифровые проекты и преодолевая существующие барьеры и проблемы.

В заключении хотелось бы отметить, что принятие, внедрение и развитие процесса цифровизации на пространстве государств Евразийского Союза дает новые возможности в контексте формирования общих рынков, одновременно повышая различного рода риски, которые необходимо учитывать именно с учетом особенностей интеграции ЕАЭС. В целом развитие цифровой повестки, несомненно, будет способствовать обеспечению выгод как для населения стран-участниц ЕАЭС, так и для компаний и государств в целом.

Литература

1. Cohen I.G., Mello M.M. Big Data, Big Tech, and Protecting Patient Privacy // JAMA. 2019. 322(12). pp. 1141-1142.
2. Motta M., Peitz M. Big tech mergers. Information Economics and Policy // 2021. 54. 100868.
3. Андреев В.К., Андреева Л.В. Внедрение цифровых технологий в экономику государств-членов ЕАЭС // Международное сотрудничество Евразийских государств: политика, экономика, право. 2018. № 2. С. 38-47.
4. Зенкина Е.В. Информационное пространство – новое поле международной конкуренции // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. 2020. № 1(43). С.57-61.
5. Рейтинг стран мира по Индексу развития электронного правительства / Гуманитарный портал: Исследования [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2006-2021 (последняя редакция: 10.03.2021). Режим доступа: <https://gtmarket.ru/ratings/e-government-development-index> (дата обращения 25.03.2021).
6. Индекс развития информационно-коммуникационных технологий / Гуманитарный портал: Исследования [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2006-2021 (последняя редакция: 10.03.2021). Режим доступа: <https://gtmarket.ru/ratings/ict-development-index> (дата обращения 25.03.2021).
7. Паспорт Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 16).
8. Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России: докл. к XX междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества / Т.В. Бордачев, К.О. Вишневецкий, М.К. Глазатова и др. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 123 с.

9. Дятлов С.А. Цифровая трансформация экономик стран ЕАЭС: приоритеты и институты развития // Проблемы современной экономики. 2018. № 3(67). С. 18-21.
10. Ратушняк Е.С., Гречков В.Ю. Ограничения и возможности реализации цифровой повестки евразийского экономического союза на текущем этапе // Интернет-журнал «Отходы и ресурсы». 2020. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://resources.today/PDF/15INOR120.pdf> (дата обращения 28.03.2021).
11. Дигилина О.Б., Тесленко И.Б. Трансформация рынка труда в условиях цифровизации // Вестник РГГУ: Экономика. Управление. Право. 2019. № 4-2. С.166-180.
12. Веселовский М.Я., Погодина Т.В. Цифровые технологии и их влияние на инновационное развитие регионального промышленного комплекса // Вопросы региональной экономики. 2019. № 1 (38). С. 21-26.
13. Сопилко Н.Ю. Энергетическое сотрудничество государств ЕАЭС в условиях международной экономической интеграции. М.: РУДН, 311 с.
14. Еремина И.Ю. Цифровые технологии в управлении человеческими ресурсами // В сборнике: Глобальные риски цифровой эпохи и образцы будущего. Материалы IV Международной научной конференции Гуманитарные Губкинские чтения. 2019. С. 122-128.
15. Сопилко Н.Ю., Малимон К.Л., Канюков И.А. Технология блокчейн и способы ее продвижения в современном мире // Экономика и предпринимательство. 2018. № 1(90). С. 606-610.
16. Халова Г.О., Халов О.М. Перспективы цифровизации экономики государств ЕАЭС // Инновации и инвестиции. 2021. № 2. С. 42-45.
17. Шугуров М.В. Право интеллектуальной собственности Евразийского экономического союза: системно-правовой подход // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 4 (129). С. 82-99.
18. Бровка Н.А., Борбугулов М.У. Цифровизация экономики стран ЕАЭС: опасения и перспективы // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. Т. 6. № 4. С. 14-20.
19. Сопилко Н.Ю. Энергетическая интеграция государств Евразийского экономического союза // Вопросы региональной экономики. 2019. № 1 (38). С. 146-152.

УДК 339.9

Механизмы официальной помощи развитию внешнеэкономической деятельности в период пандемии Covid-19

Л.И. Хомякова, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Институт исследований международных экономических отношений
Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва

Институты содействия международному развитию являются важным ресурсом для подготовки, реализации и финансирования проектов, а также выработки мер поддержки внешнеэкономической политики (в том числе в рамках государственно-частного партнерства). Пандемия Covid-19 выявила необходимость перераспределения потоков официальной помощи развитию и финансовых потоков, нацеленных на поддержку внешнеэкономической деятельности, с целью минимизации последствий пандемии. Существенную роль выполняют программы финансирования, реализуемые международными и региональными институтами содействия международному развитию.

Официальная помощь развитию, содействие торговле, пандемия Covid-19, содействие международному развитию.

Mechanisms of official development assistance to foreign economic activity during the Covid-19 pandemic

L.I. Khomyakova, Ph.D. (Econ.), Associate professor,
Leading Researcher of the Institute for the Study of International Economic Relations,
Financial University under the Government of the Russian Federation

International Development Assistance Institutions are an important resource for the preparation, implementation and financing of projects, as well as for the development of measures to support foreign economic policy (including within the framework of public-private partnerships). The Covid-19 pandemic has highlighted the need to redistribute the flows of official development assistance and financial flows aimed at supporting foreign economic activity in order to minimize the consequences of the pandemic. Funding programs implemented by international and regional institutions for international development assistance play a significant role.

Official development assistance, trade facilitation, Covid-19 pandemic, international development assistance.

Внедрение различных механизмов внешней помощи и содействия международному развитию выделилось в самостоятельное направление после Второй мировой войны. Постепенно спектр финансовых потоков, относящихся к категории «официальная помощь развитию», начал расширяться [8]. В широком смысле содействие международному развитию включает в себя различные финансовые потоки, основным компонентом которых является официальная помощь развитию. Государства-доноры добровольно принимают на себя обязательства по оказанию помощи развивающимся странам, что подчеркивает их заинтересованность в данном процессе [6]. Официальная помощь развитию включается в соответствующие нацио-

нальные стратегии стран, а также созданы институты содействия международному развитию, в первую очередь, в развитых странах с высоким уровнем дохода на душу населения.

Важнейшей характеристикой институтов содействия международному развитию является их двойная функция – они не только оказывают непосредственную помощь развитию в соответствии со своей миссией, но и выступают в качестве механизма координации сотрудничества внешних заинтересованных участников между собой и в отношениях со странами-получателями [7].

К официальной помощи развитию относятся потоки в страны и территории, включенные в список получателей официальной помощи развитию КСР в

пользу стран-реципиентов, которые предоставлены официальными агентами, включая федеральные и местные органы власти или их представителями, и которые направлены на экономическое развитие и повышение благосостояния развивающихся стран, имеют льготный характер и содержат грант-элемент [4].

Основные инструменты официальной помощи развитию – гранты (77%), кредиты, капиталовложения (1%) [3]. Согласно предварительным данным, полученным от официальных агентств по развитию, объем официальной помощи развитию от членов Комитета содействия развитию (КСР) ОЭСР в 2019 г. составил 152,8 млрд долларов США, что на 1,4% больше, чем в 2018 г., и составляет 0,30% их совокупного ВВП [4]. Это включает 149,4 млрд долларов США в виде грантов, кредитов суверенным организациям и взносов многосторонним организациям (рассчитывается на основе гранта); 1,9 млрд долларов США на цели развития инструментов частного сектора, 1,4 млрд долларов США в форме чистых кредитов и акций частным компаниям, работающим в странах, имеющих право на официальную помощь развитию, и списание долга на сумму 0,1 млрд долларов США [9].

Двусторонние суверенные займы увеличились на 5,7% в реальном выра-

жении по сравнению с 2018 г., что позволяет предположить, что некоторые доноры могут предоставлять более льготное кредитование странам с низкими доходами [5]. Объем финансирования в 2020 г. будет зависеть от политической воли национальных правительств. По причине того, что большинство бюджетов официальной помощи развитию были сверстаны еще до распространения Covid-19, последствия пандемии и экономической рецессии для содействия международному развитию могут проявиться не сразу, а с задержкой по времени [7].

Несмотря на ухудшение экономических условий в 2020 г. из-за пандемии Covid-19, многие доноры приняли решение о реализации новых программ содействия международному развитию. В частности, МВФ объявил о выделении свыше 100 млрд долларов США в виде экстренных займов и о готовности привлечь еще 1 трлн долларов США. В период кризиса МВФ получил запросы на экстренное предоставление средств от более чем 100 стран. Общая финансовая помощь для 85 стран составляет 77 666,03 млн СДР / 107 307,23 млн долларов США, распределение финансовых потоков по регионам мира приведено в таблице 1.

Таблица 1 – Финансовая помощь МВФ странам-членам, столкнувшимся с экономическими последствиями пандемии COVID-19

Регион	СДР, млн	Эквивалент в долларах США, млн
Азиатско-Тихоокеанский регион	1607,6	2226,88
Европа	4419,1	6118,63
Ближний Восток и Центральная Азия	10435,22	14343,08
Африка к югу от Сахары	11786,67	16330,98
Западное полушарие	49417,44	68287,66

Источник: Официальный сайт МВФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/COVID-Lending-Tracker> (дата обращения: 10.03.2021).

Необходимая поддержка оказывается МВФ с помощью механизмов ускоренного кредитования (Rapid Credit

Facility, RCF) и инструментов ускоренного финансирования (Rapid Financing Instrument, RFI). Финансовая помощь в

рамках RCF предоставляется в виде прямого кредита. Хотя финансирование RCF осуществляется в форме разовой выплаты, существуют возможности для повторного использования данного механизма. Повторное использование RCF возможно, если потребность в платежном балансе вызвана, прежде всего, внезапным и экзогенным шоком или страна имеет опыт проведения адекватной макроэкономической политики. Однако в любой двенадцатимесячный период может быть произведено не более двух выплат. Финансирование в рамках RCF имеет нулевую процентную ставку, льготный период 5,5 лет и окончательный срок погашения 10 лет.

Финансовая помощь в рамках RFI предоставляется МВФ в виде прямых покупок без необходимости проведения полноценной программы. Страны-члены, запрашивающая помощь RFI, должна сотрудничать с МВФ, чтобы приложить усилия для решения своих проблем с платежным балансом и описать общую экономическую политику, которой она предлагает следовать. Как и в рамках RCF, помимо оказания экстренной помощи в виде RFI, Фонд может также предоставлять техническую помощь для наращивания потенциала страны по реализации комплексной макроэкономической политики.

Группа Всемирного банка планирует оказать финансовую помощь нуждающимся государствам в объеме 150 млрд долларов США в ближайшие 15 месяцев.

Члены КСР ОЭСР, несмотря на сокращение национальных бюджетов, выразили решимость сохранить объем бюджета на текущий год. Вместе с тем средства будут перенаправлены на решение неотложных проблем в сфере здравоохранения. Члены G20 заморозили выплату долга для 76 стран-получателей помощи от Международной ассоциации развития. По оценкам ОЭСР, такая мера поможет развивающимся странам отло-

жить выплаты на общую сумму в 16,5 млрд долл. США. ЕС одобрил пакет мер в размере 878,5 млрд долларов США для помощи европейским странам, наиболее пострадавшим от распространения коронавирусной инфекции [7].

Двусторонняя официальная помощь развитию Африке и наименее развитым странам выросла на 1,3% и 2,6% соответственно. Без учета помощи, потраченной на уход за беженцами в странах-донорах, которая снизилась на 2% по сравнению с 2018 г., официальная помощь развитию возросла на 1,7% в реальном выражении.

Доноры G7 предоставили 75% от общего объема официальной помощи развитию, а страны КСР-ЕС – 55%.

США продолжают оставаться крупнейшим донором официальной помощи развитию КСР (34,6 млрд долларов США), за ними следуют Германия (23,8 млрд долларов США), Великобритания (19,4 млрд долларов США), Япония (15,5 млрд долларов США) и Франция (12,2 млрд долларов США). Следующие страны выполнили или превысили установленный ООН целевой показатель от ВВП в 0,7%: Дания (0,71%), Люксембург (1,05%), Норвегия (1,02%), Швеция (0,99%) и Соединенное Королевство (0,70%). Турция превысила целевой показатель 0,7% ОПР / ВВП на 1,15% [4].

Как и всемирные финансовые институты содействия международному развитию (МВФ, Всемирный банк и др.), региональные институты также выделили значительные ресурсы на устранение проблем здравоохранения и макроэкономических последствий, вызванных пандемией Covid-19.

Например, Азиатский банк развития выделил 21,64 млрд долларов на займы и гранты поддержки, 4,49 млрд долларов в виде льготной помощи. 17,15 млрд долларов было выделено из капитала на различные комплексные программы. Негосударственные операции по расширению инвестиций в частный сек-

тор, в новые сектора и приграничные рынки, поддержка нестабильных и затронутых конфликтом ситуаций, малых островных развивающихся государств и стран с низким доходом превысили 3 млрд долларов. Частные операции также мобилизовали софинансирование в размере 6,98 млрд долларов США. Общие обязательства АБР за 2019 год составили 33,74 млрд долларов [11].

ЕБРР был первым международным финансовым институтом, утвердившим комплексную серию мер реагирования и восстановления в Пакете солидарности, опубликованном 13 марта 2020 г. Были выделены средства на инвестиции и выплаты клиентам и странам, пострадавшим от экономического шока, вызванного кризисом. Также были адаптированы и расширены существующие инструменты и разработаны новые инициативы по предоставлению финансов и оперативной консультативной и политической поддержке, чтобы помочь предприятиям и правительствам бороться с экономическими и социальными последствиями вируса. Финансовая поддержка данного направления ЕБРР на 2020-2021 гг. составила 21 млрд евро [1].

Межамериканский банк развития мобилизовал 1 млрд долларов на вакцинацию против Covid-19 в Латинской Америке и странах карибского бассейна. Банк увеличил объем финансирования, скорректировал инструменты кредитования и ускорил процедуры, чтобы помочь странам региона справиться с пандемией и ее социально-экономическими последствиями. Группа МБР утвердила рекордное финансирование в размере 21,6 миллиарда долларов в 2020 г. в ответ на Covid-19 [2].

В настоящее время политика содействия развитию внешнеэкономической деятельности включает в себя различные формы международного сотрудничества и многосторонние механизмы.

Одним из действующих механизмов поддержки реализации внешне-

экономической политики является инициатива «Содействие торговле» (Aid for Trade, англ.), выдвинутая на Министерской конференции ВТО в 2005 г. в Гонконге [24]. Она направлена на оказание помощи развивающимся странам, особенно наименее развитым странам, в наращивании производственно-сбытового потенциала и связанной с торговлей инфраструктуры, которая необходима для реализации соглашений ВТО и, в более широком смысле, для участия в международной торговле. Помощь направлена на совершенствование национальной торговой политики и правил, развитие инфраструктуры и наращивание производственного потенциала [20].

В десятку основных доноров программы «Содействие торговле» входят крупнейшие институты содействия международному развитию – Всемирный банк, Азиатский банк развития, Исламский банк развития, Европейский банк реконструкции и развития, Африканский банк развития, Межамериканский банк развития.

Инициатива «Содействие торговле» реализуется на основе двухгодичных программ. Рабочие программы стимулируют деятельность по оказанию помощи в торговле на местах, в том указывают на необходимость разработки и внедрения конкретных механизмов поддержки внешнеэкономической деятельности в увязке с Целями устойчивого развития ООН [10].

Мониторинг и оценка программ помощи в торговле ОЭСР-ВТО в 2019 г. подчеркнули важность диверсификации с упором на содействие росту в производственном секторе [17]. Диверсификация экспорта является неотъемлемой частью экономического роста и структурных преобразований и остается важной целью развития для многих развивающихся стран. Экспортный спрос на промышленные товары способствует росту обрабатывающего сектора, тем

самым давая импульс структурным преобразованиям.

Академические исследования и программы оценки свидетельствуют о положительном влиянии программы помощи в торговле [17]. Согласно данным ОЭСР и ВТО, на каждый доллар помощи в торговле приходится в среднем 8 долларов экспорта; для беднейших стран эта сумма достигает 20 долларов [16]. Исследование эффективности помощи в торговле предполагает, что увеличение помощи в торговле на цели политики и регулирования на 1% (в процентах от ВВП) вызывает снижение волатильности тарифов на 0,15% [13]. Данное исследование указывает на то, что помощь в торговле оказывает более положительное влияние на страны с более высокой экономической и политической стабильностью [16].

Обязательства по программе «Содействие торговле» выросли на 50% в течение последних 10 лет. Выплаты – на 81% соответственно. В 2018 г. обязательства по программе «Содействие торговле» составили 57,8 млрд долларов США, а выплаты – 45,4 млрд долларов США в постоянных ценах 2018 года [18]. Выплаты наименее развитым странам почти удвоились за десять лет с 7,1 млрд долларов США в 2008 г. до 13,4 млрд долларов США в 2018 г. [15]. Доля наименее развитых стран в помощи в торговле достигла пика в 2009 г. (около 30% от общего объема), после чего она постепенно снизилась до 25% процентов в 2016 г. В 2017 и 2018 гг. эта доля снова выросла до 30%. Азия и Африка получили большую часть глобальных выплат в рамках программы «Содействие торговле» в 2018 г. – 16,1 млрд долларов США (36%) и 17,0 млрд долларов США (38%), соответственно [18].

Доля помощи в торговле в Официальной помощи развитию увеличилась с 20,5% в 2008 г. до 27,3% в 2018 г. [18]. Программа «Содействие торговле» особенно важна для стран, имеющих неди-

версифицированный экспорт. Так, например, ЮНКТАД отмечает, что у ряда наименее развитых стран более 70% экспорта состоит всего из двух товарных позиций [22].

Программа «Содействие торговле» обеспечивает поддержку экономической инфраструктуры (56% в 2018 г.), наращивания производственного потенциала (41%) и торговой политики (3%). С 2010 г. на экономическую инфраструктуру (транспорт, связь и энергетику) постоянно поступает более 50% помощи в торговле. С 2008 по 2018 гг. доля транспорта и хранения остается довольно постоянной и составляет около 29% всей помощи в торговле, тогда как доля, нацеленная на энергетику, увеличилась с 21 до 25% [18].

Помощь для повышения производственного потенциала нацелена на экономическую деятельность, которая производит товары и услуги для торговли. На сельское, лесное и рыбное хозяйство в совокупности приходится почти половина поддержки производственного потенциала, в то время как помощь, предназначенная для банковских и финансовых услуг, составляет около 27%. С 2008 по 2018 гг. помощь банкам увеличилась с 3,4 млрд долларов США до 4,2 млрд долларов США.

Инвестиции в современную и эффективную экономическую инфраструктуру (транспорт, информационные и коммуникационные технологии, водоснабжение, электроэнергетика) необходимы для реализации внешнеэкономической политики. В долгосрочных стратегиях экономического роста, сокращения масштабов нищеты и обеспечения экологической устойчивости развитие инфраструктуры является общим элементом. По оценкам, мировой экономике необходимо ежегодно инвестировать от 5 до 6 трлн долларов США в экономическую инфраструктуру в период с 2015 по 2030 г. [12]. Для этого потребуются дополнительные средства, эквивалентные 600-

800 млрд долларов США в год. На развивающиеся страны придется около 2/3 инвестиций, необходимых для обеспечения более высоких темпов роста и структурных изменений.

Такие существенные потребности в финансировании могут быть частично перекрыты за счет мобилизации финансовых ресурсов частных и институциональных инвесторов (до 10-15 трлн долларов США по некоторым оценкам). Государственные инвестиции остаются основным компонентом инвестиций в инфраструктуру как в развитых, так и в развивающихся странах. Государственный сектор играет ведущую роль в формировании и реализации инфраструктурных проектов [12].

Эксперты McKinsey Global Institute оценивают отраслевую разбивку потребностей глобальной инфраструктуры с горизонтом до 2030 г. в 38% для транспорта, 30% для энергетики, 17% для телекоммуникаций и 15% для гидроэнергетики [23]. Учитывая эти потребности, а также текущие и ожидаемые инвестиционные тенденции, наибольшие пробелы в инвестициях в инфраструктуру будут сосредоточены в производстве и распределении электроэнергии, а затем в транспортной инфраструктуре. Кроме того, во всех секторах необходимы значительные дополнительные ресурсы для смягчения последствий изменения климата и адаптации к нему [21].

Потребность в развитии инфраструктуры, особенно транспорта, имеет ключевое значение для экономического развития. Это указывает на важность всех источников финансирования инфраструктурных проектов.

С институциональной точки зрения официальная помощь развитию существенно отличается от услуг, финансируемых из других источников, например, предоставляемой международными организациями. Бенефициары и институты, предоставляющие инструменты поддержки внешнеэкономической деятель-

ности, зачастую разделены (географически, политически и т.д.). Это разделение может блокировать нормальный процесс обратной связи и адекватной оценки эффективности реализуемых проектов. Также иностранная помощь может предоставляться не одним, а несколькими институтами, что приводит к сбоям в координации и снижает влияние помощи [19].

На первый взгляд представляется, что проекты, реализуемые институтами содействия международному развитию в различных отраслях экономики, эффективно работают, но они иногда не ведут к крупным прорывам в развитии внешнеэкономической деятельности. Если эффективность помощи должна быть более прочно связана с развитием, то необходимо сосредоточиться на поиске способов организации и поощрения новых партнеров, включая государственные и частные, коммерческие и некоммерческие компании. Эксперты предлагают четыре стратегии:

- новый многосторонний подход,
- более прозрачная система помощи,
- дифференцированная стратегия с адекватными ресурсами для каждой страны-получателя,
- долгосрочная направленность помощи [14].

Выводы и предложения.

1. Существует целая система международных институтов, ориентированных на развитие. Они являются важным ресурсом для подготовки и финансирования проектов, особенно в странах с развивающейся экономикой. При этом международные организации выполняют двойную функцию: они не только непосредственно оказывают поддержку нуждающимся странам, но и координируют деятельность различных доноров между собой и в отношениях с реципиентами.

2. Что можно сделать, чтобы помощь институтов содействия международному развитию лучше способствовала

достижению результатов в области реализации внешнеэкономической политики? Есть три основных шага.

Первый шаг – улучшить качество помощи. ОЭСР полагает, что выгоды от помощи резко сокращаются из-за способа ее предоставления. Помощь непостоянна, а непредсказуемость финансовых потоков делает ее еще более непостоянной. Некоторые исследования показывают, что убытки от нестабильности официальной помощи в целях развития могут достигать 9-10% (например, в 2008 г. убытки, по оценкам экспертов, составили 7 млрд долларов) [14]. Кроме того, эта помощь предоставляется в виде 80 000 новых проектов, ежегодно финансируемых не менее 42 странами-донорами посредством двусторонних и многосторонних агентств. Помощь разбивается на все более мелкие проекты; средний размер проекта снижается. Небольшие проекты могут быть успешными, если они являются новаторскими и позже приводят к увеличению масштабов.

Второй шаг – увязать помощь с другими стратегиями развития, такими как торговля, инвестиции и миграция.

Третий шаг – использовать помощь для стимулирования частного сектора, который является основным двигателем развития даже в наименее развитых странах. Но помощь по-прежнему в

основном ориентирована на государственный сектор. Кроме того, за последнее десятилетие фокус помощи сместился с производственного на социальные секторы. Это может обеспечить более надежный фундамент для будущего роста за счет улучшения человеческого капитала в долгосрочной перспективе.

3. Отмечается тенденция к снижению страновой программной помощи (с 55% в 2008-2012 гг. до 50% в 2013-2017 гг. [3]). Вместе с тем, растет количество специализированных фондов, средства которых направляются не конкретным странам, а на конкретные проекты, например, инвестиционные. Представляется целесообразным рассмотреть возможность создания подобных фондов с участием российской стороны.

4. Как правило, институты содействия международному развитию, включая финансовые институты содействия международному развитию, обладают значительным капиталом и собственными финансовыми ресурсами. Эти средства направляются на реализацию проектов во всех регионах мира. В том числе, существенные ресурсы были выделены институтами содействия международному развитию на проекты, нацеленные на устранение последствий пандемии Covid-19.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситету, 2021 г.

Литература

1. Европейский банк реконструкции и развития [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ebrd.com/what-we-do/coronavirus> (дата обращения: 10.03.2021).
2. Межамериканский банк развития [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.iadb.org/en/coronavirus/support-countries/> (дата обращения: 10.03.2021).
3. Морозкина А.К. официальная помощь развитию: тенденции последнего десятилетия // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 9. С. 86-92. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-86-92.
4. ОЭСР [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oecd.org> (дата обращения: 13.02.2021).
5. ОЭСР и страны-доноры работают над сосредоточением усилий в области развития на кризисе Covid-19, опираясь на рост официальной помощи в 2019 году. ОЭСР [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oecd.org/development/oecd-and-donor-countries-working-to-focus-development-efforts-on-covid-19-crisis-building-on-a-rise-in-official-aid-in-2019.htm> (дата обращения: 13.02.2021).
6. Попова О.П. Содействие международному развитию как инструмент внешней политики и внешнеэкономической деятельности ФРГ. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата по-

- литических наук. М.: 2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.instituteofeurope.ru/images/stories/diss/popova/2.pdf> (дата обращения: 13.02.2021).
7. Содействие международному развитию в условиях пандемии COVID-19. Дайджест Счетной палаты РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/%D0%A1%D0%9C%D0%A0%20%D0%B8%20%D0%9A%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%B4%20.PDF> (дата обращения: 01.03.2021).
 8. Содействие международному развитию как инструмент внешней политики: зарубежный опыт / под ред. В.Г. Барановского, Ю.Д. Квашнина, Н.В.Тогановой. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 248 с.
 9. Aid by DAC members increases in 2019 with more aid to the poorest countries. OECD – Paris, 16 April 2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/development-finance-data/ODA-2019-detailed-summary.pdf> (дата обращения: 13.02.2021).
 10. Aid-for-Trade work programme 2020-2022. Committee on Trade and Development. WTO. WT/COMTD/AFT/W/81/Rev.1. 09 July 2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/COMTD/AFTW81R1.pdf&Open=True> (дата обращения: 14.02.2021).
 11. ADB Annual Report 2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/650011/adb-annual-report-2019.pdf> (дата обращения: 10.03.2021).
 12. Bhattacharya A, Oppenheim J and Stern N (2015). Driving sustainable development through better infrastructure: Key elements of a transformation program. Global Economy & Development Working Paper No. 91. Brookings Institute [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/07-sustainable-development-infrastructure-v2.pdf> (дата обращения: 13.02.2021).
 13. Gngangnon S.K. (2019). Effect of Aid for Trade Policy and Regulations on Tariff Policy Volatility: Does Institutional and Governance Quality Matter? *Economics*. 7(1):6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mdpi.com/2227-7099/7/1/6> (дата обращения: 13.02.2021).
 14. Making development aid more effective (2010). The 2010 Brookings Blum Round Table Policy Briefs [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/09_development_aid.pdf (дата обращения: 13.02.2021).
 15. OECD. Aid-for-trade statistical queries [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.oecd.org/dac/aft/aid-for-tradestatisticalqueries.htm> (дата обращения: 23.02.2021).
 16. OECD and WTO (2013). Aid for Trade at a Glance 2013: Connecting to Value Chains. Aid for Trade at a Glance. WTO and OECD Publishing. Geneva and Paris [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.oecd.org/g20/topics/development/aidfortradetaglanceconnectingtovaluechains.htm> (дата обращения: 13.02.2021).
 17. OECD and WTO (2019). Aid for Trade at a Glance 2019: Economic Diversification and Empowerment. Aid for Trade at a Glance. WTO and OECD Publishing. Geneva and Paris [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.oecd.org/development/aid-for-trade-at-a-glance-22234411.htm> (дата обращения: 13.02.2021).
 18. SGD Pulse [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sdgpulse.unctad.org/trade-policy/> (дата обращения: 23.02.2021).
 19. Svensson J. (2006). The institutional economics of foreign aid. *Swedish economic policy review*. 13 (2006). pp.115-137 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.government.se/49b739/contentassets/1466e8522c49410c83ea2052c347d804/jakob-svensson-the-institutional-economics-of-foreign-aid> (дата обращения: 28.02.2021).
 20. UNCTAD (2016). Development and globalization: Facts and figures 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://stats.unctad.org/Dgff2016/> (дата обращения: 13.02.2021).
 21. UNCTAD (2019). SDG Investment Trends Monitor. UNCTAD/DIAE/MISC/2019. Geneva [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/diaemisc2019d4_en.pdf (дата обращения: 13.02.2021).
 22. UNCTAD (2020). UNCTADStat [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://unctadstat.unctad.org/> (дата обращения: 23.02.2021).
 23. Woetzel J, Garemo N, Mischke J, Hjerpe M and Palter R (2016). Bridging global infrastructure gaps. McKinsey Global Institute [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/industries/capital-projects-and-infrastructure/our-insights/bridging-global-infrastructure-gaps> (дата обращения: 13.02.2021).
 24. WTO (2015). Ministerial declaration. WT/MIN(05)/DEC. Hong Kong. 22 December [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.wto.org/english/thewto_e/minist_e/min05_e/final_text_e.htm (дата обращения: 13.02.2021).

Адрес редакции:
141070, Королев,
Ул. Октябрьская, 10а
Тел. (495)543-34-31 (доб.138),
E-mail : rio-kimes@mail.ru,
Site:www. unitech-mo.ru

Подписано в печать 18.06.2021
Формат В5
Печать офсетная. Усл.печ.л. 13,9
Тираж 500 экз.
Заказ № 90-02
Отпечатано
в типографии
ООО «Научный консультант»
г. Москва
Хорошевское шоссе, 35, корп.2
Тел.: +7 (926) 609-32-93,
+7 (499) 195-60-77
E-mail :keyneslab@gmail.com
Site:www.n-ko.ru